

ГОДЪ

XLIV.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 18.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1903 года, мая 4-го.

Содержаніе: Смысль церковнаго брака. — Митрополитъ Теофноствъ, какъ учитель христіанской жизни (окончаніе). — Наблюденія и замѣтки сельскаго священника.

Смысль церковнаго брака.

Бракъ — основа семьи, семья — основа общества. Не мудрено поэтому, что какъ скоро въ печати или обществѣ поднимается вопросъ о бракѣ, его обсужденіе получаетъ самый оживленный и порою даже жгучій характеръ. Такой, именно, характеръ получила полемика между покойнымъ педагогомъ С. А. Рачинскимъ и здравствующимъ публицистомъ В. В. Розановымъ по вопросу о сравнительной цѣнности церковнаго и внѣ-церковнаго брака, которую они вели другъ съ другомъ въ частной перепискѣ. Тонкое критическое чутье, свойственное Рачинскому, сразу подмѣтило въ статьяхъ и письмахъ Розанова бесспорную оригинальность, порою даже свѣжесть и глубину мысли, но вмѣстѣ съ тѣмъ „причудливость и темноту слога“, — качества, какими и до сихъ поръ отличаются

писанія послѣдняго. Переписка продолжалась до того времени, пока Розановъ не выступилъ въ литературный походъ противъ церкви, яко-бы искажившей истинно христіанскій взглядъ на бракъ. Одинаково признавая бракъ таинствомъ, наши корреспонденты разошлись въ рѣшеніи вопроса: „формально только или по существу бракъ есть таинство? есть ли онъ таковое по многоцѣннымъ собственнымъ качествамъ или по провозглашенію его такъ-вымъ церковію,—потому, что онъ есть собственность церкви“? Такъ какъ въ основѣ брака лежитъ естественное влеченіе лица одного пола къ лицу другого пола, представляющее собою выраженіе не божественнаго, а „человѣческаго, *только* человѣческаго“ элемента жизни, то поставленный вопросъ рѣшается такъ или иначе въ зависимости отъ различнаго взгляда на человѣческую природу, взятую въ ея естественномъ состояніи. Разъ мы станемъ на ту точку зрѣнія, что человѣческая природа сама по себѣ не можетъ быть признана нечистой, скверной, поганой, то мы должны отрицать приложимость этихъ предикатовъ и къ той потребности, которая лежитъ въ основѣ брака, и къ той формѣ общенія, въ которой онъ находитъ свое естественное выраженіе: брачное ложе чисто, нескверно *само по себѣ*, а не потому, что оно благословляется церковію; бракъ есть таинство по существу, а не потому, что онъ провозглашается церковію въ качествѣ таковаго. Если бы брачное сожитіе само по себѣ не было чистымъ,—разсуждаетъ г. Розановъ,—тогда не только церковь, но и самъ Богъ не могъ бы благословить брака по той простой причинѣ, что „невозможно благословить грѣшную вещь“: если бы Богъ благословилъ вещь, до Его благословенія и виѣ Его благословенія грѣшную, то черезъ актъ благословенія Самъ присоединился бы къ грѣшной ея природѣ и такимъ образомъ сдѣлался бы грѣшнымъ, что невозможно. Не потому бракъ святъ, что онъ благословляется церковію, а потому онъ и благословляется церковію, что онъ святъ по самой своей природѣ. А если такъ, то бракъ—въ смыслѣ святаго союза мужчины и женщины —возможенъ не

только въ церкви, но и внѣ церкви. Таковъ тотъ взглядъ на бракъ, который проводилъ Розановъ въ своихъ письмахъ къ Рачинскому. Иначе смотрѣлъ на дѣло этотъ послѣдній: съ его точки зрѣнія бракъ только въ нѣдрахъ церкви, только въ силу благословенія церкви можетъ получить характеръ чистаго, несквернаго союза между женщиной и женщиной. „Все, что лежитъ въ святой десницѣ,—свято“, такъ формулируетъ Розановъ взглядъ Рачинскаго на бракъ. „Я же,— пишетъ онъ о себѣ,—осторожно заглянувъ въ десницу, сказалъ: „Э, это—золото! въ десницѣ оно или на мостовой—цѣна его столько-то за золотникъ“. Между этими сужденіями, по сознанию самого Розанова, громадная разница: для одного безконечнымъ авторитетомъ обладаетъ только церковь, другое и міру усвоитъ безконечный авторитетъ. Выѣстъ съ тѣмъ первая точка зрѣнія „полна горечи и слабости: человекъ чувствуетъ гибель свою, какъ только не держится рукою за камень въ выступѣ стѣны церковной“; онъ какъ бы плыветъ по томящему и мірообъемлющему океану, морская пучина готова поглотить его, и онъ въ страхѣ и изнеможеніи кричитъ: спасите! погибаю! Церковь слышитъ этотъ отчаянный крикъ и спѣшитъ на помощь погибающему. Иная картина разворачивается при второй точкѣ зрѣнія: она нашла силы и радости; нѣчто царственное туманитъ взоръ; человекъ похожъ на ребенка, плещущагося на отмели материка, гдѣ онъ стоитъ твердо и не чувствуетъ потребности кричать: спасите! погибаю! ¹⁾ Такъ, возвышая авторитетъ міра, Розановъ прииживаетъ авторитетъ церкви.

Чтобы разобраться въ изложенныхъ сужденіяхъ, постараемся сначала уяснить сущность брака, а потомъ опредѣлить дѣйствительное отношеніе къ нему церкви.

Естественная основа брака заключается въ самой природѣ человека. „И сотворилъ Богъ человека, — читаемъ въ

¹⁾ См. Русскій Вѣстникъ, 1902, X: „Изъ переписки С. А. Рачинскаго“. предисловіе В. В. Розанова.

первой главѣ книги Бытія,—мужчину и женщину сотворилъ ихъ“. По смыслу этихъ словъ, ни мужчина ни женщина въ отдѣльности не составляютъ цѣльнаго человѣка: это—половинчатые люди, это—пóлы. Вотъ почему „не добро быти чело-вѣку единому“ (2, 18); вотъ почему первозданный чело-вѣкъ на первыхъ же порахъ почувствовалъ свое одиночество: среди животныхъ полевыхъ и птицъ небесныхъ „не нашлось помощника, подобнаго ему“ (2, 20). И только тогда, когда Богъ создалъ жену и привелъ ее къ Адаму, у того миновало сознаніе своей половинчатости, своего одиночества: природа подсказала ему, что въ общеніи съ женой, — такомъ общеніи, тѣси́бе котораго и не можетъ быть на землѣ (2, 25; ср. Мѡ. 19, 5; Мрк. 10, 7—8; 1 Кор. 6, 16; Ефес. 5, 31), — онъ найдетъ восполненіе своей личности. Богъ благословилъ первую брачную чету, сопроводивъ свое благословеніе такими словами: „Раститесь и множитесь!“ (Быт. 1, 28). Безъ сомнѣнія, если бы брачное общеніе само по себѣ не было чистымъ, Богъ не благословилъ бы брачную жизнь первозданной четы, потому что, — по справедливому замѣчанію Розанова, — „невозможно благословить грѣшную вещь“. Несомнѣнно и то, что пока душа первыхъ людей была чиста, ихъ брачная жизнь также отличалась чистотою: „и были оба наги, Адамъ и жена его, и не стыдились“ (2, 25). Но изъ того, что брачное общеніе первыхъ людей (до паденія) отличалось чистотою, еще не слѣдуетъ, чтобы *всякое* общеніе между мужчиной и женщиной было свято; изъ того, что Богъ благословилъ первую брачную чету, вовсе не слѣдуетъ, что *всякое* общеніе между мужчиной и женщиной достойно благословенія: Божіе благословеніе почиетъ только на томъ, что чисто, а можно ли признать чистымъ всякое общеніе между мужчиной и женщиной—это еще вопросъ. Вислѣдствіи мы войдемъ въ разсмотрѣніе этого вопроса, а пока возвратимся къ той мысли, что и съ библейской точки зрѣнія психо-физическая основа брака заключается въ особенностяхъ именно *человѣческой* природы: „въ воскресеніи, т. е. въ будущей жизни,—

по словам Спасителя,—ни женятся, ни выходятъ замужъ, но пребываютъ, какъ ангелы Божіи на небесахъ“ (Мѣ 22, 30). Иное дѣло—земная жизнь. Въ силу особенностей своей психо-физической организаціи лицо одного пола влечется ко всестороннему—не только духовному, но и тѣлесному—общенію съ лицомъ другого пола; въ силу своего специфическаго характера половое влеченіе находитъ свое удовлетвореніе не въ духовномъ только, но и въ тѣлесномъ общеніи между мужчиной и женщиной, результатомъ котораго является дѣторожденіе. Духовное общеніе, какъ бы тѣсно оно ни было, не есть бракъ: это—дружба, отнюдь не предполагающая между друзьями половой противоположности; но съ другой стороны и тѣлесное общеніе между мужчиной и женщиной не есть еще бракъ: такое общеніе бываетъ и у животныхъ, но среди нихъ напрасно было бы искать брака въ собственномъ смыслѣ этого слова. Дѣло въ томъ, что тѣло и душа такъ тѣсно соединены въ человѣческой природѣ, что составляютъ изъ себя одну—цѣльную и нераздѣльную—личность, а потому половое общеніе не можетъ оставаться только тѣлеснымъ соединеніемъ: оно имѣетъ тенденцію перейти въ самое интимное сближеніе между двумя *личностями*. Внѣшнимъ образомъ это выражается въ томъ, что вмѣстѣ съ тѣлеснымъ сближеніемъ обычное „вы“ самымъ естественнымъ образомъ переходитъ въ „ты“. Это уже фактъ психологическаго порядка, много говорящій и ко многому обязывающій. Тѣлесная организація у всѣхъ лицъ того или другого пола одинакова. Иное дѣло—организація психо-физическая, иное дѣло—*личность*, взятая во всей полнотѣ своихъ проявленій: каждая отдѣльная личность представляетъ собою нѣчто самобытное, оригинальное, съ другими личностями далеко не тождественное, при чемъ она сознаетъ свою индивидуальную самобытность: мало того, что Петръ не похожъ на Ивана, — онъ сознаетъ свое отличіе отъ Ивана. Значитъ, объектомъ полового влеченія служитъ не вещь, а личность. Но къ личности нельзя относиться такъ, какъ къ вещи. По глубокому разъясненію Канта, вещи принадлежить

внѣшняя, условная цѣнность; личность имѣетъ цѣнность внутреннюю, безусловную. Вещь—*средство* для достиженія сторонней цѣли; личность—*цѣль* сама по себѣ. Вещи имѣютъ цѣну; личность обладаетъ достоинствомъ. Отсюда вытекаетъ нравственное требованіе: никогда не пользуйся личностью, какъ вещью, какъ только средствомъ для достиженія внѣшней по отношенію къ ней цѣли,—уважай человѣческую природу и въ себѣ самомъ, и въ другихъ. Для христіанскаго сознанія требованіе, выставленное Кантомъ, не представляется чѣмъ-либо новымъ: это—философская формулировка той мысли, которая нашла своеобразное выраженіе въ притчѣ Спасителя о томъ, какъ пастырь, оставивъ въ горахъ 99 овецъ, идетъ искать одну заблудившуюся (Мѣ. 18, 12). Приведенное требованіе, какъ и вообще требованія нравственнаго закона, не допускаетъ изъятій, а потому имъ должны регулироваться и взаимныя отношенія между двумя полами: пользоваться лицомъ другого пола только какъ средствомъ чувственнаго наслажденія было бы униженіемъ человѣческой личности и—слѣдовательно—попраніемъ нравственнаго закона.

Чѣмъ богаче внутреннее содержаніе двухъ личностей, вступившихъ въ брачное общеніе другъ съ другомъ, тѣмъ полнѣе ихъ брачная жизнь. Для лицъ, живущихъ богатою внутреннею жизнью, вступить въ бракъ—это значитъ не только раздѣлять брачное ложе, но вмѣстѣ думать, вмѣстѣ трудиться, вмѣстѣ молиться, вмѣстѣ воспитывать дѣтей, если они есть. Да въ натурахъ неиспорченныхъ самое половое влеченіе сказывается не въ предвкушеніи тѣхъ чувственныхъ наслажденій, которыя связаны съ брачною жизнью, а въ смутныхъ порывахъ къ новой—болѣе содержательной, болѣе интенсивной—жизни въ тѣсномъ общеніи съ любимымъ лицомъ. При такомъ характерѣ половой любви тѣлесное общеніе между супругами является лишь однимъ изъ многихъ ингредиентовъ этого сложнаго состоянія, будучи не главною цѣлю, а лишь *завершительнымъ выраженіемъ* самаго интимнаго общенія между двумя лицами разнаго пола. Въ такомъ—и только та-

комъ — характеръ тѣлеснаго общенія заключается возможность его нравственнаго оправданія. Здоровому чувству положительно претитъ возведеніе въ апоѳеозъ той страстности, какою сопровождается тѣлесное общеніе между мужчиной и женщиной, что мы находимъ у Розанова (въ книгѣ „Въ мірѣ неяснаго и нерѣшеннаго“). Но не мирится оно и съ причудливими мечтами одного молодого инока о безусловно-безстрастномъ характерѣ полового общенія¹⁾. Одинъ провозглашаетъ священнодѣйствіемъ то, чего и дѣйствіемъ-то нельзя назвать; другой, какъ бы не желая ничего знать о дѣйствительной природѣ челоуѣка и забывая объ авторитетныхъ указаніяхъ ап. Павла относительно брачной жизни (1 Кор., гл. 7), развѣртываетъ въ своемъ воображеніи такія перспективы, которыя въ такой степени далеки отъ дѣйствительной жизни, что не могутъ служить по отношенію къ ней регулирующимъ началомъ...

Цѣль брака, какъ самаго интимнаго и всесторонняго общенія между мужемъ и женой, заключается не только въ рожденіи и воспитаніи дѣтей, но и въ восполненіи другъ друга для совмѣстной работы на жизненномъ поприщѣ. Нельзя сказать, чтобы всѣ люди въ одинаковой степени нуждались въ подобномъ восполненіи. Есть такія натуры, которыя не чувствуютъ настоятельной потребности въ исключительно тѣсномъ и всестороннемъ общеніи съ лицомъ другого пола: это — или анахореты, которые любятъ работать въ уединеніи (будетъ ли то монастырская келья или ученый кабинетъ), или — наоборотъ — люди общественные, которые въ такой степени поглощены общественными отношеніями, что для брачной жизни у нихъ не остается мѣста. Они — не для семьи, и семья — не для нихъ. Семейная жизнь скорѣе ослабитъ, нежели повыситъ рабочую энергію подобныхъ лицъ. Такимъ натурамъ лучше не вступать въ бракъ, если только онѣ мо-

¹⁾ См. статью іеромонаха Михаила (Семенова) „Психологія таинствъ“ въ „Миссіон. Обзор.“ за 1902 г., ноябрь, особ. стр. 570—571.

гутъ положиться на себя въ томъ отношеніи, что не будутъ въ своемъ офіціальному безбрачіи пользоваться лицомъ другого пола, какъ вещью, какъ орудіемъ чувственнаго наслажденія. О нихъ сказано Спасителемъ: „могій вмѣстити да вмѣститъ“ (Мѡ. 19, 12)¹⁾. Но если кто сознаётъ, что его личность нуждается въ восполненіи для того, чтобы проявить себя въ жизни съ наибольшей энергіей и полнотой, — такому лицу слѣдуетъ вступить въ бракъ, и это не только по личнымъ, но и по общественнымъ мотивамъ, потому что общество заинтересовано возможно большимъ количествомъ правоспособныхъ работниковъ. Очевидно, выборъ между бракомъ и безбрачіемъ—дѣло личное (въ смыслѣ зависимости отъ индивидуальныхъ особенностей того или другого лица), а потому относительно него нельзя дать опредѣленныхъ предписаній... Но что если не удастся вступить въ бракъ тому, кто чувствуетъ потребность въ этомъ родѣ повышенія жизненной энергіи? Безъ сомнѣнія, это—несчастіе его жизни, но такое несчастіе, которое никакъ нельзя признать исключительнымъ въ ряду тѣхъ невзгодъ, какія выпадаютъ на долю людей: его можно поставить на одну доску съ такими несчастіями, какъ хроническая болѣзнь, парализующая работу еще бодрого, дѣятельнаго духа, какъ невозможность поступить въ академію или университетъ при страстномъ желаніи получить высшее образованіе, какъ неудача въ выборѣ жизненной профессіи и т. п. Не удалось вступить въ бракъ, не удалось поступить въ академію, — и тамъ и здѣсь много потеряно, — много, но далеко не все, потому что возможна осмысленная жизнь и въ другихъ условіяхъ. Не слѣдуетъ забывать и того, что если горько бываетъ вынужденное одиночество, то неудачный бракъ еще горьче...

¹⁾ Отъ людей того и другого типа слѣдуетъ отличать такихъ лицъ, которыя бѣгутъ отъ брака потому, что боятся сложности обязанностей и заботъ, связанныхъ съ брачною жизнью: *это—практическіе эпикурейцы, къ тому же не глубокиѣ.*

Если бракъ состоитъ въ такомъ общеніи между двумя личностями, которое охватываетъ всѣ стороны человѣческой природы, то можно ли (вслѣдъ за г. Розановымъ) возводить въ апофеозъ то, что составляетъ одну сторону брака? Нельзя. Коль скоро бракъ сводится только къ тѣлесному общенію между мужчиной и женщиной, онъ теряетъ свою полноту, цѣльность, гармоничность, онъ становится уродствомъ, подобнымъ физическому уродству, которое состоитъ въ отсутствіи гармоніи между частями цѣлаго, въ чрезмѣрномъ развитіи одного органа на счетъ другого. Истинный бракъ не таковъ: онъ долженъ быть гармонически — цѣлостнымъ сочетаніемъ двухъ главныхъ сторонъ брака — духовной и физической, при чемъ первая должна занимать господствующее мѣсто, а вторая — подчиненное. Въ гармонически — цѣлостномъ сочетаніи указанныхъ сторонъ брака и состоитъ то свойство брака, которое на языкѣ церкви называется *цѣломудріемъ*: это — не отрицаніе физической стороны брака, а отведеніе ей подобающаго мѣста. Разумѣется, если у мужа и жены нѣтъ ничего общаго въ томъ содержаніи, какимъ заполняется ихъ жизнь, если они кореннымъ образомъ расходятся не только въ характерахъ (послѣднее скорѣе активъ, нежели пассивъ брачной жизни), но и въ своихъ идеалахъ, тогда ихъ брачная жизнь волей-неволей сводится только къ тѣлесному общенію, — особенно, если нѣтъ дѣтей, которыя служили бы связующимъ звеномъ между супругами. Наоборотъ, чѣмъ больше общности между ними въ воззрѣніяхъ и идеалахъ, тѣмъ полнѣе и гармоничнѣе ихъ брачная жизнь. Разъ у мужа и жены есть общая святыня, которой они служатъ, ихъ совмѣстная жизнь не можетъ сводиться къ одному тѣлесному общенію. Мало того: при такихъ условіяхъ внутренняя связь между мужемъ и женой продолжается даже и тогда, когда тѣлесное общеніе становится почему-либо невозможнымъ; ихъ союзъ получаетъ характеръ неразрывности. Отсюда слѣдуетъ, что цѣломудріе обуславливается тѣмъ качествомъ брака, которое на языкѣ церкви называется *единомудріемъ*, т. е. связывающею супру-

говъ общностью ихъ жизненнаго дѣла, возрѣній и идеаловъ. Цѣломудріе и единомудріе—это два столпа, на которыхъ покоится истинный бракъ. Мало того, что они сообщаютъ гармоническій характеръ браку,—они, вмѣстѣ съ тѣмъ создаютъ благоприятную атмосферу для рожденія и воспитанія дѣтей: только при наличности этихъ условій можно рассчитывать съ нѣкоторою вѣроятностью на то, что дѣти не будутъ нравственными и физическими уродами.

Поглѣ сказаннаго можно ли оправдывать безпорядочность въ отношеніяхъ между мужчиной и женщиной? Она разрушаетъ самое существо брака; она является надругательствомъ надъ личностью того изъ супруговъ, кто все, что имѣлъ, отдалъ другому супругу; она ставитъ въ безпомощное положеніе дѣтей, которыя растутъ безъ призора и ласки, порою лишеныя даже возможности знать своихъ родителей (чаще всего отца), потому что тѣ *не хотятъ* знать своихъ дѣтей. Несомнѣнно, что заповѣдь „не прелюбы сотвори“ имѣетъ свою основу не только въ божественномъ авторитетѣ, но и въ глубинѣ человѣческой природы: „заповѣдь сія—не недоступна для тебя и не далека; она не на небѣ—и не за моремъ она; но весьма близко къ тебѣ слово сіе: оно въ устахъ твоихъ и въ сердцѣ твоемъ, чтобы исполнять его“ (Втор. 30, 11—14).

Хотя отдѣльныя черты намѣченнаго идеала брачной жизни встрѣчаются въ дѣйствительности, однако слѣдуетъ признать, что въ общемъ брачная жизнь далека еще отъ своего идеала: семейная жизнь въ значительной степени закрыта для посторонняго глаза, и тѣмъ не менѣе едва ли не каждый день приноситъ намъ новые факты въ подтвержденіе той горькой истины, что далеко не всегда существуетъ между супругами единомудріе, а при отсутствіи единомудрія нарушается и цѣломудріе—не въ смыслѣ только измѣны одного изъ супруговъ, но прежде всего въ смыслѣ преобладанія въ бракѣ той стороны, которая должна бы занимать подчиненное положеніе. Въ идеалѣ „бракъ честень“; на дѣлѣ не такъ: браку часто недостаетъ гармоничности, одухотворенности. Въ идеалѣ

бракъ чистъ; на дѣлѣ въ брачной жизни бываетъ много нравственной и физической грязи. А если такъ, то отношеніе церкви къ браку нельзя представлять такъ просто, какъ это дѣлаеть г. Розановъ. Разъ церковь благословляетъ бракъ,— скажемъ вмѣстѣ съ названнымъ публицистамъ,—то тѣмъ самымъ она признаеть его достойнымъ благословенія (значить, несквернымъ, чистымъ), но,—прибавимъ отъ себя,—не въ его фактическихъ обнаруженіяхъ, которыя могутъ быть и бывають дурны, нечисты, а въ его принципѣ, въ его идеалѣ. Да, *въ принципѣ* „бракъ честенъ и ложе нескверно“; церковь знаетъ это и потому и благословляетъ „благое и непринужденное произволеніе“ жениха и невѣсты вступить въ брачную жизнь. Но знаетъ она и то, что на дѣлѣ бракъ выражается въ такихъ формахъ, которымъ слишкомъ далеко до идеала, которыя оказываются не воплощеніемъ, а искаженіемъ высокаго принципа, и потому предписываетъ священнику предъ началомъ вѣнчанія выяснить жениху и невѣстѣ христіанскій взглядъ на бракъ („что есть супружества тайна, и какъ въ супружествѣ богоугодно и честно жительствовати имуть“). Но этого мало: помня апостольское слово о томъ, что отъ добраго намѣренія еще далеко до добраго дѣла („не еже бо хощу доброе, творю, но еже не хощу—злое, сіе содѣваю“), хорошо зная скромные размѣры нравственныхъ силъ человѣка, часто ослабѣвающихъ въ борьбѣ съ собственными страстями и внѣшними невзгодами, церковь усиленно молитъ Бога о томъ, чтобы Онъ „въ началѣ создавый человѣка и рекій: не добро быти чело-вѣку единому на земли“, ниспослалъ своимъ рабамъ, полагающимъ начало новой жизни, благодатную помощь, во еже жити имъ въ цѣломудріи („подаждь рабамъ твоимъ симъ—цѣломудріе“) и единомудріи („сопрязи я въ единомудріи“). Очевидно, смыслъ церковнаго вѣнчанія состоитъ не въ томъ только, что церковь, благословляя жениха и невѣсту въ ихъ благомъ намѣреніи, тѣмъ самымъ санкціонируетъ святость брака (снова повторяю: въ принципѣ, а не въ фактическихъ обнаруженіяхъ), но и въ томъ, что своими назиданіями и

молитвами она создаетъ условія наиболѣе благопріятныя для того, чтобы брачная жизнь была чистою, содержательною, цѣлостно-гармоническою. При этомъ нужно имѣть въ виду, что вѣнчаніе — это только одинъ изъ элементовъ церковнаго строя, созданнаго для того, чтобы воспитывать въ „человѣкѣ“, *только* „человѣкѣ“ человека — христіанина и содѣйствовать наступленію царства Божія, царства правды. Пребываніе въ церкви наполняетъ жизнь человека богатымъ внутреннимъ содержаніемъ и требуетъ отъ него энергичной дѣятельности. Можетъ ли какая другая задача сравниться по своей захватывающей широтѣ съ той, которую ставитъ церковь для каждаго изъ насъ — споспѣшествовать наступленію царства правды? Разумное и искреннее служеніе этому дѣлу не можетъ не отражаться и въ брачной жизни христіанина, обогащая ее цѣннымъ содержаніемъ, вслѣдствіе чего семья становится какъ бы малою церковію. Вотъ почему нигдѣ нѣтъ условій, болѣе благопріятныхъ для нормальной брачной жизни, нежели въ церкви: церковная атмосфера такъ чиста и содержательна, что служитъ очищающимъ горниломъ для человѣческой природы, зараженной грѣхомъ. Не можетъ эта атмосфера не дѣйствовать очищающимъ образомъ и на брачную жизнь человека, если только онъ самъ намѣренно или ненамѣренно не уклоняется отъ воздѣйствія церкви. Г. Розановъ, желая показать равноцѣнность церковнаго и внѣ-церковнаго брака, сравниваетъ первый съ золотой монетой, лежащей въ святой десницѣ, а второй — съ такою же монетой, валяющеюся на мостовой: обѣ имѣютъ одинаковую цѣнность. Я бы употребилъ другое сравненіе. Я сравнилъ бы психо-физическую организацію каждаго отдѣльнаго человека съ зернышкомъ (сѣменемъ) какого-либо дерева. Допустимъ, что зернышко само по себѣ здоровое, не червивое вы посадите въ неблагопріятную почву, да и позабудете про него, предоставивъ его собственнымъ силамъ. При такихъ условіяхъ изъ зернышка вырастетъ хилое, кривое деревцо, слишкомъ воспріимчивое къ воздѣйствію вредныхъ микроорганизмовъ. Посадите то же самое зернышко въ

сродную ему почву, поливайте его, охраняйте отъ вредныхъ насѣкомыхъ, откройте къ нему доступъ тепла и свѣта—и изъ него выростеть здоровое, крѣпкое, устойчивое дерево, которое не сломится подъ напоромъ бури и не поддастся развѣдающему воздействию микроорганизмовъ. Благопріятная атмосфера для нормальнаго развитія человѣческой природы—въ церкви, неблагопріятная—вне ея. Правда, много хорошаго есть и за предѣлами церкви, но въ ея нѣдрахъ это хорошее не только не погибло, но достигло бы своего высшаго разцвѣта. Напрасно думаетъ г. Розановъ, что церковная атмосфера насыщена одною горечью. То правда, что много тревоги въ отчаянномъ крикѣ: *спасите! погибаю!* Но вѣдь этотъ крикъ чаще слышится за стѣнами церкви или у ея порога. Какъ только раздастся такой крикъ—церковь спѣшитъ къ погибающему на помощь, и сколько бываетъ самой высокой, чистой радости, если удастся спасти погибающаго! Вспомнимъ и то, что тотъ же апостоль, который съ душевною болью воскликнулъ „бѣдный я человѣкъ“! писалъ своимъ возлюбленнымъ филиппійцамъ: „Радуйтесь всегда о Господѣ, и паки реку—радуйтесь!“—что стѣны православнаго храма оглашаются не только покаяннымъ „Согрѣшихомъ, беззаконновахомъ“, но и ликующимъ „Христось воскресе“! Да возьмите, наконецъ, самый чинъ вѣчанія: отъ начала до конца онъ проникнуть бодрымъ и свѣтлымъ настроеніемъ. Сколько свѣта и тепла прежде всего въ евангельскомъ отрывкѣ о бракѣ въ Канѣ Галилейской, который читается при вѣчаніи. Своимъ присутствіемъ на брачномъ торжествѣ Христось освятилъ наши земныя радости—только бы онѣ не заключали въ себѣ правдивной грязи. Но вѣдь послѣдняго рода наслажденія не столько ободряютъ, сколько ошьяняютъ человѣка. Въ этомъ ли заключается бодрое, здоровое веселье?! Г. Розанову представляется особенно привлекательнымъ положеніе ребенка, который беззаботно плещется на отмели материка. Разумѣется, *suus sibi* (всякому свое); однако, разсуждая безпристрастно, едва ли можно возводить въ идеаль безпечную радость ребенка.

Правда, онъ не чувствуетъ потребности кричать: спасите! погибаю! но это его вовсе не застраховываетъ ни отъ горькаго плача, ни отъ ранней гибели: стоитъ начаться прибою морскихъ волнъ—и конецъ его едва распустившейся жизни! Положеніе взрослога на прочномъ, хорошо оснащенномъ кораблѣ гораздо надежнѣе. Конечно, радость взрослога человѣка сдержаннѣе, нежели радость ребенка, но за то содержательнѣе, прочнѣе и глубже. Церковь—прочный, хорошо оснащенный корабль, на которомъ—правда—порою льются слезы, но за то бываютъ и прочныя радости.

Что же?—спросить единомышленники г. Розанова,—неужели только въ церкви возможенъ истинный бракъ? Съ церковной точки зрѣнія, на этотъ вопросъ не можетъ быть иного отвѣта, кромѣ положительнаго: да, истинный бракъ возможенъ только въ церкви, но это не значитъ ни того, что за предѣлами церкви въ области брачныхъ отношеній нѣтъ ничего хорошаго, ни того, что всѣ браки, заключенные съ благословенія церкви, по тому самому суть уже вполнѣ нормальные браки. Къ сожалѣнію, на дѣлѣ не такъ, и это понятно. Оставляя въ сторонѣ испорченность человѣческой природы вообще, что отражается и на характерѣ брачныхъ отношеній, въ настоящій разъ для объясненія только что отмѣченнаго печальнаго явленія укажемъ на то, что вѣдь далеко не всѣ лица, числящіяся въ составѣ церкви и даже выполняющія ея обряды, на самомъ дѣлѣ дышатъ церковной атмосферой: иное дѣло *числиться*, иное дѣло *быть* сыномъ церкви. Лица, состоящія въ церкви въ силу глубокаго и искренняго убѣжденія о ея необходимости и святости, не могутъ не чувствовать потребности въ благословеніи, назиданіи и молитвѣ церкви при такомъ важномъ жизненномъ шагѣ, какъ вступленіе въ бракъ. Естественно, что церковное вѣнчаніе оставляетъ неизгладимый слѣдъ въ ихъ жизни. Иное дѣло—лица, въ силу тѣхъ или другихъ условій лишь числящіяся въ церкви: если они и прибѣгаютъ къ церковному вѣнчанію, то это для того, чтобы сообщить своему брачному сожитію характеръ

общественной благопристойности или юридической правомѣрности (дѣло въ томъ, что наша государственная власть признаетъ бракъ юридически-законнымъ лишь подъ условіемъ церковнаго вѣнчанія). И если бы вскрыть психологію подобныхъ браковъ, то въ нихъ вы найдете что угодно, но только не живое и искреннее убѣжденіе въ необходимости церковнаго благословенія и церковныхъ молитвъ. Хорошо еще, если въ самый моментъ вѣнчанія сквозь ледяную кору религіознаго индифферентизма пробьется лучъ вѣры и скажется слезою теплою молитвы. Къ счастью, это иногда бываетъ, но нерѣдко вѣнчаніе оказывается для брачующихся лишь одною формальностью. А между тѣмъ, по непререкаемому апостольскому слову, „*все, что не по вѣрѣ*,—все, что не истекаетъ изъ глубокаго внутренняго убѣжденія,—*есть грѣхъ*“ (Римл. 14, 23). Отсюда слѣдуетъ, что приступать къ церковному вѣнчанію безъ искренняго убѣжденія въ глубокомъ значеніи этого священнодѣйствія—это значитъ профанировать самое священнодѣйствіе. Къ сожалѣнію, общественно-юридическія условія нашей жизни таковы, что подобная профанація совершается сплошь да рядомъ. Не мудрено, что при такихъ условіяхъ и въ священникѣ, обязанномъ вѣнчать тѣхъ лицъ, къ повѣнчанію которыхъ „не встрѣчается“ *формальныхъ* препятствій канонически-юридическаго характера, вступающіе въ бракъ ищутъ не столько добраго пастыря (наставника и молитвенника), сколько снисходительнаго нотаріуса, который бы не былъ особенно придирчивъ при изслѣдованіи документовъ, удостоверяющихъ отсутствіе формальныхъ препятствій къ повѣнчанію брака. Не мудрено, что теперь, когда самое вѣнчаніе стало для многихъ одною формальностью, указаніе церкви, требующее, чтобы священникъ предварялъ вѣнчаніе разъясненіемъ христіанскаго взгляда на бракъ, остается въ большинствѣ случаевъ мертвою буквою. Разумѣется, священники прежде всего и больше всего чувствуютъ всю ненормальность такого положенія дѣла. Нужно ли удивляться, что при такихъ усло-

віяхъ многіе браки оказываються церковными только по имени?!...

П. Кудрявцевъ.

Митрополитъ Теогность, какъ учитель христіанской жизни ¹⁾).

Одновременно съ пренобѣжденіемъ въ себѣ грѣха, христіанинъ утверждается въ богоудной жизни и неуклонномъ слѣдованіи заповѣдямъ, Христовымъ. Въ основѣ христіанскихъ добродѣтелей лежитъ любовь къ Богу, какъ къ Творцу, Искупителю и Промыслителю вселенной—сопровождающаяся другими, находящимися въ связи съ нею добродѣтелями: самоотверженіемъ, смиреніемъ и любовью къ ближнимъ.

Христіанская *отра*, поучаетъ святитель Теогность, есть величайшее для насъ сокровище, и мы должны дорожить ею больше всего на свѣтѣ. Мы должны употреблять все зависящія отъ насъ мѣры къ тому, чтобы усвоить ее своему духу, который она способна переродить, сдѣлать чистымъ и святымъ, и дать чрезъ то намъ право на наслѣдіе царства небеснаго. Пусть любовь къ Господу проникаетъ и одушевляетъ все наши мысли, чувства и желанія. Святая печать теплой любви къ Господу пусть лежитъ на всехъ нашихъ дѣлахъ. Наоборотъ, все, что противно ученію Христа, пусть не находитъ мѣста въ нашей душѣ. „Вѣщанія, внушенія и правила св. вѣры, преподанной намъ Іисусомъ Христомъ, должны болѣе и болѣе проникать въ наши убѣжденія, въ наши расположенія, въ наши дѣйствія и въ наши отношенія къ ближнимъ. Надобно, чтобы мы, какъ вѣруемъ, такъ располагали себя, такъ поступали и жили. Тогда, и только тогда, мы будемъ имѣть истинную вѣру, которая оправдываетъ и спасаетъ человека и которою Самъ Христосъ вселяется въ сердца наши. Только тогда вѣра въ насъ будетъ живою, дѣйственной силою жизни и перестанетъ состоять въ одномъ холодномъ и мертвомъ знаніи о Богѣ и Его запо-

¹⁾ См. № 17 „Р. д. С. П.“ 1903 г.

вѣдяхъ“ (Нед. по Воздв. с. 29). Если у насъ въ сердцѣ не будетъ горѣть пламени истинной любви къ Господу, тогда даже и добрыя наши дѣла „не будутъ имѣть надлежащей цѣны въ очахъ Божіихъ, потому что они будутъ совершаемы нами не для Господа, не ради Его славы, а для насъ самихъ, для удовлетворенія нашему самолюбію, хотя, быть можетъ, и весьма тонкому“ (тамъ же, с. 30). Постараемся же, призываетъ владыка, глубже принять своимъ духомъ спасительное ученіе Христово и сердцемъ увѣриться въ его истинности и божественности, дабы тѣмъ тверже и ревностиѣ слѣдовать въ жизни истинамъ, правиламъ и внушеніямъ Христовой вѣры (Нед. вс. св. с. 76).

Воспринятое въ глубину души христіанское ученіе перерождаетъ человѣка: оно обуздываетъ грѣховныя и пагубныя стремленія его природы и сообщаетъ правильное теченіе всей духовной жизни человѣка, заставляя его располагать собою сообразно съ указаніями благой и всесовершенной воли Божіей. Говорятъ, что руководство въ жизни ученіемъ Христовымъ стѣсняетъ свободу человѣка, такъ какъ препятствуетъ человѣку дѣлать то, что онъ самъ хотѣлъ бы, и заставляеть исполнять то, къ чему онъ не чувствуетъ влеченія... Но когда такъ говорятъ, то, очевидно, смѣшиваютъ свободу съ произволомъ. Быть свободнымъ не значитъ дѣлать все, что вздумается, не подчиняясь никакимъ авторитетамъ. Богъ—существо свободное. А въ чемъ состоитъ свобода Божія? — въ томъ, что „Господь въ Своихъ стремленіяхъ и дѣйствіяхъ не зависитъ ни отъ какого принужденія внѣшняго или внутренняго; и всѣ стремленія и дѣйствія Его, не зависяція ни отъ какого принужденія внѣшняго или внутренняго, безконечно святы и праведны“. Сообразно съ этимъ, и свобода человѣческая должна имѣть задачей то, чтобы человѣкъ стремился въ жизни къ одному доброму, святому и праведному, стремился не по какому-нибудь принужденію, — будь то принужденіе внѣшнее, стороннее, не зависящее отъ человѣка, или внутреннее—въ видѣ его страстей и дурныхъ привычекъ,—но

по глубокому и искреннему сознанию превосходства добра предъ зломъ и по любви къ добру, а главнымъ образомъ— по любви къ источнику добра Богу. Какъ христіане, мы дѣйствительно *обязываемся* слѣдовать указаніямъ, внушеніямъ и заповѣдямъ Божиимъ. Но это и естественно. Вспомнимъ, что мы—существа ограниченныя, падшія и поврежденныя грѣхомъ; мы не можемъ *сами*, безъ указаній свыше, точно опредѣлить: *елика суть истинна, елика честна, елика праведна, елика пречиста* (Филип. IV, 8), и если бы мы остались безъ руководства въ своей духовной жизни, то болѣе избирали бы, по естественнымъ влеченіямъ своего сердца, грѣховное и преступное, вмѣсто святаго и праведнаго. Такимъ образомъ, послѣдованіе волѣ Божіей не стѣсняетъ свободу человѣка, но только даетъ ей нормальное направленіе. „Добрый, вѣрующій христіанинъ“, говоритъ владыка Теофноу, „исполняетъ заповѣди Божіи не по какому-либо принужденію, а именно потому, что онъ разумно и глубоко сознаетъ превосходство и спасительность заповѣдей Божіихъ и преисполненъ крѣпкой и спасительной любви къ давшему заповѣди Господу“ (Нед. о блудн. сынѣ, с. 3—4).

Усвоенное сердцемъ ученіе Христова плѣняетъ умъ человѣка въ послушаніе вѣры. Если вообще познаніе истины дается человѣку съ большимъ трудомъ, а тяжкій путь отысканія истины учить человѣка скромности и ведетъ къ признанію ограниченности и слабости его ума,—то понятно, что когда человѣческій умъ вступаетъ въ священную область истинъ вѣры Христовой, то онъ прежде всего долженъ помнить, какъ со страхомъ и трепетомъ слѣдуетъ ему вступать сюда. Вѣдь не человѣкъ открылъ міру истины вѣры: „Самъ великаго совѣта Ангель, Самъ воплощенный Господь возвѣстилъ намъ истины и правила вѣры, исповѣдуемой нами, и запечатлѣлъ ихъ Своею кровію, пролитою Имъ среди невыразимыхъ страданій за наши грѣхи. Самъ безконечный и все-совершенный Духъ истины—Утѣшитель благій раскрылъ ихъ намъ чрезъ апостоловъ и раскрываетъ чрезъ св. Церковь,

утверждая ихъ знаменіями и чудесами. Удобно ли и умѣстно ли уму человѣческому, ограниченному, слабому и поврежденному грѣхомъ *взиматься на разумъ Божій* и по своимъ началамъ, соображеніямъ и убѣжденіямъ, которыя весьма часто бываютъ невѣрны, судить объ истинахъ и правилахъ вѣры—этихъ произведеніяхъ ума Божественнаго? (Въ день памяти св. муч. Авраамія, с. 69—70). Ученіе св. Церкви—вотъ руководство для человѣческаго ума, въ его стремленіяхъ постигнуть истины Христовой вѣры: оно даетъ человѣку возможность приблизить ихъ къ своему пониманію настолько, насколько это возможно.

Плѣняя умъ человѣка въ послушаніе вѣры, Христово ученіе требуетъ также отъ человѣка подчиненія его порочной и самолюбивой *воли*—всесовершенной и святой волѣ Божіей. Воспитанная въ послушаніи волѣ Божіей, воля человѣческая научается сама свободно избирать благое и предпочитать его лукавому. *Аще кто хочетъ по мнѣ ити*, говоритъ Христосъ Спаситель, *да отвержется себе*. Заповѣдь о *самоотверженіи*—первая, съ соблюденія которой начинается правильное воспитаніе человѣческой воли. Напрасно думаютъ, что эта заповѣдь противна нашей природѣ, и какъ будто искажаетъ ее. Нѣтъ, она не только не противна нашей природѣ, но даже „существенно требуется настоящимъ состояніемъ нашей природы. Послѣ того, какъ первый человѣкъ согрѣшилъ, и грѣхъ его перешелъ ко всѣмъ намъ—потомкамъ его, природа наша, такъ сказать, раздвоилась, — раздѣлилась на двѣ части. Съ одной стороны, осталось въ насъ добро, именно: сохранились въ умѣ нашемъ порывы къ небу и Богу, въ нашемъ сердцѣ—жажда благъ духовныхъ — небесныхъ, и въ нашей волѣ—стремленіе къ добродѣтелямъ. Съ другой стороны, воцарившаяся въ насъ склонность ко грѣху привнесла въ насъ нечистыя мысли, чувствованія и желанія, пристрастіе къ земному и чувственному, грѣховныя расположенія, похоти и страсти. Что же? Ужели можно предоставлять всѣмъ этимъ плеведамъ свободно расти на нивѣ нашей души и заглушать

оставшіяся въ ней сѣмена добра? Ужели можно попускать, чтобы зло, привзошедши въ нашу добрую природу и совершенно чуждое богоподобному нашему духу, усиливалось и возрастало въ насъ? Нѣтъ, собственная совѣсть наша всегда скажетъ намъ, что нашъ священный долгъ искоренять въ себѣ всякое зло. Нельзя отвергать, что оставлять безъ удовлетворенія чувственныя расположенія, похоти и страсти тяжело бываетъ для насъ; напротивъ, удовлетвореніе имъ пріятно для нашей чувственной природы,—что вообще грѣхъ имѣетъ временную сладость. Но что это за сладость? это сладость яда, который, принесли намъ минутное удовольствіе, медленно, но сильно отравляетъ нашу душу и приближаетъ ее къ смерти духовной. Чтобы мы ни на минуту не колебались искорененіемъ въ себѣ всего нечистаго и грѣховнаго—Господь предложилъ намъ заповѣдь о самоотверженіи. Эта заповѣдь прежде всего и требуетъ отъ насъ, чтобы мы старались подавлять и искоренять въ себѣ нечистыя мысли, чувствованія и желанія, пристрастіе къ чувственному и земному, грѣховныя расположенія, похоти и страсти“ (3 нед. в. поста, с. 20—21).

Отвергаясь себя, христіанинъ долженъ заботиться о томъ, чтобы его подвигъ самоотверженія былъ разуменъ. А между тѣмъ нѣкоторые простираютъ подвигъ самоотверженія до того, что не щадятъ своего здоровья и чуждаются всѣхъ житейскихъ радостей. Они забываютъ, что здоровье—драгоценнѣйшій даръ Божій, и что въ чистыхъ житейскихъ радостяхъ нѣтъ ничего предосудительнаго. Не изнуренія здоровья и не отреченія отъ радостей житейскихъ требуетъ заповѣдь Христа. „Въ ней дѣло идетъ совсѣмъ о другомъ, именно: о торжествѣ въ насъ духа надъ плотію, добра надъ зломъ. Она направлена къ тому, чтобы очищать душу нашу отъ всего грѣховнаго и дать возможность укорениться и возрасти въ насъ всякому добру“ (Тамъ же, с. 23). Великіе духовные плоды зрѣютъ въ душѣ христіанина, научившагося отвергать себя по заповѣди Христа Спасителя. Душа христіанина ста-

новится тогда плодоносною духовною пивовою, на которой, какъ выражается владыка Θεогность, могутъ удобно возрастать всякія сѣмена благочестія. „Сѣмя слова Божія—производитъ плодъ *сторницею* (Лук. VIII, 8). Плоды духовныя—смиреніе, кротость, терпѣніе, великодушіе бывають непремѣнными спутниками самоотверженія. Никто изъ людей столько не способенъ бываетъ на разные подвиги и жертвы во славу Божию и благо ближнихъ, какъ христіанинъ, отвергающійся самого себя. Въ немъ теряетъ свою силу самолюбіе, и господствуетъ крѣпкая, какъ смерть, любовь. Воодушевляемый ею, онъ не остановится ни предъ какимъ подвигомъ, ни предъ какою жертвою во славу Божию и благо ближнихъ“ (Тамъ же, с. 23—24).

Ни объ одной, кажется, христіанской добродѣтели не любилъ такъ много и такъ убѣдительно говорить въ Востѣ почившій святитель Θεогность, какъ о христіанскомъ *смиреніи*. Въ немъ онъ видѣлъ одно изъ главныхъ условій духовнаго преусиѣнія христіанина и наглядное свидѣтельство усвоенія христіаниномъ спасительной Христовой вѣры. Горячо возстаютъ владыка Θεогность противъ самолюбія, гордости и тщеславія, которыми такъ зараженъ, въ большей или меньшей степени, каждый изъ насъ. Эти пороки, по взгляду владыки, наиболѣе препятствуютъ духовному развитію человѣка и удаляютъ его отъ спасенія. Напротивъ, смиреніе приближаетъ насъ къ Христу, ведетъ къ укрѣпленію въ нашей душѣ всѣхъ другихъ христіанскихъ добродѣтелей и привлекаетъ къ намъ милость и благоволеніе Божіе. Въ смиреніи человѣка—истинный духъ вѣры Христовой. „Питать самолюбіе“, поучаетъ владыка Θεогность, „гордиться и тщеславиться своими силами и достоинствами—значитъ располагать себя и поступать вопреки духу вѣры Христовой, которая требуетъ отъ насъ смиренія и заповѣдуетъ намъ по внутреннимъ свойствамъ и расположеніямъ быть подобными кроткимъ, простосердечнымъ младенцамъ. Начальникъ нашей вѣры и совершитель Иисусъ Христосъ, *себе умаливъ, зракъ раба пріимъ, по*

слушавъ бывъ до смерти, смерти же крестныя (Филип. II, 7—8), прежде другихъ своихъ благочестивыхъ послѣдователей убожаетъ *нищихъ духомъ* (Мѳ. V, 3), т. е. смиренныхъ, глубоко сознающихъ бѣдность, недостатки и немощи своего духа, и научаешь, что если мы не будемъ отличаться кротостію и смиреніемъ, то не удостоимся царствія небеснаго (Мѳ. IV, 3)⁴ (Нед. 19 по Пятид. въ ц. Владим. д. семин.).

Сила Божія въ немощи совершается, это значитъ, что благодать Божія, укрѣпляющая и утверждающая насъ въ истинномъ добрѣ, можетъ быть ниспослана намъ лишь при условіи смиреннаго признанія нашихъ немощей и искренняго сознанія въ томъ, что собственными силами, безъ помощи Божіей, мы не можемъ сотворить ни одного добраго дѣла, угоднаго Богу. Смиреніе—начальная добродѣтель христіанская; она настолько важна, что безъ нея немислимо представить истиннаго христіанина. Христіанинъ непремѣнно долженъ быть *смирень* сердцемъ. Если въ немъ нѣтъ смиренія, то это значитъ, что онъ еще не началъ, какъ должно, работать надъ усовершенствованіемъ своего духа и далекъ отъ спасенія. Онъ начнетъ эту трудную работу самоусовершенствованія тогда, когда всею душою почувствуетъ нищету собственнаго духа, признаетъ всѣ свои недостатки и убѣдится, что то добро, которое онъ до сихъ поръ дѣлалъ, имѣло подкладкою не желаніе угодить Богу, а удовлетворить своему весьма тонкому самолюбію.

Призывая всѣхъ къ смиренію предъ Богомъ, святитель Ѳеогностъ особенно обращаетъ свою проповѣдь о смиреніи къ воспитанникамъ духовно-учебныхъ заведеній, будущимъ пастырямъ церкви и носителямъ нравственнаго христіанскаго идеала. „Если кому“, говоритъ онъ, „то вамъ, возлюбленная чада о Господѣ, духовные юноши, надобно избѣгать самоувѣнія и питать въ себѣ глубокое сознаніе вашихъ немощей, слабостей и недостатковъ, и для этого, какъ можно чаще, вникать въ себя, испытывать себя при свѣтѣ закона Божія и вашей совѣсти. Ваше призваніе быть пастырями Церкви.

Какъ пастыреначальникъ нашъ Иисусъ Христосъ былъ кротокъ и смиренъ сердцемъ, такъ и всѣ служители Его, всѣ пастыри церкви должны отличаться смиреніемъ. Смиреніе есть самое существенное и необходимое свойство всякаго истиннаго и добраго пастыря церкви. Между тѣмъ, эта высокая христіанская добродѣтель, какъ и всѣ другія добродѣтели, не рождается въ душѣ человѣка вдругъ, а пріобрѣтается постепенно—мало по малу. Нужно долго человѣку наблюдать за расположеніями своими, обуздывать свои стремленія и умѣрять свои желанія, чтобы воспитать смиреніе въ своей душѣ, получившей въ наслѣдіе отъ прародителей наклонность къ гордости. Старайтесь же теперь, во время вашего воспитанія, пріобрѣтать смиреніе, научайтесь ему искреннимъ и глубокимъ сознаніемъ слабостей, немощей и недостатковъ вашихъ. Что посѣете теперь во время юности, то пожнете въ лѣта мужества. Сѣйте же теперь въ душѣ вашей сѣмена смиренія, чтобы эти сѣмена въ зрѣломъ вашемъ возрастѣ, когда Богъ удостоитъ васъ быть пастырями церкви, возрасли въ благодатное древо добродѣтели“ (Нед. 19 по Пятнд. въ ц. Влад. д. сем. с. 98—99).

Положеніе православной церкви въ настоящіе дни таково, что руководителямъ ея членовъ—пастырямъ, нужно обладать особеннымъ величіемъ христіанскаго духа. Почти накануне своей кончины, вотъ что говорилъ святитель Θεогностъ новохиротонисанному епископу Чигиринскому Платону при врученіи ему архипастырскаго жезла: „Ты видишь, какъ распространяются теперь невѣріе, какъ растлѣваются и расхищаются православныя души и какъ умножается число враговъ Божіихъ. Надо намъ дѣйствовать, боголюбезный епископъ, надо намъ не щадить себя для спасенія многихъ, надо намъ невѣріе побѣждать вѣрою, ересь вразумлять правомысліемъ, злобу уничтожать добросердечіемъ“...

Въ устахъ владыки Θεогноста *добросердечіе* не означаетъ того поверхностнаго „чувства любви къ ближнимъ“, о которомъ теперь такъ много всюду говорятъ, но указываетъ

на то глубокое, дѣйтельное чувство христіанскаго братолюбія, которое, по выраженію владыки, „питается“ смиреніемъ и терпѣніемъ христіанскимъ (Нед. мясоуст., с. 11).

Высока цѣна христіанскаго смиренія въ очахъ Божіихъ, и не къ тому ли направлены всѣ дѣйствія спасительнаго Промысла Божія по отношенію къ людямъ, чтобы научить ихъ смиренію? Вотъ Господь посѣщаетъ насъ скорбями и несчастіями. Тяжело терпѣть эти скорби, а особенно тяжело „во дни бѣдствій сознавать себя оставленными милосердіемъ Божіемъ. Но тогда то“, говоритъ владыка Теофностъ, „человѣкъ и можетъ ясно понять всю свою слабость, все свое безсиліе, тогда то онъ и можетъ глубоко смириться и крѣпко-крѣпко задуматься о необходимости исправленія“ (Нед. 17 по Пятид., с. 33). Что можно усмотрѣть въ жизни каждаго, какъ не проявленія то милующей, то смиряющей человѣка десницы Божіей? Посмотрите, говоритъ владыка, на дни нашей жизни. Какъ они разнообразны и не похожи другъ на друга! „Одинъ день приноситъ намъ радость, другой—печаль. Въ одно время намъ легко бываетъ исполнять дѣло нашего званія, въ другое—тяжело. Подобные перемѣны могутъ быть замѣчаемы и въ духовной жизни христіанъ. Иногда христіанина преизобильно посѣщаетъ благодать Божія. Тогда съ особенною силою воспламеняются въ немъ любовь къ Богу и ревность о спасеніи. При осѣненіи божественной благодати и подъ вліяніемъ любви къ Богу и ревности о спасеніи, подвиги благочестія бывають для него не только легкими, но и сладостными. Но бывають времена, когда благодать Божія, по непостижимымъ для насъ цѣлямъ, какъ бы оставляетъ христіанина и предоставляетъ его самому себѣ. Тогда онъ испытываетъ всю тяжесть борьбы съ грѣхомъ, чувствуетъ трудность подвиговъ благочестія, внутренній миръ оставляетъ его, вмѣсто него тяжкое томленіе снѣдаетъ сердце его“ (Нед. о Оумѣ, с. 65). Если въ дни милостиваго посѣщенія Божія мы благодарнымъ сердцемъ хвалимъ и славословимъ Его святое имя, то что дѣлать въ эти несчастные дни грознаго посѣщенія

Божія, когда Господь начинаетъ смирать насъ? Не переставай и тогда, внушаетъ христіанину святитель Феогностъ, питать въ себѣ благочестивыя расположенія, продолжай вѣрою и любовью стремиться къ Господу и, для благоугожденія Ему, не останавливайся ни предъ какими подвигами благочестія, какъ бы трудны они ни были (тамъ же, с. 65—66). Въ эти дни, когда благодать Божія оставляетъ христіанина его собственнымъ, ничтожнымъ силамъ, онъ долженъ особенно усердно взывать ко Господу о помилованіи и просить Бога о возвращеніи Его милости къ нему, грѣшному человѣку. „Молись, христіанинъ, Господу съ вѣрою, надеждою и любовью, когда Онъ, повидимому, даже не внимаетъ твоей молитвѣ и отказываетъ тебѣ въ Своемъ милосердіи, сознавай глубоко, что ты недостойнъ милостей Божіихъ, и что Господь справедливо отказываетъ тебѣ въ нихъ; но въ то же время“, какъ жена Хананеянка, „съ дерзновеніемъ приступай ко Господу, молись Ему неотступно и твердо вѣруй, что неотступная твоя молитва, наконецъ, будетъ услышана Господомъ, и Онъ ниспшлетъ тебѣ блага, необходимыя для тебя“¹⁾. Блаженъ тотъ христіанинъ, который не забываетъ Бога въ тяжелые для себя дни. „Онъ—не видя вѣруетъ, т. е. онъ стремится къ Богу вѣрою и любовію, хотя и не видитъ силы Божіей, обитающей въ немъ и помогающей ему“ (Нед. о Ѳомѣ, с. 66).

Завершеніе всѣхъ христіанскихъ добродѣтелей, по ученію владыки Феогноста, есть *любовь къ ближнимъ*. Всѣ признаютъ великое значеніе этой добродѣтели въ отношеніяхъ людей и, кажется, нѣтъ ничего легче, какъ любить себѣ подобныхъ. Но легкость добродѣтели любви—только кажущаяся. То не служитъ доказательствомъ присутствія въ насъ истинной христіанской любви, когда мы такъ хорошо иногда рассуждаемъ о ней и со словами любви обращаемся къ ближнимъ. Любовь на словахъ не имѣетъ цѣны предъ Господомъ,

¹⁾ Слово объ исцѣленіи дочери Хананеянки, напечат. въ 8 вып. изданія „Съ церковнаго амвона“, с. 1476—7.

и не ея требуетъ отъ насъ Господь. Онъ требуетъ отъ насъ той любви, которая выражается въ христіански добрыхъ дѣлахъ, совершаемыхъ безъ всякихъ корыстныхъ цѣлей, во исполненіе лишь заповѣди Божіей. Эта любовь *рождается* отъ вѣры въ Бога, Который есть Самъ Любовь и податель любви въ сердце человѣку; она *одушевляется* Божественною любовью, а *питается* въ человѣкѣ его самоотверженіемъ, смиреніемъ и терпѣніемъ. Ясно, что любовь къ ближнимъ, этотъ „первый и главный плодъ вѣры Христовой“, зрѣеть въ душѣ христіанина постепенно, находясь въ связи съ общимъ его нравственнымъ усовершенствованіемъ, и тѣмъ угоднѣе становится Богу, чѣмъ нравственно выше поднимается человѣкъ. Не удивительно отсюда, что, какъ говорится въ евангеліи, на послѣднемъ страшномъ судѣ дѣламъ любви къ ближнимъ небесный и Божественный Судія окажетъ предпочтеніе сравнительно со всѣми другими добродѣтелями, обратитъ на нихъ преимущественное вниманіе и по нимъ будетъ судить насъ (Въ недм. мясоп., с. 10—11)...

Итакъ, въ борьбѣ съ грѣхомъ и въ трудныхъ подвигахъ самоусовершенствованія проходитъ вся жизнь христіанина. На землѣ у него нѣтъ пребывающаго града, такъ какъ здѣсь онъ только странникъ и временный пришлецъ. Его настоящее жительство на небѣ. Къ небу обращены всѣ его чаяніи и надежды. Тамъ разгадка цѣли земной жизни человѣка, и тамъ награда всѣхъ его земныхъ трудовъ. Что же ожидаетъ въ небесномъ царствѣ добраго христіанина?—Тамъ его ожидаетъ такая вѣчно блаженная радость жизни въ союзѣ съ Христомъ, которую теперь лишь въ самой незначительной степени мы можемъ предъоцутить. Какъ сильно радуются дѣти, когда увидятъ родителей послѣ долгой разлуки съ ними, такъ, но въ несравненно большей степени, возрадуются, когда „узрятъ Господа и Спасителя нашего, люди, благочестиво жившіе на землѣ, прилѣпившіеся къ Нему вѣрою и любовію, алкавшіе и жаждавшіе правды Его, благопокорно несшіе

спасительное иго Его“, и не будетъ конца ихъ радости и восторгу (Въ нед. мясop., с. 7—8)...

Вотъ проповѣдь, съ которою обращается къ своимъ духовнымъ чадамъ въ Бозѣ почившій святитель кievскій Теогность. Указывая въ „спасеніи“ послѣднюю цѣль чelовѣческой жизни, онъ призываетъ насъ къ упорной борьбѣ съ грѣхомъ и къ укрѣпленію въ добродѣтеляхъ самоотверженія, смиренія, любви. Эта святая проповѣдь тѣмъ драгоцѣннѣе для насъ, что ею владыка Теогность самъ руководился цѣлую жизнь и въ своемъ образѣ представилъ полное воплощеніе тѣхъ добродѣтелей, о которыхъ училъ. Его слово оказалось нераздѣльнымъ отъ его жизни...

Да уноконтъ Господь чистую, смиренную, кроткую, любящую душу святителя Теогноста въ блаженномъ и небесномъ царствѣ, къ которому его душа всегда такъ пламенно стремилась, и да помилуетъ Господь молитвами праведнаго святителя всѣхъ духовныхъ чадъ его!

Н. Пальмовъ.

Наблюденія и замѣтки сельскаго священника.

Въ журналѣ „Руководство для сельскихъ пастырей“ идетъ рядъ статей подъ заглавіемъ: „Русское духовенство въ Галиціи“. Въ этихъ статьяхъ очень много поучительнаго для нашего русскаго духовенства, — для насъ пастырей церкви русской. Напр., тамъ въ одномъ мѣстѣ (№ 10 этого года стр. 273), говорится слѣдующее. „Нынѣшній митрополитъ Андрей Шептицкій, повидимому, намѣренъ обратить самое серьезное вниманіе на преподаваніе Закона Божія русскимъ дѣтямъ въ низшихъ и среднихъ школахъ. Въ своемъ посланіи, по поводу вступленія на митрополию, онъ обращается ко всѣмъ вообще катихитамъ народныхъ школъ съ такими словами: буду помогать хорошей катихизаціи дѣтей. Не будетъ въ моихъ глазахъ хорошимъ священникомъ тотъ, въ селѣ котораго дѣти

не будутъ знать катихизиса. *Катихизація есть первая и самая важная обязанность пастыря. Кто не исполняетъ ея, того вполне можно упрекнуть въ совершенно безсовѣстномъ отношеніи къ своему пастырскому долгу.* Наоборотъ, кто заботится о школьной молодежи и воспитываетъ изъ нея хорошихъ христіанъ, тотъ заслуживаетъ глубокой признательности“.

Прекрасныя и поучительныя слова! Эти слова должны служить девизомъ для дѣятельности пастырей и нашей церкви! Горе наше, что мы не всѣ усвоили совершенно, что катихизація есть первая и самая важная обязанность наша.

Мы сочли нужнымъ обратить вниманіе собратьевъ—іереевъ на вышеозначенныя слова митрополита Шептицкаго потому, что, можетъ быть, иные читатели „Р. для С. П.“ не прочли этой статьи: „Русское духовенство въ Галиціи“, а часто бываетъ и такъ, что и прочтешь, но не обратишь вниманія на прочитанное, особенно, когда приходится читать много.

Если въ Галиціи, гдѣ просвѣщеніе болѣе распространено въ народѣ, начальство начало такъ строго требовать, чтобы духовенство серьезно занялось религіознымъ просвѣщеніемъ народа, то что сказать о необходимости религіознаго просвѣщенія нашего народа, мало или вовсе неграмотнаго, преданнаго разнообразнымъ суевѣріямъ, мало знающаго свою религію?

Въ статьяхъ „Русское духовенство въ Галиціи“ говорилось, что галицкіе священники хорошіе проповѣдники, что они почти всегда говорятъ поученія не по книгамъ, а *живою рѣчью*, импровизаціею,—что тамъ требуется въ два года проходить съ прихожанами катихизисъ.

Если для такихъ священниковъ начальство нашло нужнымъ сдѣлать (такое) строгое напоминаніе объ усиленномъ преподаваніи катихизиса, что же нужно сказать о насъ грѣшныхъ, русскихъ іереехъ? Вѣдь у насъ рѣдко слышно *живое слово*, — устная проповѣдь, особенно въ селахъ; а большею

частию читаются поученія по книгамъ, а также рѣдко гдѣ произносятся катихизическія поученія.

Намъ—русскимъ іереямъ нужно поучиться у галицкихъ собратьевъ говорить поученія не по книгамъ, а живою рѣчью. При чтеніи поученій личность проповѣдника какъ бы отсутствуетъ, а проповѣдуетъ другой, кто писалъ поученіе, даже и не онъ, а бездушная книга. Самая божественная книга—Евангеліе—не производитъ теперь такого впечатлѣнія, какое производило *живое слово* Спасителя нашего, Иисуса Христа.

Мы обыкновенно говоримъ иначе, чѣмъ пишемъ: въ писанномъ словѣ бываетъ много придаточныхъ предложеній, оттого разговорную рѣчь, или вѣриѣ устную, намъ легче слышать и усвоить, чѣмъ книжную,—для послѣдняго нужно особенное вниманіе, особенная сосредоточенность. Если уже мы, люди интеллигентные, испытываемъ затрудненіе въ слушаніи и усвоеніи *читаемого*, то что же сказать о нашихъ слушателяхъ—простомъ народѣ, языкъ котораго очень далекъ отъ языка книжнаго?

У насъ часто слышатся такія слова, какъ впечатлѣніе, вліяніе и т. п., которыя вовсе непонятны народу.

Мы уже не говоримъ о томъ, что часто предлагаются народу такія поученія, которыя вовсе не понятны для простыхъ слушателей и особенно, если еще прочитываются не внятно и тихо. *При составленіи поученій для народа намъ нужно обратить вниманіе на удобопонятность ихъ.* Здѣсь нужно сказать: богослуженіе наше отправляется на непонятномъ, славянскомъ языкѣ, а тутъ еще и поученія больше *читаются, чѣмъ говорятся* и выходитъ, что дѣло религіознаго просвѣщенія нашего народа не подвигается, какъ бы слѣдовало тому быть. Благо, что хоть школы, да вѣ-богослужебныя собесѣдованія много способствуютъ дѣлу религіознаго просвѣщенія нашихъ прихожанъ. Конечно, настанетъ время, когда и у насъ не будутъ *читаться* поученія, а *говориться.* Дай Богъ,

чтобы скорѣе настало это время! Порядочно мы поотстали въ этомъ дѣлѣ, нужно поспѣшить, чтобы вовсе не отстать!

Еще намъ іереямъ русской церкви нужно поучиться у галицкихъ собратій устройству всеобщаго пѣнія въ церквахъ и на собесѣдованіяхъ. Тамъ дѣло это хорошо поставлено; прихожане усерднѣе при всеобщемъ пѣніи молятся Богу и тѣмъ достигается вѣрнѣе и полнѣе цѣль общественнаго богослуженія. Намъ лично приходилось наблюдать такіе факты. Стоитъ прихожанинъ подлѣ клироса и тихо подпѣваетъ, прихожанинъ этотъ не всегда бывалъ въ церкви. Ему предложено становиться на клиросѣ и пѣть, когда не поютъ пѣвчіе. Тотъ становится на клиросѣ, сперва подпѣваетъ, а потомъ поетъ *и уже такъ привязывается къ богослуженію, что почти никогда не пропускаетъ службы*, его тянетъ въ церковь, гдѣ онъ уже не только зритель и слушатель, но участникъ въ богослуженіи. Если бы всѣ то прихожане пѣли, какъ это было бы хорошо! Тогда въ церкви было бы больше молящихся и эти послѣдніе съ большею бы пользою для себя посѣщали богослуженіе. Да, надобно вводить всеобщее пѣніе, это дѣло важное!

Поучительно также для насъ іереевъ обращеніе Галицкаго митрополита о сближеніи съ народомъ: *„мы, всенестные отцы, должны во всемъ сблизиться съ народомъ, должны любовію, снисходительностію и самоотверженіемъ уничтожить ту пропасть, которая, по причинѣ различнаго соціальнаго положенія, могла отдѣлять священника отъ народа“*. (№ 44 Р. для С. П. 1902 г. стр. 258).

Къ сожалѣнію, нужно сказать, что и у насъ есть эта пропасть между народомъ и духовенствомъ, и пропасть эта не уменьшается, а увеличивается. Мы знаемъ что старые священники, т. е. священники прежнихъ временъ, были ближе къ народу, они сами занимались сельскимъ хозяйствомъ, бывали на обѣдахъ у прихожанъ и т. п. Теперь же большинство священниковъ живетъ по барски, лично само не занимается хозяйствомъ, когда сойдется съ

крестьянами,—не знаетъ, о чемъ говорить. Недавно въ домѣ у земскаго начальника зашелъ разговоръ про одного священника, удаленнаго за нетрезвость изъ сосѣдняго села. Многие осуждали этого священника и приводили нежелательные случаи изъ его жизни. Тогда земскій начальникъ сказалъ: „подождите, господа, осуждать и поносить о. П. Нужно вамъ сказать, что прихожане очень жалѣютъ объ немъ, потому что о. П., хотя и пилъ, но мало бралъ за требы, а *главное—былъ доступенъ*: къ нему, говорили мужики, бывало, идешь, какъ къ своему брату“. Тутъ же былъ рассказанъ другой фактъ. „Шли мы, говорилъ одинъ изъ гостей, въ домъ одного священника, за нами шелъ крестьянинъ; онъ очень волновался и часто вздыхалъ. На нашъ вопросъ: почему онъ вздыхаетъ? тотъ отвѣчалъ, что когда то ходилъ батюшка по приходу, а у меня нечего было дать,—я и не далъ. Пришлось, что и въ другой разъ повторилась та же исторія. А батюшка всегда записываетъ, когда кто чего не додаетъ и послѣ *очень пробираетъ*, когда случится треба. А мнѣ вотъ нужно идти къ нему по дѣлу. Боюсь. Нужно сказать, добавилъ рассказчикъ, священникъ тотъ совершенно трезвый человекъ“.

Прекрасно наставленіе митрополита Шептицкаго и слѣдующее: „Старайтесь жить, говорилъ онъ, скромно, ибо намъ нужны гроши. Мы должны уменьшать свои издержки *ad minimum* и всякій сбереженный грошъ нашъ могъ бы пойти на различныя благотворительныя учрежденія“. Здѣсь, должно быть, митрополитъ больше имѣетъ въ виду церковныя суммы. „Мнѣ то неприятно бываетъ, если священникъ принимаетъ меня въ своемъ домѣ съ большими издержками. Я того не желаю, напротивъ, я предпочитаю 2—3-хъ-часовое время объѣда употребить на то, чтобы поговорить въ семейномъ кругу священника и подробно узнать его обыденную жизнь. Тотъ возъ, на которомъ сами ѣздите, вышлите и за мною, тѣ блюда, которыя кушаете сами, подавайте и мнѣ, и я тѣмъ буду несказанно доволенъ“...

Къ сожалѣнію и у насъ простота жизни нашихъ отцевъ и дѣдовъ отходитъ въ область преданій. Намъ нужно другихъ учить этой простотѣ, а мы сами часто не имѣемъ ея.

Да, большое спасибо автору за поучительныя статьи: „Русское духовенство въ Галиціи“.

Свящ. В. Д.

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Θεодосій.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 3 мая 1903 г.

Предсѣдатель Комитета, проф. Академіи, прот. *І. Корольковъ.*

Кіевъ Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLIV.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 19.

Подписка принимается въ редак-
ци сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1903 года, мая 11-го.

Содержаніе: Обь общественномъ служеніи сельскаго духовенства. — Приходская бібліотека и читальня. — О священныхъ изображеніяхъ въ свѣтскихъ журналахъ и разнаго рода приложеніяхъ. — Существующій способъ содержанія духовенства, какъ отжившее явленіе русской жизни. — Голосъ мірянина о томъ, какъ пужно держать себя въ церкви въ торжественные дни. — Замѣтка.

Обь общественномъ служеніи сельскаго духовенства.

Сельское духовенство Царскимъ словомъ призывается нынѣ къ усиленію своего общественнаго служенія. Въ Высочайшемъ манифестѣ 26 февраля сего года Государю Императору благоугодно было признать неотложною назрѣвшею нуждою „*продолженіе дѣятельнаго проведенія въ жизнь мѣропріятій, направленныхъ къ улучшенію имущественнаго положенія православнаго сельскаго духовенства, усугубляя плодотворное участіе священнослужителей въ духовной и общественной жизни ихъ паствы*“.

Такимъ образомъ, „*усугубленіе плодотворнаго участія священнослужителей въ духовной и общественной жизни ихъ*

паствы“ поставляется въ тѣсную связь съ „улучшеніемъ имущественнаго положенія нашего сельскаго духовенства“ и признается назрѣвшею государственною нуждою, къ удовлетворенію которой съ непреклонною рѣшимостью и незамедлительно призываются нашимъ Монархомъ всѣ исполнители Его воли, Его правительства.

Такое рѣшеніе нашего правительства заслуживаетъ самаго глубокаго вниманія къ себѣ со стороны нашего сельскаго духовенства. Правительство, еще такъ недавно осчастливившее наше духовенство улучшеніемъ участи престарѣлыхъ членовъ его, а также вдовъ и сиротъ его, путемъ изданія весьма благодѣтельнаго положенія о пенсіяхъ духовенству, теперь рѣшается „продолжать дѣятельное проведеніе въ жизнь мѣропріятій, направленныхъ къ улучшенію имущественнаго положенія православнаго сельскаго духовенства“. Само собою разумѣется, что правительство наше и общество, при такихъ условіяхъ, совершенно въ правѣ ожидать отъ духовенства „усугубленнаго плодотворнаго участія его въ духовной и общественной жизни его паствы“.

Общественное служеніе приходскаго духовенства въ Россіи не есть что-либо чуждое и даже новое для него. Наше приходское и, въ частности, сельское духовенство служитъ своему отечеству и русскому народу уже болѣе 900 лѣтъ, со времени введенія у насъ христіанской вѣры.

Это служеніе общественное нашего духовенства разнообразилось, въ зависимости отъ различныхъ потребностей и нуждъ времени, мѣста и состоянія самаго общества. Но всегда это служеніе было высоко, отвѣтственно и плодотворно. Только самые закоренѣлые противники церкви и духовенства могутъ отрицать великія заслуги русскаго приходскаго духовенства предъ русскимъ государствомъ и русскимъ народомъ. Но такая неподкупная свидѣтельница, какъ исторія, всегда можетъ изобличить ихъ.

Что же намъ говорить исторія, это учительница жизни, объ общественномъ служеніи русскаго духовенства?

Въ самомъ началѣ существованія нашего государства, послѣ того какъ русскій народъ сдѣлался православно-христіанскимъ, у нашего правительства были три главныя и неотложныя задачи: во 1) распространеніе христіанской вѣры среди тѣхъ частей населенія русскаго государства, которыя оставались еще въ язычествѣ; во 2) утверженіе и проведеніе въ самосознаніе и жизнь русскаго народа, принявшаго христіанство, новыхъ—христіанскихъ началъ нравственной жизни, и, наконецъ, въ 3) устроеніе всей общественно-государственной жизни русскаго народа по началамъ православно-христіанской религіи.

Какъ видимъ, вездѣ на первомъ планѣ стояли требованія религіи и именно православно-христіанской вѣры. И это совершенно понятно. Въ принятіи русскимъ народомъ, распространеніи и утверженіи среди него, въ усвоеніи имъ началъ православія заключалось единственное спасеніе русскаго народа отъ поглощенія его чуждыми, со всѣхъ сторонъ окружавшими его, народами и племенами. Стоитъ только взглянуть на карту Россіи X—XI в.в., чтобы убѣдиться, какая опасность, дѣйствительно, грозила маленькому русскому государству, со всѣхъ сторонъ окруженному племенами и народами, значительно превосходившими его или численностію, или образованностію, или правильнымъ общественнымъ устройствомъ. Для того, чтобы спасти свой народъ отъ гибели, отъ поглощенія его другими инородными и инославными народами, русское правительство и должно было всѣми мѣрами заботиться о томъ, чтобы сдѣлать его православно-христіанскимъ народомъ, чтобы утвердить и укрѣпить въ его сознаніи и жизни начала православно-христіанской вѣры. Объ этомъ старались и надъ этимъ трудились лучшіе изъ древне-русскихъ князей, напр., Св. Владиміръ, Ярославъ Мудрый, Владиміръ Мономахъ и мп. др. А главными сотрудниками ихъ въ этомъ дѣлѣ, исполнителями ихъ намѣреній и стремленій были лица духовнаго званія—архипастыри и пастыри.

Духовенство было въ то время единственно просвѣщеннымъ и потому передовымъ классомъ русскаго общества. Оно лучше другихъ понимало всю важность просвѣтительной задачи, надъ осуществленіемъ которой трудились наши князья. Изъ среды духовенства выходили тогда ближайшіе совѣтники князей, руководители этихъ послѣднихъ въ устроеніи народной жизни по началамъ православно-христіанской образованности, а также проповѣдники—публицисты (напр., Св. Иларіонъ, Кирилль Туровскій, преп. Θεодосій), которые путемъ проповѣди старались располагать народъ къ принятію и усвоенію тѣхъ новыхъ мѣръ, какія проводило въ жизнь правительство; изъ его же среды выходили тогда и миссіонеры, которые были и первыми проповѣдниками евангелія и первыми носителями христіанской образованности среди языческой массы русскаго народа и жившихъ въ сосѣдствѣ съ нимъ инородцевъ.

Въ частности, важную услугу правительству тогда оказывало и наше сельское духовенство. Оно, именно, было главнымъ и единственнымъ просвѣтителемъ народной массы, принявшей христіанство на первыхъ порахъ совершенно механически, поверхностно. Заслуга нашего сельскаго древне-русскаго духовенства въ этомъ отношеніи тѣмъ болѣе важна и высока, что оно трудилося тогда почти безъ всякой поддержки и безкорыстно, единственно только по сознанию всей важности дѣла, къ которому оно было призвано.

Въ наступившее затѣмъ время удѣльной розни духовенство русское трудилося надъ умиротвореніемъ враждовавшихъ удѣловъ, словомъ и дѣломъ отстаивая идею единства русскаго народа; во время постигшаго русскій народъ монгольскаго владычества, духовенство древне-русское ободряло народную массу, поддерживало въ немъ вѣру въ лучшее будущее и воодушевляло его на борьбу съ невѣрными и освобожденіе своего отечества отъ нихъ.

Вслѣдъ за освобожденіемъ русскаго государства отъ татарскаго ига начался великій процессъ собиранія русской земли около Москвы. Заслуги русскаго духовенства въ этомъ

дѣлѣ были весьма значительны. Духовенство въ лицѣ своихъ архипастырей и пастырей сгруппировалось тогда около великокняжескаго (впослѣдствіи царскаго) престола Московскаго государя и всѣми силами начало проводить въ сознание народа, утверждать и укрѣплять въ немъ мысль о необходимости и великой пользѣ объединенія разрозненной, а потому и ослабленной русской православной земли. Ни одинъ правдивый историкъ не станетъ отрицать великаго значенія дѣятельности нашего духовенства въ исторіи объединенія русскаго государства и тѣсно связанной съ этимъ идеи самодержавной монархіи. Стоитъ только вспомнить дѣятельность такихъ лицъ, какъ м. Алексій св., преподобн. Сергій Радонежскій, старецъ Елеазарова монастыря Филовей и мн. др., чтобы оцѣнить заслуги духовенства въ этомъ дѣлѣ по достоинству.

Что касается сельскаго духовенства, то оно, оставаясь, какъ и прежде, единственнымъ просвѣщеннымъ сословіемъ нашей деревенской Руси, было вмѣстѣ съ тѣмъ и единственнымъ руководителемъ и учителемъ массы нашего простого народа, проводившимъ въ ея сознание идеи самодержавной монархіи и объединенія русской земли.

Ту же самую высокую задачу исполняло наше русское духовенство и въ эпоху „смуты“ на Руси и слѣдовавшаго за нею возстановленія, укрѣпленія и усиленія самодержавнаго русскаго государства подъ управленіемъ первыхъ царей изъ благословеннаго Дома Романовыхъ: въ лицѣ высшихъ представителей—архипастырей (напр., п. п. Гермогена, Филарета Никитича, Авраамія Палицына и мн. др.) и сельскаго духовенства оно возбуждало вѣру, воодушевляло народъ и двигало его на очищеніе русской земли отъ враговъ и содѣйствовало объединенію всѣхъ силъ народныхъ подъ единою державою царя и благословеніемъ его духовнаго отца—патріарха.

Со времени реформы Петра I-го общественное служеніе русскаго духовенства не прекращается и даже не умаляется, а только измѣняетъ свой характеръ, сообразно общей перемѣнѣ въ отношеніяхъ между Церковью и государствомъ въ

Россіи. Прежде церковь занимала главенствующее положеніе и государство находилось подъ духовнымъ руководствомъ и попеченіемъ ея; теперь, наоборотъ, Церковь православная сама становится подъ покровительство государства. Подобнымъ образомъ и духовенство, прежде занимавшее первенствующее положеніе въ русскомъ народѣ, руководившее наше правительство въ дѣлѣ просвѣщенія русской земли христіанствомъ, собранія ея около одного центра, утвержденія самодержавной монархіи, теперь является въ роли болѣе скромной—исполнительнаго и вспомогательнаго органа у правительства реформированной Россіи. Но и въ это время, т. е. въ теченіи XVIII и XIX в.в. заслуги русскаго духовенства на поприщѣ служенія его государству весьма значительны. Всѣ реформы Петра I, Екатерины II, Александра I и Царя-Освободителя проводились въ сознаніе народа преимущественно и главнымъ образомъ черезъ посредство нашего духовенства.

Не говоримъ уже о томъ общеизвѣстномъ фактѣ, что наше духовенство было до XVIII в. единственнымъ, а въ теченіе XVIII и XIX в.в. — главнымъ просвѣтителемъ нашего народа путемъ проповѣди и церковно-народной школы.

Въ самое послѣднее время, когда назрѣла нужда новыхъ преобразованій общественной жизни у насъ, и въ частности, реформы нашего села, была высказана мысль, что эти преобразованія могутъ совершиться и привиться къ жизни нашего народа только при дѣятельной помощи духовенства. Царское слово, обращенное недавно ко всему народу, также призываетъ наше духовенство къ дѣятельному участію въ общественной жизни его паствы.

Въ чемъ можетъ выразиться это участіе и при какихъ условіяхъ оно можетъ быть плодотворнымъ, объ этомъ скажемъ въ слѣдующій разъ.

Свящ. *Θ. Титовъ.*

Приходская библіотека и читальня.

Съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, а въ особенности послѣ призванія къ существованію церковно-приходской школы, сильно развилась грамотность среди простаго народа. Въ настоящее время во многихъ семьяхъ есть уже хоть одинъ грамотный членъ, а не мало уже семей и такихъ, гдѣ почти поголовно всѣ члены грамотные.

Съ развитіемъ грамотности, какъ естественное слѣдствіе ея, является потребность въ чтеніи книги. Сначала грамотей набрасывается на тѣ книжки, которыя служили для него учебниками, читаетъ и перечитываетъ ихъ, почти наизусть выучиваетъ, а когда это въ достаточной степени прискучить, тогда онъ ищетъ для себя подходящихъ книгъ на сторонѣ. Хорошо, если при школѣ существуетъ библіотека, тогда она служитъ центромъ, подлѣ котораго группируется деревенскій грамотный людъ. Но въ большинствѣ случаевъ наши школы обладаютъ самыми скудными библіотеками, такъ что весь наличный составъ школьной библіотеки успѣетъ скоро побывать въ рукахъ читателей. Куда же послѣ этого обратиться въ деревнѣ читателю для удовлетворенія своего духовнаго глада?

Единственное пока средство—и при томъ средство самое нежелательное—распространенія печатнаго слова среди деревенскаго люда—это покупка книгъ на ярмаркахъ и базарахъ у разносчиковъ, извѣстныхъ подъ названіемъ „офеней“. Литературный хламъ, предлагаемый этими радѣтелями о народномъ просвѣщеніи, ниже всякой критики. Кому не извѣстны неразборчивый вкусъ и вредное направленіе лубочной литературы издателей „Никольскаго рынка“, наводняющаго наше отечество такими произведеніями, которыхъ никоимъ образомъ не слѣдовало бы допускать въ обращеніе среди деревенскаго люда. Какую пользу, кромѣ наживы издателямъ, могутъ принести разнаго рода „Леухинскія, Манухинскія, Губановскія“ изданія? Ровно никакой. А вредъ происходитъ громаднѣйшій. Неразвитой и не имѣющей критическаго

чутья деревенскій грамотей увлекается подобнаго рода литературой, благо и самая нестрая, аляповатая виѣшность лубочныхъ изданій бьетъ въ глаза и удовлетворяетъ грубому вкусу толпы. Увлекаясь этой виѣшностью, большинство неграмотныхъ родителей покушаетъ милліоны подобнаго рода бесполезныхъ книжекъ для своихъ полуграмотныхъ дѣтей. Благодаря подобнаго рода грубой и вредной литературѣ, мало развитой деревенскій читатель менѣе довѣрчиво относится къ книжкѣ, имѣющей болѣе приличный виѣшний видъ, такъ что зачастую полезная книжка можетъ не достигать цѣли потому только, что она своею виѣшностію не льститъ грубому вкусу сѣраго люда.

Все это ясно говорить въ пользу того, что всѣмъ радѣтелямъ объ истинномъ благѣ русскаго народа слѣдуетъ обратить самое серьезное вниманіе на то, чтобы сѣрый грамотный людъ питался здоровою и полезною для него духовною пищею. Поэтому нужно всѣ мѣры употребить къ тому, чтобы не только какъ можно шире было поставлено изданіе полезныхъ книжекъ для школь и народа, но чтобы и на способъ распространенія ихъ было обращено также не меньшее вниманіе. И если первое не всегда можетъ входить въ кругъ обязанностей приходскаго духовенства, то за то послѣднее должно составлять, такъ сказать, одну изъ непремѣнныхъ его нравственныхъ обязанностей. Это понятно само собою. Если настоятелю прихода ввѣрено дѣло распространенія грамоты въ духѣ религиозно-нравственномъ, то онъ также обязанъ слѣдить за тѣмъ, чтобы его духовныя чада приходили въ мѣру возраста Христова.

Совершенно не достаточно для завѣдующаго школой научить питомца ея читать, писать и считать, нужно также его надлежащимъ образомъ и воспитать, а послѣдняго возможно достигнуть только нравственнымъ воздѣйствіемъ посредствомъ слова, примѣра и чтенія съ хорошимъ направленіемъ книгъ. Книга должна развивать не только умъ читателя, но также вліять на душу и сердце его. Сколько извѣстно примѣровъ

изъ исторіи и обыденной жизни, что подъ вліаніемъ хорошихъ книгъ воспитывались люди вполне благонамѣренные и высокіе подвижники вѣры и благочестія, а дурныя книги погубили многихъ во дни юности ихъ.

Вотъ почему на пастырѣ, какъ блюстителѣ и охранителѣ нравственной чистоты пасомыхъ, лежитъ великая обязанность слѣдить за тѣмъ, чтобы грамота не служила орудіемъ паденія ихъ, а была бы могучимъ средствомъ къ воспитанію и обновленію ума и сердца читателя. Онъ долженъ всѣ средства и мѣры употребить къ тому, чтобы вселять отвращеніе въ своихъ духовныхъ дѣтяхъ къ книгамъ бесполезнымъ и даже вреднымъ и развивать вкусъ въ читателяхъ, располагая ихъ къ такой литературѣ, которая могла бы принести несомнѣнную пользу имъ. А этого въ значительной степени можно достигнуть, при всякомъ удобномъ случаѣ уговаривая грамотныхъ покупать хорошія книжки, для чего указывать разницу между книгами, убѣждать къ выпискѣ газетъ съ хорошимъ направленіемъ и духовныхъ журналовъ, раздавать бесплатно въ храмѣ и въ школѣ листки религіозно-нравственнаго содержанія, открывать склады для продажи книгъ при школахъ и церквахъ и т. п.

Но самымъ могучимъ средствомъ къ достиженію намѣченной нами цѣли можетъ служить открытіе въ каждомъ приходѣ бібліотеки и читальни. Послѣдняго рода просвѣтительное учрежденіе является настоятельно назрѣвшею потребностью. При существованіи въ каждомъ приходѣ бібліотеки-читальни (мы разумѣемъ бібліотеку бесплатную) деревенскому грамотному люду не будетъ никакой надобности рыскать по ярмаркамъ и базарамъ за покупкою книгъ и брошюръ бесполезныхъ, а зачастую даже и вредныхъ. При всякомъ свободномъ времени и удобномъ случаѣ деревенскій грамотей пойдетъ въ свою читальню-бібліотеку, гдѣ можетъ позаимствовать на домъ, или тамъ прочесть газету, а также книжку, вполне доступную ему и по содержанію и по изложенію и несомнѣнно полезную. При помощи бесплатныхъ приходскихъ

библіотекъ-читаленъ можно съ успѣхомъ продолжать великое дѣло духовнаго просвѣщенія народа, то дѣло, которое начинается въ церковно-приходской школѣ и должно, необходимо и обязательно должно, продолжаться по выходѣ изъ нея цѣлую жизнь. Необходимость библіотекъ-читаленъ вытекаетъ само собою изъ того, что школа и по краткости учебнаго курса въ ней и по возрасту своихъ питомцевъ не можетъ сообщить учащимся всѣхъ тѣхъ свѣдѣній, которыя только могутъ быть достигнуты посредствомъ самообразования и чтенія книгъ по различнымъ отраслямъ человѣческаго знанія. Открытіе, поэтому, бесплатныхъ приходскихъ библіотекъ-читаленъ является дѣломъ, идущимъ на встрѣчу запросамъ времени и потребностямъ народнаго духа. Вотъ почему всѣ тѣ лица, коимъ дороги интересы русскаго народа и кои нравственно обязаны заботиться о благѣ его, должны воспользоваться удобнымъ случаемъ для достиженія благой цѣли.

Какъ же это устроить? Иначе сказать, что необходимо для открытія приходской библіотеки-читальни?

Обыкновенно много тормазовъ стараются выставить, когда рѣчь зайдетъ о своевременности и необходимости открытія бесплатныхъ библіотекъ-читаленъ. Существенными и важными изъ нихъ, по мнѣнію многихъ, являются въ деревняхъ и селахъ: недостатокъ помѣщеній, средствъ на обстановку и покупку книгъ и отсутствіе лицъ, которыя могли бы этимъ дѣломъ завѣдывать. Но, какъ увидимъ ниже, всѣ эти тормазы не такъ важны и существенны, чтобы съ ними пришлось считаться въ столь важномъ дѣлѣ, какъ дѣло просвѣщенія массъ народныхъ, стремящихся къ свѣту истинному, тому свѣту, который просвѣщаетъ всякаго человѣка, грядущаго въ міръ.

Для открытія библіотеки-читальни и для пріобрѣтенія книгъ и періодическихъ изданій прежде всего нужны средства. Но спросимъ: много-ли ихъ на первыхъ порахъ требуется? 20—30 рублей—не больше. Неужели такъ трудно эту сумму собрать въ любомъ приходѣ? Отчасти изъ суммъ цер-

ковныхъ, отчасти изъ суммъ попечительскихъ и по добровольной подпискѣ, при добромъ желаніи и усердіи лицъ преданныхъ дѣлу, всегда можно собрать такую сумму. А когда явится потребная сумма, нужно позаботиться о помѣщеніи для бібліотеки. Если не удастся найти спеціального для этого помѣщенія, то много ли мѣста нужно занять въ приходской школѣ для того, чтобы поставить шкапъ съ книгами и пользоваться помѣщеніемъ школы въ будніе дни отъ 4—8 часовъ вечера, а по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ въ теченіе цѣлаго дня, по выходѣ изъ храма? Конечно бібліотека-читальня должна находиться надъ непосредственнымъ наблюденіемъ мѣстнаго приходского священника, а его помощниками могутъ и должны служить псаломщикъ и учитель.

Когда средства и организація завѣдыванія бібліотекою будутъ такимъ или инымъ образомъ устроены, тогда нужно испросить разрѣшеніе подлежащаго начальства на открытіе бібліотеки-читальни. При этомъ необходимо принять къ свѣдѣнію, что духовныя лица и учрежденія, открывающія читальни при монастыряхъ, церквахъ, школахъ церковно-приходскихъ, школахъ грамоты и другихъ духовно-учебныхъ и благотворительныхъ учрежденіяхъ духовнаго вѣдомства испрашиваютъ на это разрѣшеніе енархіального архіерея. А если же бібліотека будетъ открыта въ другомъ спеціальномъ помѣщеніи, тогда нужно обратиться за разрѣшеніемъ къ мѣстному губернатору, при чемъ нужно имѣть въ виду слѣдующее. Лица, желающія открыть бесплатную читальню, при испрашиваніи надлежащаго на то разрѣшенія, должны представить проектъ устава или правилъ, опредѣляющихъ назначеніе читальни и условія пользованія ею и указать, гдѣ, именно, будетъ находиться читальня и на какія средства она учреждается. Бесплатныя народныя читальни могутъ имѣть у себя только тѣ книги и повременныя изданія, которыя одобрены для нихъ ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія и внесены въ особый каталогъ; книги, указанныя духовнымъ вѣдомствомъ православнаго исповѣданія для упот-

ребленія въ церковно-приходскихъ школахъ и допущенныя въ церковныя бібліотеки; всѣ книги и журналы, издаваемые съ разрѣшенія духовной цензуры и вообще духовнаго начальства, за исключеніемъ тѣхъ, кои будутъ признаны духовнымъ вѣдомствомъ непригодными для народныхъ бесплатныхъ читальнѣ; книги и журналы, издаваемые правительствомъ и тѣ свѣтскія періодическія изданія частныхъ лицъ, кои, по соглашенію съ оберъ-прокуроромъ Св. Синода, будутъ указаны министерствомъ народнаго просвѣщенія. Къ сему считаемъ нужнымъ добавить, что для каждой читальни, разрѣшенной къ учрежденію, прежде открытія оной, лицо, назначенное для отвѣтственнаго завѣдыванія ею, составляетъ каталогъ или списокъ всѣхъ имѣющихся въ читальнѣ книгъ и журналовъ изъ числа указанныхъ выше. Списокъ этотъ представляется лицу, коему поручено наблюденіе за читальнею, и послѣднимъ, по провѣркѣ, скрѣпляется по листамъ и завѣряется особою подписью на послѣднемъ листѣ, съ указаніемъ числа, мѣсяца и года подписи.

Вотъ тѣ правила, на основаніи которыхъ можетъ быть открыта въ любомъ приходѣ бесплатная бібліотека-читальня. Какъ видно изъ сказаннаго, это безспорно полезное дѣло не такъ сложно, трудно и не доступно по матеріальнымъ издержкамъ, какъ можетъ кому либо показаться на первыхъ порахъ.

Свящ. С. Брояковскій.

О священныхъ изображеніяхъ въ свѣтскихъ журналахъ и разнаго рода приложеніяхъ.

Всѣ священные изображенія, помѣщенныя въ свѣтскихъ журналахъ и разныхъ газетныхъ приложеніяхъ можно подраздѣлить на три группы.

Первая группа обнимаетъ собою ландшафты и виды съ церквами, соборами и монастырями. Вторая группа представляетъ собою картины изъ священной исторіи и священные изображенія Спасителя и Богоматери, какъ произведенія иностранныхъ художниковъ западнаго типа. Третью группу составляютъ священные изображенія или иконы Спасителя, Богоматери и святыхъ, какъ художественныя произведенія православнаго характера.

Если первая группа видовъ съ церквами, соборами и монастырями, какъ невинный предметъ непосредственнаго эстетическаго наслажденія, и можетъ быть допустима на страницахъ свѣтскихъ журналовъ, то того же нельзя сказать относительно помѣщенія на тѣхъ же страницахъ библейскихъ картинъ и священныхъ изображеній, не говоря уже о газетныхъ приложеніяхъ. Догматическія и историческія несообразности, которыми наполнены произведенія религіознаго характера иностранныхъ художниковъ, тяготѣніе западныхъ художниковъ къ античнымъ пластическимъ формамъ, сопровождаемое небреженіемъ и протестомъ противъ всѣхъ формъ церковной жизни, поддерживаемыхъ церковнымъ преданіемъ,—нѣтъ сомнѣнія, пагубнымъ образомъ дѣйствуютъ на православный русскій народъ, напityвая его умъ и воображеніе тѣми же несообразностями, ослабляя народное чутье къ православной иконографіи. Это почти то же, что для обученія и воспитанія дѣтей предложить имъ книги съ извращенными понятіями, съ ложными мнѣніями, съ неправильными толкованіями. А русскій православный народъ вѣритъ чуть не каждой печатной строкѣ. Тутъ-то и опасность, и гибель.

Помѣщеніе же православныхъ иконъ Спасителя, Богоматери и святыхъ на страницахъ журналовъ и въ газетныхъ и иныхъ приложеніяхъ уже прямо деморализируетъ благоговѣніе и благочестіе народной массы.

Между тѣмъ, съ недавняго времени, особенно въ послѣдніе два года, широкою неудержимою волною стали наполняться священными изображеніями свѣтскіе журналы и разныя газетныя приложенія мелкой прессы. Дешевый рынокъ съ излишкомъ переполнился ими, и масса приложеній съ священными изображеніями Спасителя, Богоматери и святыхъ попала въ обиходъ.

Теперь уже не рѣдкость видѣть квартиры, гдѣ разныя приложенія съ священными изображеніями небрежно разсыпаны на полу, по угламъ, корридорамъ; ими покрыты бывають банки съ вареніемъ и другіе обиходные предметы; не рѣдкость видѣть эти приложенія въ мелочныхъ лавочкахъ, гдѣ приказчики завертываютъ ими кислую капусту, черносливъ и другіе товары. Приложенія съ священными изображеніями Спасителя, Богоматери и святыхъ служатъ матеріаломъ вмѣсто папиросной бумаги, попадаютъ на улицахъ, на дворахъ и, о ужась! въ отхожихъ мѣстахъ. Содрагается сердце за будущее... Вотъ до какого ужаса довели корыстные, коммерческіе расчеты разныхъ издателей!

Но этого мало.

Священныя изображенія въ свѣтскихъ журналахъ и особенно въ разныхъ газетныхъ приложеніяхъ рассыпаны безъ всякаго разбора, безъ всякаго стѣсненія и стыда, на ряду съ картинами соблазнительнаго характера; при этомъ съ увеличеніемъ количества священныхъ изображеній въ газетныхъ приложеніяхъ пропорціонально увеличивается тамъ и число картинъ безстыднаго характера, — картинъ, которыя сами уже по себѣ деморализуютъ нравы русскаго народа и достойны всякаго порицанія.

Есть и еще видъ эксплуатаціи священныхъ изображеній Спасителя, Богоматери и святыхъ.

Въ нѣкоторыхъ лавкахъ и магазинахъ съ недавняго времени стали продаваться шоколадныя бомбы съ такъ называемыми сюрпризами, въ числѣ которыхъ встрѣчаются и священные изображенія.

Сейчасъ подъ руками у насъ имѣются изъ такихъ сюрпризовъ брошь, медальонъ и маленькій крестикъ. Брошь сдѣлана изъ простой жести; на лицевой сторонѣ ея приклеена бумажка, на которой изображенъ Спаситель въ терновомъ вѣнцѣ въ краскахъ; медальонъ изъ того же матеріала растворяется на двѣ стороны: на одной сторонѣ образъ Казанской Богоматери, а на другой нашъ почтенный пастырь протоіерей Іоаннъ Кронштадскій ¹⁾).

Зачѣмъ потребовалось предлагать народу въ такомъ видѣ сюрпризы, какъ не съ цѣлю издѣвательства надъ священными изображеніями, какъ не для того, чтобы поселить въ сердцѣ русскаго православнаго народа небреженіе къ его свя-

¹⁾ Здѣсь кстати прибавить, что узурпаторы народныя нинѣ не стѣсняются ничѣмъ для утоленія своей жадныя наживы, а вмѣстѣ съ тѣмъ, быть можетъ, и съ сознательнымъ намѣреніемъ поселить религіозную смуту въ народѣ. Съ этою цѣлю они стали эксплуатировать народное довѣріе въ личности нашего маститаго пастыря протоіерея Іоанна Кронштадтскаго и распространяютъ листки, которые дѣйствительно производятъ въ православномъ русскомъ народѣ смуту и спутанность религіозныхъ понатій.

Предъ нами—подобный листокъ, размѣромъ 5×8 вершковъ, отпечатанный Кронштадскимъ издателемъ Виноградовымъ въ типографіи *Юделевича* съ дозволенія (!) цензуры 27 января 1900 г., подъ которою нужно разумѣть столь прославленнаго преступными дѣяніями кронштадтскаго полицеймстера Шафрова; цѣна 15 к. Верхнюю треть листка занимаетъ портретъ, представляющій мужчину съ широкою сѣдою бородою, подстриженнаго въ скобу. Мужчина держитъ на рукахъ огромныхъ размѣровъ въ богатой золоченой рамѣ портретъ Іоанна Кронштадтскаго въ облаченіи и митрѣ. Размѣръ, видъ и обстановка портрета представлени таковы, что портретъ Іоанна Кронштадтскаго можно принять за икону, которую куда-то несетъ на рукахъ указанный мужчина. Подъ портретомъ два столбца кощунственныхъ стиховъ, выражающихъ мысли сектантовъ, приписывающихъ Іоанну Кронштадскому божескія свойства Сына Божія.

ценному достоянію. Откуда дуетъ вѣтеръ? Не изъ того ли тлетворнаго Запада, который принесъ Церкви Христовой столько вреда?

Пора открыть глаза православному русскому народу и указать ему, какъ опасно и пагубно обращать въ обиходъ его священное достояніе вѣры и благочестія. Надо слѣшить, ибо зло продолжаетъ работать съ обычною своею интенсивностію..

Необходимо откликнуться духовной журналистикѣ и пастырямъ Церкви по сему вопросу и дружно оказать нравственное воздѣйствіе на русскій православный народъ и ихъ непризванныхъ воспитателей, распространить въ возможно широкихъ размѣрахъ печатныя брошюры, въ которыхъ выяснить всю опасность и весь вредъ отъ переполненія священными изображеніями въ разныхъ приложеніяхъ и сюрризахъ, и эти брошюры бесплатно раздавать народу въ церквахъ. (Моск. церк. Вѣд. 1903 г. № 14).

Свящ. *Н. Романскій.*

Существующій способъ содержанія духовенства, какъ отжившее явленіе русской жизни.

Я помню себя семилѣтнимъ мальчикомъ, когда мой отецъ, служившій псаломщикомъ въ С-ой губерніи, пріѣзжаетъ въ одинъ изъ зимнихъ вечеровъ домой разстроенный, измученный, въ угнетенномъ состояніи духа, проходивъ цѣлый день по селу для сбора хлѣбомъ.—Прошелъ цѣлую улицу и вотъ сколько насбиралъ, — когда это я *отмучаюсь* отъ этихъ сборовъ, — говорилъ мой отецъ съ горечью, указывая на тощій возикъ.

Чѣмъ мой отецъ былъ недоволенъ,—я не понималъ. Это было около восьмидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія, когда были хорошіе урожаи, сборы не падали и служили однимъ

изъ главныхъ источниковъ содержанія духовенства. Поступивъ въ училище, я не могъ уже часто провѣрять впечатлѣній отца, но опять рассказы о тѣхъ же сборахъ возстаютъ въ моей памяти. Священникомъ села, гдѣ мой отецъ въ то время діаконствовалъ, былъ извѣстный протоіерей Ф-въ, служившій около 25 лѣтъ благочиннымъ. Это былъ образованный человѣкъ, опытный администраторъ. Прихожане его любили, но онъ былъ поставленъ въ печальную необходимость опять-таки пройти нѣсколько разъ въ годъ съ мѣрой по селу. Дѣло—обычное, но однажды стало всѣмъ извѣстно, что озорникъ-крестьянинъ, имѣвшій какіе-то съ нимъ личные счета, вмѣсто подаянія, выхватилъ у солиднаго протоіерея мѣрку изъ рукъ и перебросилъ ее съ ругательствомъ чрезъ ворота.

Я тогда начиналъ понимать, чѣмъ былъ недоволенъ мой отецъ...

Но вотъ и я на жизненномъ самостоятельномъ пути, проторенномъ моими дѣдами и прадѣдами. На очереди—вопросъ о средствахъ къ существованію.—Никогда (я) не буду заниматься этими постыдными сборами—думалъ я,—еще молодой, полный юношескихъ грезъ. Крѣплюсь годъ, другой. Обзавожусь семьей. Вижу: сборы составляютъ половину моихъ доходовъ. Содержаніе скудно. Надо браться за сборы. Въ одно августовское утро залитый краской стыда, съ горечью на сердцѣ, выхожу я печально съ мѣрой на улицу. Нерѣшительно подхожу къ первому окну съ заявленіемъ: „я собираю новинкой“! Спѣшно перебѣгаю отъ одного окна къ другому, возвѣщая какъ-бы что то важное: „я собираю новинкой“! Скоро я прошелъ порядокъ домовъ, оставивъ далеко своего возпицу. Я не интересовался, выносили ли хлѣбъ, или нѣтъ,—мнѣ нужно только было пройти улицу. Это былъ мой первый выходъ на сцену печальной жизни духовенства. Далѣе сборы становятся положительно злобой дня. Нужно идти для сбора лѣтомъ, осенью и въ другое время года. Между тѣмъ, нѣко-

торые крестьяне поговаривают; „развѣ имъ напасешься хлѣба: вѣдь въ семь лукошекъ хлопаютъ: два священника, два псаломщика, діаконъ и двѣ просфорни“ ...! И результаты сборовъ были на лицо. Въ одинъ изъ зимнихъ вечеровъ приходитъ ко-мнѣ псаломщикъ и со слезами на глазахъ рассказываетъ, какъ одинъ крестьянинъ взялъ у него изъ рукъ мѣрку, покатилъ ея по двору, и только за то, что напомнилъ ему, что не давалъ въ прошлый разъ хлѣба.—Не нужно нашему брату обижаться и на то, какъ какая нибудь благочестивая старушка подастъ вамъ хлѣба со словами: „прими, батюшка, Христа ради“! На опытѣ пришлось испытать и другого рода сборы—масломъ, посконью и шерстью. Здѣсь имѣется дѣло уже съ однѣми почти женщинами. И опять—масса тѣхъ же униженій, оскорбленій; при сборѣ же шерсти отъ бойкой бабы можно услышать и двусмысленные намеки...

Я уже на службѣ въ Сибири и три года отдыхаю душею и тѣломъ, избавленный отъ сборовъ по селу. Здѣсь, какъ напр., въ Томской епархіи, издавна главнымъ управленіемъ Сибири узаконена руга причтамъ, которая собирается сельскимъ старостой. Но опять таки между причтомъ и прихожанами происходятъ нежелательныя столкновенія: крестьяне ругу платятъ неисправно и въ рѣдкихъ случаяхъ дѣло обходится безъ содѣйствія крестьянскихъ начальниковъ.

Нельзя не сказать нѣсколько словъ и о другомъ, главномъ и болѣе распространенномъ источникѣ содержанія духовенства—о добровольной платѣ за требоисправленія. Но и здѣсь рѣдкій причтъ, въ силу необходимости, обходится безъ припрашиваній. Рекомендуемая Духовнымъ Начальствомъ выставка въ церквахъ кружекъ съ надписью: „въ пользу причта“, насколько мнѣ извѣстно, не имѣетъ практическаго примѣненія. Яркой иллюстраціей къ сказанному служитъ слѣдующій случай, бывшій въ одномъ селѣ Т-ой епархіи. Причтъ, желая сохранить истинно-пастырскія отношенія съ своими пасомыми, рѣшилъ не брать ни копѣйки за требоисправленія, а вмѣсто этого—вывѣсить кружку, куда каждый клалъ бы свою лепту по же-

ланію, о чемъ и оповѣщены были прихожане. Черезъ мѣсяцъ высыпана была кружка, въ которой оказалось нѣсколько копѣекъ, грошей и солдатскихъ мѣдныхъ пуговицъ...

Пришлось причту опять возвратиться къ „припрашиванію“.

Описанныхъ случаевъ на Руси бываетъ, конечно, сотни. Чтобы подѣлиться ими съ читающимъ обществомъ, нужны цѣлыя страницы.—Необходимо теперь придти къ заключенію, что существующій способъ обезпеченія духовенства есть отжившее явленіе,—анахронизмъ. Сборы и „добровольная“ плата за требоисправленія лежатъ тяжелымъ бременемъ на духовенствѣ. Они унижаютъ послѣднее, обезличиваютъ его, уничтожаютъ послѣднюю связь между пастыремъ и пасомыми. „Дерутъ съ живого и мертвого, у попа глаза—завидуци“ и многія другія выраженія достаточно характеризуютъ взглядъ народа на взиманіе духовенства за труды. Благодаря своей матеріальной необезпеченности и потому гнетущей зависимости отъ прихожанъ, духовенство скорѣе становится на путь порока, который даетъ поводъ интеллигенціи въ современной литературѣ зло высмѣивать его, какъ напр. статья „Худая молва“ въ „Журналѣ для всѣхъ“ и др. Ряды духовенства рѣдѣютъ: боязнь „кормленія отъ прихода“ заставляетъ лучшія силы изъ окончившихъ духовныя семинаріи идти на болѣе обезпеченную гражданскую службу, стремиться въ университеты и другія высшія учебныя заведенія.

Свящ. П. Писаревъ.

Голосъ мірянина о томъ, какъ нужно держать себя въ церкви въ торжественные дни.

Храмъ есть мѣсто собранія вѣрующихъ для принесенія молитвъ Творцу и Милосердому Богу, для совершенія церковной службы и созерцанія священнодѣйствія.

Въ храмѣ невидимо присутствуетъ Самъ Господь Богъ. Тамъ окружаютъ насъ святители. Святость мѣста должна вселить въ сердца христіанъ такое настроеніе, которое направляетъ къ пламенной и усердной молитвѣ Богу. Когда мы присутствуемъ въ храмѣ Божіемъ при совершеніи Божественной литургіи или другой Божественной службы, не должны ли мы отрѣшиться отъ всѣхъ суетныхъ мыслей и, по словамъ молитвы, отложить всякое житейское попеченіе?

Въ дни великихъ праздниковъ, составляющихъ воспоминаніе жизни Іисуса Христа и Божіей Матери, въ храмы стекается множество молящихся. Самый радостный и торжественный день въ году для всякаго христіанина—первый день праздника Пасхи. Господь Своимъ воскресеніемъ вывелъ людей изъ тьмы въ свѣтъ, отвлекъ отъ смерти къ жизни, отъ погибели души нашей къ вѣчному спасенію.

Въ пасхальную ночь множество вѣрующихъ во Христа собираются въ храмы Божіи, чтобъ услышать радостныя пѣнопѣнія о воскресеніи Христа и духовно воспринять величіе торжества изъ торжествъ. Вся предшествующая недѣля должна вызывать въ нашей душѣ самыя скорбныя чувства при тяжелыхъ воспоминаніяхъ о страданіяхъ Спасителя всего міра... Пролитыя слезы надъ Гробомъ Господнимъ исчезаютъ при радостномъ восклицаніи „Христосъ Воскресе!“. Восторгъ души каждаго христіанина при пѣніи хора и священнослужителей выражается во внѣ убѣжденнымъ возгласомъ: „Воистину Воскресе!“. Церкви тогда нереполнены, какъ истинно вѣрующими, такъ и тѣми, вѣра которыхъ, быть можетъ, часто колеблется подъ напоромъ современнаго намъ невѣрія. Всѣхъ привле-

каетъ въ храмъ и собираетъ воедино пасхальная церковная служба въ чудную ночь торжества Воскресенія Христова. Храмы Божіи едва могутъ вмѣстить въ себѣ всѣхъ стремящихся къ отверстому Гробу Господню. Присутствующие въ храмахъ могутъ надѣяться найти глубокое, проникновенное чувство собравшихся молящихся, полное благочиніе и спокойное выраженіе радости ожидаемаго Великаго праздника.

Къ искреннему сожалѣнію, при посѣщеніи домовыхъ церквей, въ особенности „модныхъ“, мы видимъ и слышимъ въ свѣтлую утреню иное, неподобающее отношеніе къ великому моменту. Во всякомъ общественномъ собраніи чрезмѣрный шумъ и громкіе разговоры считаются неприличными. Тѣмъ болѣе нарушеніе благочинія и тишины въ храмѣ оскорбляетъ религіозное чувство вѣрующихъ. А между тѣмъ предъ окончаніемъ пасхальной утрени, въ моментъ выхода духовенства изъ царскихъ вратъ съ крестомъ и иконами, съ привѣтствіемъ къ молящимся: „Христось Воскресе!“ въ храмѣ возникаетъ обыкновенно значительный шумъ, прелятствующій слуханію церковной службы. Въмѣсто выраженія тихой скромной радости, находящіяся въ храмѣ, забывая о святости мѣста и продолжающейся службѣ, громко привѣтствуютъ другъ друга, шумно ведутъ бесѣды и переходятъ съ мѣста на мѣсто, отыскивая своихъ знакомыхъ. Шумъ въ церкви дѣлается такъ великъ, что пѣніе на клиросѣ и возгласы діакона на послѣдней эктениі заутрени, совсѣмъ почти не слышны. Всякій въ отдѣльности возмущается такимъ нарушеніемъ тишины и спокойствія въ храмѣ Божіемъ, между тѣмъ большинство прибывшихъ къ свѣтлой утрени участвуютъ въ этомъ неблагочиніи.

Пишущій эти строки бывалъ во многихъ домовыхъ церквахъ въ великую пасхальную заутреню и вездѣ наблюдалъ одно и тоже поведеніе присутствующихъ. Ихъ поступки даютъ право думать, что они собрались въ церковь не для молитвы и радостнаго скромнаго созерцанія чуда изъ чудесъ, торжества изъ торжествъ, по явились какъ бы для веселія.

Въ частномъ домѣ держать себя прилично изъ уваженія къ хозяину его. А подумалъ ли кто нибудь серіозно, кто хозяинъ въ храмѣ? Никто, кромѣ Самого Господа Нашего Иисуса Христа, воскресшаго изъ мертвыхъ.

Господь Богъ всегда вездѣ посреди насъ молящихся. Всякій христіанинъ долженъ возмущаться вкоренившимся неуваженіемъ къ святынѣ въ самый торжественный день въ году. А между тѣмъ большинство молящихся въ домовыхъ церквахъ принадлежатъ къ такъ называемому избранному обществу.

Съ этимъ печальнымъ явленіемъ могло бы бороться духовенство въ лицѣ настоятеля церкви. Ему бы слѣдовало обращаться къ православнымъ христіанамъ въ своихъ поученіяхъ съ амвона о приличномъ и уважительномъ стояніи въ церкви, въ особенности въ велико-торжественные дни въ году. Очень грустно, что духовенство наше мало обращало вниманія на то, какъ должны себя держать въ церкви во время священнодѣйствія. Молчаливо и равнодушно относиться къ этому не подобаетъ ихъ пастырской власти и сану. Въ ихъ обязанностяхъ лежитъ внушать своей паствѣ уваженіе и должное почитаніе святыхъ мѣстъ.

Да неумолкнетъ слово просвѣщенія изъ устъ духовенства. Къ сожалѣнію, мы рѣдко слышимъ въ приходскихъ и домовыхъ церквахъ поученія объ обязанностяхъ христіанина вообще и каждаго изъ насъ въ отдѣльности. Почаще бы слѣдовало намъ напоминать, что храмъ, есть домъ Божій, домъ молитвы, но не мѣсто, куда могутъ собираться люди въ богатыхъ и драгоценныхъ нарядахъ съ единственною цѣлью обращать на себя вниманіе окружающихъ.

(Моск. Вѣд. № 121, 1903 г.).

ЗАМѢТКА.

Можно-ли заочно совершать чинъ погребенія по усопшемъ, погребенномъ безъ священническаго отпѣванія?

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ приводимъ здѣсь слѣдующую справку. По поводу погребенія въ Донской епархіи одной женщины безъ священно-церковнослужителей, послѣдовало (5 Авг. 1862 г.) Высочайшее повелѣніе, чтобы *погребеніе умершихъ безъ отпѣванія не было допускаемо* (Ук. Св. Синода на имя Донск. Преосвящ. отъ 28 Авг. 1862 г.). А какъ поступать въ тѣхъ случаяхъ, когда прихожане сами, по уважительнымъ причинамъ, погребаютъ покойниковъ на приходскомъ кладбищѣ или въ другихъ мѣстахъ и потомъ обращаются къ священнику съ просьбою заочно отпѣть такихъ покойниковъ,—руководствомъ на этотъ разъ можетъ служить распоряженіе Самарской Духовной Консистоіи (послѣдовавшее въ 1878 г.), въ силу котораго заочное погребеніе можетъ быть допущено только въ крайнихъ случаяхъ, когда напр. кто-либо изъ православныхъ христіанъ умереть вдали отъ церкви и будетъ похороненъ, за неимѣніемъ священника, безъ христіанскаго погребенія самими родственниками умершаго и другими лицами. Въ семъ случаѣ священникъ можетъ внослѣдствіи заочно совершать чинъ погребенія по умершемъ и записать его въ метрическія книги; но то и другое можетъ быть допущено только тогда, когда родственники или другія лица предъявляютъ священнику удостовѣреніе отъ сельскаго или полицейскаго старосты, или отъ хуторскаго полицейскаго сотника, или отъ другихъ какихъ либо лицъ волостныхъ и сельскихъ властей о днѣ и причинѣ смерти и преданія умершаго землѣ. Подобное распоряженіе сдѣлано Донскимъ Приказомъ Общественнаго Призрѣнія относительно подкидышей: „если по какимъ-либо причинамъ, напр. по разлитію рѣкъ, распутицѣ и т. п., невозможно доставить умершаго ребенка въ приходскую церковь для совершенія погребальнаго обряда, то

воспитатели и кормилицы, доведя до свѣдѣнія сельскаго начальства, погребають его установленнымъ порядкомъ на кладбищѣ и, взявъ отъ сельскихъ властей записку о днѣ смерти и погребенія дитяти, представляютъ оную въ удобное время приходскому священнику, который, отслуживъ погребеніе по умершемъ ребенкѣ, выдаетъ метрическую выписку о смерти его“ (См. „Права и обязанности пресвитеровъ“ П. Забѣлина. Кіевъ 1899 г., стр. 303—304).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Д. Семинаріи, Архимандритъ Θεодосій.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 13 мая 1903 г.

Предсѣдатель Комитета, проф. Академіи, прот. *І. Корольковъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLIV.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 20.

Подписка принимается въ редак-
ци сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1903 года, мая 18-го.

Содержаніе: Мѣры и средства вліянія духовенства на нравственную и общественную жизнь народа.—О пастырской совѣсти.— Изъ записокъ приходскаго священника.

Мѣры и средства вліянія духовенства на нравственную и общественную жизнь народа.

Призывая вѣрующихъ ко спасенію, Спаситель требуетъ отъ Своихъ послѣдователей не одной только вѣры, но и жизни по вѣрѣ, нравственнаго совершенства, идеаль котораго указываетъ Онъ въ Отцѣ Своемъ: „будите совершенны, якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть“ (Мѡ. V, 48). Церковь желаетъ видѣть своими членами людей не только вѣрующихъ, возрожденныхъ и облагодатствованныхъ, но и чистыхъ и святыхъ; отсюда пастырская попечительность должна направляться на устроеніе нравственнаго порядка жизни, и это устроеніе составляетъ одну изъ главнѣйшихъ пастырскихъ обязанностей. Значеніе пастырской дѣятельности въ этомъ направленіи особенно усиливается печальнымъ современнымъ состояніемъ

правственной жизни, въ которой замѣчается умноженіе нравственныхъ пороковъ и преступленій.

Нравственный идеаль христіанской жизни открывается съ двухъ сторонъ: какъ идеаль положительный, который осуществляется въ святой и добродѣтельной жизни, и какъ идеаль отрицательный, выражающійся въ очищеніи сердца и жизни отъ нравственныхъ пороковъ и недостатковъ, въ свободѣ христіанина отъ грѣха. Само собой понятно, что обѣ стороны христіанскаго нравственнаго идеала находятся въ тѣсномъ единствѣ и неразрывной связи. Отсюда и попечительность пастыря о нравственномъ усовершенствованіи вѣранныхъ ему душъ, будучи по существу своему единой, выражается въ двухъ видахъ: въ положительномъ раскрытіи христіанскаго идеала, и въ борьбѣ пастыря съ нравственными пороками и недостатками.

Всякій трудъ, къ какой бы сферѣ человѣческой дѣятельности онъ ни относился, требуетъ для себя нагляднаго образца или примѣра; это положеніе справедливо и въ примѣненіи къ нравственному усовершенствованію людей. Пастыри Церкви въ своей личной жизни имѣютъ первое средство, какимъ они могутъ дѣйствовать на свою паству; вотъ почему апостоль Павелъ, обращаясь къ Тимоѳею, говоритъ: „образъ буди вѣрнымъ словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою, чистотою“ (I Тим. IV, 12). Проповѣдь жизнию есть самая дѣйствительная, самая убѣдительная. Жизнь первенствующихъ христіанъ, полная любви, смиренія, кротости, невольно привлекала къ себѣ вниманіе язычниковъ и нерѣдко приводила невѣрующихъ ко Христу. Съ другой стороны, несовершенства въ жизни христіанъ, а особенно пастырей, подавали нерѣдко поводъ дѣлать упреки Церкви; не мало такихъ упрековъ дѣлали и теперь дѣлаютъ русской Церкви наши раскольники. Наши выдающіеся архипастыри, пользовавшіеся въ свое время громаднымъ вліяніемъ на современниковъ, главное условіе пастырскаго вліянія указывали въ добродѣтельной и святой жизни самыхъ пастырей. По словамъ святого Димитрія Ро-

стовскаго, „пастырь не иначе вѣренное ему стадо упасеть и на путь спасенія наставить, развѣ еще самъ первѣе путемъ спасенія шествовати будетъ; не иначе люди къ боголюбію подвигнетъ, развѣ еще самъ первѣе другъ любезный Богу явится“¹⁾. По словамъ Тихона Задонскаго, „пастырь долженъ быть зеркаломъ, въ которое смотря, люди откроютъ на своемъ лицѣ пороки“²⁾. Русскій православный народъ ищетъ въ своихъ пастыряхъ не только слова назиданія, но вмѣстѣ примѣра и образца для жизни. „Жизнію нашею мы должны защищать нашу Церковь, которая вся есть жизнь; благоуханіемъ душъ нашихъ должны мы возвѣстить ея истину. Проповѣдникъ православія долженъ выступить такъ предъ народомъ, чтобы уже отъ одного его смиреннаго вида и тихаго потрясающаго гласа, исходящаго изъ души, въ которой умерли всѣ желанія міра, все бы подвинулось еще прежде, нежели онъ объяснилъ бы самое дѣло, и въ одинъ голосъ заговорило бы къ нему: „Не произноси словъ! слышимъ и безъ нихъ святую правду твоей Церкви“³⁾. Этимъ исканіемъ нашего народа святого по жизни человѣка объясняется отчасти и любовь нашего народа къ паломничеству, къ посѣщенію имъ обителей и монастырей. Въ тиши нашихъ монастырей не оскудѣваютъ люди святой добродѣтельной жизни, на народъ они оказываютъ прямо могущественное вліяніе; къ нимъ идутъ тысячи простыхъ вѣрующихъ сердецъ со своимъ горемъ и радостію, отъ нихъ ищутъ совѣта и утѣшенія, врачевства отъ нравственныхъ недуговъ. Въ настоящее время у насъ на Руси самымъ популярнымъ пастыремъ является о. Іоаннъ Кронштадскій; къ нему собираются тысячи людей со своими скорбями, его встрѣчи ждутъ, какъ особой радости, чрезъ его руки идутъ милліоны денегъ на благотворительныя учрежденія, на бѣдныхъ, церкви, школы; покойный Государь Александръ III на

¹⁾ Твор. св. Димитрія Ростовскаго ч. 3, 355 стр.

²⁾ Твор. св. Тихона Задонскаго т. 10, 180 стр.

³⁾ Соч. Гоголя. Издан. Маркса т. V, стр. 39.

смертномъ одрѣ сказалъ о. Іоанну: „мой народъ любитъ васъ“, и въ этихъ словахъ не было преувеличенія. Чѣмъ же снискалъ этотъ пастырь такую всеобщую любовь? Своею любовію къ людямъ, теплоту которой такъ многіе на себѣ испытали, глубокимъ знаніемъ слабостей сердца человѣческаго и врачевства отъ нихъ, а, главное, своею святою, добродѣтельною, полною кротости, смиренія и самоотверженія жизнію, славу о которой стоустая молва успѣла передать въ самые захолустные уголки нашего обширнаго отечества. Въ настоящее время связь духовенства съ народомъ, а особенно съ интеллигенціей ослабѣла: примѣръ о. Іоанна показываетъ пастырямъ, что связь эта можетъ быть закрѣплена, и средство для этого— жизнь пастыря, которая внушила бы довѣріе, уваженіе и любовь къ нему общества. Въ святой, добродѣтельной жизни духовенства заключается важное средство и къ тому, чтобы обратить нашу невѣрующую и маловѣрующую интеллигенцію къ Церкви; это высказываютъ сами же интеллигенты. Вотъ выдержка изъ письма въ редакцію „Миссіонерскаго Обозрѣнія“, доказывающая это: „интеллигенція можетъ только тогда принадлежать къ Церкви, когда въ ея представителяхъ будетъ видѣть искреннее отношеніе къ проповѣдуемымъ ей истинамъ, когда они дѣйствительно будутъ проникнуты христіанскимъ направленіемъ“¹⁾. Дальше авторъ передаетъ свои наблюденія и впечатлѣнія отъ жизни духовенства, значительно стущая краски. Нельзя не прислушаться къ этому голосу, какъ бы онъ ни былъ несправедливъ по отношенію къ духовенству.

Главный недостатокъ современной жизни—упадокъ и ослабленіе любви, чрезмѣрное развитіе эгоизма: возвратить людямъ любовь можно только любовью. Недостаточно еще, если пастырь ограничить свою дѣятельность требоисправленіемъ, исправнымъ несеніемъ официальныхъ своихъ обязанностей; жизнь его должна быть согрѣта нелицемѣрною и дѣятельною любовію, любовію „не словомъ, ниже языкомъ, но

¹⁾ Миссіонерское Обозрѣніе 1902 г., 415 стр.

дѣломъ и истиною“ (I Иоан. III, 18); сердце человѣческое, какъ оно порой ни огрубѣваетъ, все же не теряетъ своей воспріимчивости къ любви. „О семъ разумѣютъ вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою“ (Иоан. XIII, 35), сказалъ Господь своимъ ученикамъ; „о семъ“, т. е. по любви и паства узнаетъ своихъ истинныхъ пастырей; только пастырь, много возлюбившій, отдающій душу свою за овцы, отдающій всего себя, забывающій даже о своемъ личномъ спасеніи, можетъ обратить заблудшихъ на путь истины, приблизить ввѣренную ему паству къ царству Божію.

Что представляетъ жизнь современнаго намъ духовенства? Среди него безспорно много есть свѣтлыхъ личностей, которыя съ честью несутъ взятый ими на себя подвигъ пастырства и если о таковыхъ лицахъ приходится мало слышать, то это потому, что такіе люди со скромностію несутъ свое дѣло, не выставляя себя на показъ; даже свѣтская литература, которая, вообще говоря, отрицательно относится къ дѣятельности духовенства, стараясь изобразить все больше отрицательныя типы въ его средѣ, и та нерѣдко обмолвится добрымъ словомъ о духовенствѣ, отмѣтитъ иногда свѣтлую личность. Лицъ, принадлежащихъ къ духовенству на Руси, насчитывается десятки тысячъ; очень возможно, что въ этой массѣ не всѣ по одинаковымъ мотивамъ приняты на себя пастырское служеніе, не всѣ прониклись сознаниемъ его высоты: отсюда понятнымъ становится, что въ средѣ духовенства могутъ быть несимпатичныя личности, тѣ или иные недостатки, несовершенства, которые, однако, не даютъ права такіа темныя явленія обобщать и возводить въ законъ.

Одно изъ печальныхъ явленій, наблюдаемыхъ въ жизни современнаго духовенства составляетъ стремленіе къ „приманкамъ культурной жизни“, какъ охарактеризовалъ это стремленіе епископъ Антоній въ своемъ посланіи къ духовенству Волынской епархіи. Патріархальная простота жизни духовенства теперь все больше забывается и то, что справедливо въ примѣненіи къ духовенству Волынской епархіи, можетъ

быть примѣнимо и ко многимъ духовнымъ лицамъ другихъ епархій. Погоня за комфортомъ и удобствами, открытая жизнь требуютъ для своего удовлетворенія достаточныхъ средствъ, а скромное положеніе священника, даже городского, едва ли можетъ ихъ доставить; отсюда можетъ явиться недовольство, излишніе поборы съ прихожанъ, стремленіе занять мѣсто по-выгоднѣй, подоходнѣй. Послѣднее стремленіе не можетъ не отразиться вреднымъ образомъ на пастырской дѣятельности: въ пастыряхъ оно поселяетъ равнодушіе къ тому приходу, гдѣ они являются только временными гостями; въ прихожанахъ это стремленіе ослабляетъ уваженіе и довѣріе къ духовенству: народъ нашъ особенно цѣнитъ тѣхъ изъ священниковъ, которые долго живутъ на одномъ мѣстѣ. Увлеченіе показной стороной жизни, мишурою ея естественно подрываетъ въ народѣ довѣріе къ священнику, ведетъ къ взаимному непониманію, которое, по словамъ преосвященнаго Антонія, доходитъ иногда до „полной потери взаимной нравственной связи“. Вечера, музыка, танцы, наряды—все это для простого народа не имѣетъ особенной цѣны, все это кажется ему ненужнымъ или смѣшнымъ; съ этой точки зрѣнія оцѣниваетъ нашъ народъ и тѣхъ, кто особенно увлекается всѣмъ этимъ.

Матеріальное обезпеченіе духовенства составляетъ большой вопросъ въ его жизни, въ значительной степени парализующій его доброе вліяніе на народъ. Кое что въ этой области уже сдѣлано: русскимъ правительствомъ положено начало обезпеченію духовенства казеннымъ содержаніемъ, но это только начало того, что должно быть сдѣлано; преобладающимъ способомъ вознагражденія духовенства и понынѣ является поручная плата за требы. Объ этомъ способѣ говорилось и писалось очень много,—остается кратко повторить то, что уже давнымъ давно извѣстно всѣмъ о неудобствахъ этого способа обезпеченія духовенства. Способъ этотъ тяжелымъ осадкомъ, горечью отзывается прежде всего на священникахъ, особенно на молодыхъ, не привыкшихъ къ нему: вознагражденіе это имѣетъ видъ подачки, а если принять во

вниманіе условія, при которыхъ она совершается, тогда можно понять, какъ тяжело приходится порою человѣку съ чуткимъ отзывчивымъ сердцемъ. Извѣстно, какія средства имѣеть крестьянинъ, особенно въ послѣднее время, когда неурожаи, падежъ скота, безземеліе, пожары, міроѣды и кулаки въ конецъ разорили его: деревня наша, особенно въ сѣверныхъ губерніяхъ нища, поразительно нища; удовлетвореніе самыхъ необходимыхъ потребностей, платежъ разныхъ повинностей поглощаютъ всѣ денежные ресурсы крестьянина; чрезвычайныя событія жизни: болѣзнь, похороны, свадьба вводятъ крестьянина въ такіе долги, отъ которыхъ онъ не можетъ освободиться въ нѣсколько лѣтъ. Съ какимъ же настроеніемъ священникъ возьметъ плату. напимѣръ, за погребеніе, когда знаетъ, что семья лишилась послѣдней опоры, единственнаго кормильца, или когда увидитъ голодную, больную семью, оборванныхъ ребятинекъ? Не братъ совсѣмъ? Но вѣдь самъ священникъ имѣетъ семью, дѣтей—ихъ жаль. Братъ? Душой измучишься, изстрадаешься при одномъ воспоминаніи о томъ, что деньги взяты отъ голоднаго рта.

Матеріальная нужда нерѣдко ставитъ священника въ зависимость отъ приходскихъ капиталистовъ, кулаковъ, помѣщиковъ: они поддерживаютъ священника матеріально, а взаменъ этого требуютъ себѣ всякихъ поблажекъ, почета, очень часто совсѣмъ незаслуженнаго. Священника они поддерживаютъ на грошъ, а народъ обворуютъ на рубль и за свои одолженія требуютъ отъ священника поддержки и одобренія; священникъ въ такихъ случаяхъ оказывается въ самомъ двусмысленномъ положеніи; народъ остается одинокимъ, безъ защитника и заступника, какимъ для него долженъ быть священникъ. Сущестующій способъ вознагражденія подастъ поводъ темнымъ личностямъ изъ самаго же духовенства къ злоупотребленіямъ, къ вымогательству. Консисторіи всѣхъ епархій завалены жалобами на духовенство и особенно часто жалуются на вымогательство; правда, большинство этихъ жалобъ оказываются несправедливыми, но есть тутъ и доля горькой правды.

„Вимогательство духовенства при требоисправленіяхъ главнымъ образомъ служить причиною раздора между прихожанами и священникомъ, который въ такомъ случаѣ лишается любви и уваженія со стороны прихожанъ. Случается иногда, что при вимогательствѣ духовенства прихожане приносятъ жалобы епархіальному начальству, или же цѣлымъ обществомъ вынуждены бывають установить въ приходѣ свою плату за каждую потребу отдѣльно, а это несомнѣнно служить къ подрыву авторитета священника среди прихожанъ“¹⁾. Недостатокъ средствъ къ жизни побуждаетъ иногда духовенство сторонними заработками восполнять свой скромный бюджетъ: ничего нельзя возразить противъ занятій духовенства сельскимъ хозяйствомъ, садоводствомъ, пчеловодствомъ, если, разумѣется, всѣмъ этимъ священникъ занимается въ мѣру, но мелочи хозяйственной жизни нерѣдко такъ поглощаютъ человѣка, что ему положительно не остается времени для другихъ занятій. Преосвященный Антоній въ своемъ окружномъ посланіи указываетъ на то, что нѣкоторые священники становятся среди народа просто землевладѣльцами—хозяевами, коннозаводчиками; нужно ли говорить о томъ, какъ это можетъ отразиться на ихъ прямыхъ пастырскихъ обязанностяхъ? Обезпеченіе духовенства казеннымъ содержаніемъ, несомнѣнно, подняло-бы духъ и энергію нашего духовенства, возвысило бы его престижъ въ народѣ, усилило-бы его вліяніе на нравственную жизнь народа.

Кромѣ живого нагляднаго примѣра своей жизни, какъ могучаго средства вліянія на народную нравственность, духовенство имѣетъ для той же цѣли и другія средства,—прежде всего церковную проповѣдь: церковная проповѣдь въ этомъ отношеніи можетъ идти двумя путями, съ одной стороны, начертывая идеаль нравственной жизни и дѣятельности, какъ онъ изображенъ въ Словѣ Божіемъ; съ другой — обличая тѣ

¹⁾ Костром. Еп. Вѣд. 1902 г. № 13. Чего желаетъ простой народъ отъ сельскаго священника? 381 стр.

недостатки и несовершенства въ жизни, какія противорѣчатъ этому идеалу; обѣ стороны должны быть въ тѣсной связи и единеніи. Правоучительная проповѣдь у насъ развита довольно сильно, но здѣсь есть явленія, которыя не вполне удовлетворяютъ запросамъ современности, запросамъ жизни. Школьные приемы въ составленіи проповѣди, шаблонное изложеніе создаетъ нерѣдко проповѣди общаго характера, проповѣди, которыя можно прочесть при какихъ угодно слушателяхъ: онѣ для всѣхъ подойдутъ и ни на кого особеннаго впечатлѣнія не произведутъ, ибо мало имѣютъ въ виду слушателей съ ихъ недостатками, запросами. Произнесеніе чужихъ печатныхъ проповѣдей нерѣдко производится безъ надлежащаго выбора и приготовленія: само собою понятно, что при такомъ положеніи трудно ожидать, что пастырь проникнется тѣмъ, что онъ будетъ читать по книгѣ, разъ онъ не продумалъ и не прочувствовалъ того, о чемъ имѣеть говорить. Печатная проповѣдь, давая матеріалъ для проповѣдника, требуетъ отъ него и самодѣятельности: онъ долженъ приоровить ее къ пониманію, религіознымъ потребностямъ, нравственному состоянію своей паствы.

Обличеніе составляетъ необходимый элементъ церковной проповѣди, такъ какъ настойчивое обличительное слово, проникнутое горячимъ убѣжденіемъ, а вмѣстѣ согрѣтое любовію къ согрѣшающимъ, оказываетъ особенно—сильное впечатлѣніе на слушателей, заставляетъ ихъ вдуматься въ свою жизнь и ея несовершенства. Въ наше время, когда въ жизни христіанъ замѣчается такъ много нравственныхъ несовершенствъ, пороковъ и недостатковъ, особенно необходимы „для Церкви мужи съ духомъ и силою нашихъ древнихъ отцовъ и учителей, чтобы эти мужи огненными обличеніями, прозорливымъ разъясненіемъ нашихъ заблужденій и зарождающихся въ нихъ бѣдствій, разрывающихъ сердце плачемъ о возвращеніи и растлѣніи нашихъ правовъ—потрясли наши души, пробудили въ нихъ чувство страха Божія“¹⁾.

¹⁾ Ключаревъ А. Пѣскольکو проповѣдей. Москва 1873 г. стр. 105.

Наблюденіе и основательное знакомство пастыря съ состояніемъ врученнаго его попеченію прихода укажетъ ему, съ какими пороками ему больше всего слѣдуетъ бороться съ помощію проповѣди, но все же можно указать и нѣкоторые общіе пороки, которые можно всюду встрѣтить. На первомъ мѣстѣ нужно поставить борьбу съ равнодушіемъ къ уставамъ Церкви о молитвѣ, посѣщеніи богослуженія, соблюденіи постовъ: нарушеніе этихъ уставовъ главнымъ образомъ замѣчается въ городахъ, среди интеллигенціи, но, благодаря вліянію города, оно проникаетъ постепенно и въ деревню. Если въ городѣ эти нарушенія свидѣтельствуетъ иногда только о равнодушіи къ вѣрѣ, то въ деревнѣ они грозятъ еще большимъ бѣдствіемъ и могутъ вести прямо къ невѣрію, ибо народъ нашъ нерѣдко понимаетъ религію только внѣшнимъ образомъ: отказываясь отъ обряда, онъ можетъ отказаться совсѣмъ и отъ вѣры.

Ослабленіе семейныхъ узъ, вражда между членами семьи, мужемъ и женой, родителями и дѣтьми, въ одинаковой степени замѣчается какъ въ интеллигенціи, такъ и въ простомъ народѣ: характеристическую особенность семейныхъ отношеній въ нашей интеллигенціи за послѣднее столѣтіе составляетъ разнь между родителями и дѣтьми, вражда молодежи противъ родителей.

Въ крестьянской семьѣ замѣтны тѣ же печальныя явленія,—непочтеніе младшихъ къ старшимъ, вражда, ведущая къ частымъ раздѣламъ, въ конецъ подрывающимъ и безъ того небогатое крестьянское хозяйство. Христіанская семья есть малая Церковь, имѣющая свою цѣлю взаимную поддержку членовъ ея въ осуществленіи нравственныхъ идеаловъ въ жизни: отсюда понятна та опасность, каковая грозитъ обществу въ ослабленіи семейныхъ узъ: упадокъ любви даже между близкими по крови людьми, ожесточеніе, губительное вліяніе на подрастающее поколѣніе—вотъ результаты упадка семейнаго начала.

Народное пьянство заслуживаетъ со стороны духовенства самаго серьезнаго вниманія по многимъ причинамъ: пьянство гибельно отзывается на народной нравственности, такъ какъ ведетъ за собою нерѣдко тяжкія преступленія до убійствъ включительно, оно ведетъ къ психическому и физическому вырожденію,—что въ медицинѣ уже признается аксіомой,—оно разоряетъ народъ матеріально.

Таковы главнѣйшіе пороки современной жизни съ которыми долженъ бороться современный пастырь, авторитетнымъ голосомъ церковнаго проповѣдника.

В. П—овъ.

О пастырской совѣсти.

Совѣстью называютъ способность внутренняго опредѣленія соотвѣтствія или несоотвѣтствія нашихъ поступковъ съ нравственнымъ закономъ. Такое опредѣленіе ея, будучи вполнѣ правильнымъ, если данную моральную силу разсматривать въ тѣсномъ смыслѣ и ограниченномъ обнаруженіи, оказывается, очевидно, узкимъ въ томъ случаѣ, когда словомъ „совѣсть“ хотятъ обозначить ту область нравственной жизни, въ которой между другими явленіями находимъ и способность опредѣленія качества поступковъ. Понимаемая въ этомъ широкомъ смыслѣ, совѣсть, включая въ содержаніе своего понятія и морально судящую силу, будетъ опредѣляться уже, какъ цѣльная нравственная настроенность человѣка. Въ такомъ случаѣ можно будетъ говорить о пастырской совѣсти, какъ таковой, ибо, не различаясь, какъ способность нравственнаго сужденія у пастыря и всякаго христіанина, она, однако, какъ нравственная настроенность, характеризуется въ пастырѣ и такими свойствами, которыя можно назвать специфически пастырскими, и такими чертами, которыя, хотя и являются чертами всякой совѣсти, но исключительно—по силѣ и направленію—развитыми въ пастырѣ. Отсюда вытекаетъ, что ученіе о пастыр-

ской совѣсти имѣть несомнѣнные права на свое самостоятельное существованіе.

Въ своей основѣ это ученіе не можетъ не имѣть понятія о пастырскомъ служеніи и развивается изъ этого естественнаго основанія. Пастырство есть служеніе совершаемаго благодатию Божіею нравственнаго возрожденія людей,—таково самое общее опредѣленіе пастырскаго служенія, но, будучи вообще дѣятельностью (подвигомъ), съ субъективной стороны оно является цѣльной настроенностью пастыря и, слѣдовательно, отождествляется съ пастырской совѣстью. Пастырская совѣсть и пастырское служеніе въ извѣстномъ смыслѣ—синонимы, и говорить о пастырской совѣсти, значитъ развивать ученіе о пастырскомъ служеніи съ его субъективной стороны.

Когда затрогивается вопросъ о пастырскомъ служеніи, нельзя не выходить въ своемъ разсужденіи изъ тѣхъ словъ Пастыреначальника, которыми Онъ опредѣлилъ для своихъ учениковъ только что народившійся подвигъ пастырства,— „какъ послалъ Меня Отець, такъ и Я посылаю васъ“. Было бы недостаточно понимать эти слова въ смыслѣ утвержденія преемственнаго отношенія церковнаго пастырства къ Спасителю. Значеніе ихъ въ томъ, что ими опредѣляется сущность пастырскаго служенія, какъ дѣла Христова, дѣла возрожденія людей; съ другой стороны, въ нихъ указывается та сторона пастырства, съ которой оно является даромъ благодати и проявленіемъ божественныхъ полномочій. Ясно, такимъ образомъ, что личность пастыря,—продолжателя дѣла Христова, со всѣмъ содержаніемъ своимъ не можетъ быть мыслима внѣ реального единства ея со Христомъ, и основной чертой настроенія пастыря является его проникновеніе и наполненность Христомъ. Въ идеальномъ пастырѣ наблюдается такой складъ душевной жизни, въ которомъ организующимъ и объединяющимъ началомъ элементовъ ея является духъ Христовъ, Его жизни, Его ученія: и въ области мотивовъ, опредѣляющихъ такъ называемое призваніе, и въ сферѣ дѣятельности, и въ ряду цѣлей стоитъ одинъ Христосъ, усвояемый сердцемъ, проника-

ющій всѣ движенія души. „Я буду исполняться Христомъ“, говорилъ св. Василій Великій,—въ этомъ именно проникновеніи Христомъ — основа пастырскаго настроенія. Какъ такое, оно не рождается чѣмъ-нибудь земнымъ, по словамъ св. Іоанна Златоуста, но исходитъ свыше и дается въ таинствѣ священства; оно даръ благодати, ассимилируемый, такъ сказать, душою, какъ собственное достояніе.—Пастырь глубоко сознаетъ, что онъ не одинокъ въ своемъ подвигѣ: онъ соединенъ съ Пастыреначальникомъ даромъ Его благодати, переживаніемъ Его жизни, усвоеніемъ Его дѣла; онъ одинъ изъ многочисленныхъ воиновъ Христова воинства. Когда сердечная молитва уноситъ его въ горній міръ, для него эта приобщенность къ всеобъемлющему единству становится фактомъ несокрушимой силы. Съ другой стороны, когда онъ обращается къ своей паствѣ, онъ чувствуетъ тоже духовное родство и единство каждаго съ собою; когда предъ нимъ развертывается картина міровой жизни и исторіи, онъ проясненнымъ взоромъ видитъ въ ней тотъ же единый процессъ осуществленія добра и единства; пусть здѣсь борьба, пусть уклоненія, всѣ они представляются только моментами единаго процесса и не въ состояніи поколебать его религіозно-нравственнаго міросозерцанія. Такой строй духовной жизни создаетъ въ пастырѣ въ высшей степени устойчивую и опредѣленную нравственную личность. Такимъ образомъ, пастырская совѣсть вообще есть жизнь во Христѣ, или, частнѣе, переживаніе Его жизни, общеніе съ жизнью Церкви и усвоеніе соотвѣтствующаго нравственнаго міровоззрѣнія.

Не отличаясь, повидимому, съ этой стороны отъ идеальной настроенности всякаго христіанина, пастырская совѣсть имѣетъ свою особенность въ томъ, что въ то время, какъ первая усваиваетъ себѣ жизнь во Христѣ, какъ Спасителѣ и Освятителѣ, вторая имѣетъ своимъ центромъ отношеніе къ Нему, какъ Пастыреначальнику и усваиваетъ Его жизнь, какъ пастырство и дѣло возрожденія людей. Отсюда пастырь, такъ сказать, ближе ко Христу, какъ соратникъ въ Его

дѣлѣ, какъ освященный особенными дарами Его благодати; въ то же время и Божественный Образъ Спасителя имѣеть для пастыря не только бѣльшую опредѣленность, но и нѣсколько новыхъ чертъ.

Если, такимъ образомъ, пастырь есть служитель возрожденія другихъ, то его настроенность должна характеризоваться новыми чертами въ зависимости отъ самаго понятія служенія, какъ распространенія личной жизни на жизнь другихъ. Если справедливо, что всякая дѣятельность есть до извѣстной степени самопожертвованіе, въ смыслѣ ограниченія личной жизни, то это положеніе въ примѣненіи къ пастырству справедливѣе, чѣмъ гдѣ либо. Мы сказали, что оно есть жизнь во Христѣ, и, слѣдовательно, формулой сознанія такой жизни являются слова Апостола: „я знаю, что живетъ во мнѣ Христосъ, и моя плотская жизнь есть жизнь для Него, возлюбившаго меня и предавшаго Себя за меня“; съ другой стороны, поскольку оно распространяется на людей, оно характеризуется всеобъемлющимъ, пламеннымъ стремленіемъ, „да смерть дѣйствуетъ въ пастырѣ, а жизнь—въ пасомыхъ“. Такимъ образомъ, пастырская совѣсть чужда того индивидуализма, который въ большей или меньшей степени всегда свойствененъ людямъ. Подобно матери онъ отождествляетъ свою жизнь и интересы съ жизнью и интересами своихъ пасомыхъ. И точно такъ же, какъ отъ такого отождествленія у матери не теряется все то, что составляетъ ея индивидуальность, точно такъ же у пастыря достигаетъ высшей интенсивности чувство жизни; онъ сохраняетъ наивысшую полноту личности, будучи не единокоренъ только, не единомысленъ, но единокоренъ съ своей паствою, и сохраняетъ ее, именно благодаря такому единокоренію. Такъ молился Христосъ: „да вси едино будутъ, яко же Ты, Отче, во Мнѣ и Азъ въ Тебѣ“. Это—нравственное отождествленіе себя съ людьми, въ которомъ самоотверженный духъ живетъ возможной для него полнотою жизни и относительно котораго внутренній опытъ свидѣтельствуетъ, что въ немъ—истина (жизнь). „Кто пребываетъ во

Мнѣ, говорилъ Господь, въ томъ—Я“. Одного этого пребыванія было бы слишкомъ достаточно для того, чтобы расширить отъ природы узкое сердце и вдохнуть въ существо человѣка истинную жизнь, но пастырь пріобрѣтаетъ и практическое, неисчерпаемо-богатое содержаніе въ отождествленіи себя съ совѣстью паствы. „Мы нищи, говоритъ Апостоль, но многихъ обогащаемъ; мы ничего не имѣемъ, но всѣмъ обладаемъ... Уста наши отверсты, сердце расширено, вамъ не тѣсно въ насъ (II Кор., VI, 11); вы въ сердцахъ нашихъ, чтобы вмѣстѣ умереть и жить (VII, 3)“... Итакъ, слѣдующей чертой пастырской совѣсти является ея всеобъемлемость, пріобрѣтаемая чрезъ самоотреченіе и расширеніе личной жизни пастыря до отождествленія ея съ жизнями пасомыхъ.

Но ни самоотреченіе, ни отождествленіе не опредѣляютъ еще пастырской совѣсти по существу: одно, какъ понятие отрицательное, другое,—какъ формальное. Въ чемъ же реальность пастырской совѣсти. „Богъ свидѣтель, пишетъ ап. Павелъ филиппійцамъ, что я люблю васъ всѣхъ любовію Іисуса Христа“,—въ такой любви — сила самоограниченія, возможность отождествленія и сущность пастырской совѣсти. Пасомые заключены въ сердце пастыря, и это сердце бьется уже только для нихъ; оно страдаетъ ихъ муками и радуется ихъ радостями, живетъ, согрѣваетъ и раститъ ихъ своею теплотою, какъ кормилица своего питомца (I Тесс. II, 8). „Мы восхотѣли передать вамъ свои души“, говоритъ ап. Павелъ солунянамъ; „я отдаю свои силы, свою жизнь, говоритъ совѣсть пастыря, я несу всѣ свои скорби, заботы и радости, я складываю всѣ мечты свои въ одно пламенное стремленіе—вселить Христа въ сердца своихъ чадъ, расширить ихъ такъ, чтобы въ нихъ не было тѣсно“... И вліяніе любви не знаетъ предѣловъ своего могущества,—не одинъ Закхей прозрѣвалъ темною душею въ минуты любовнаго снисхожденія къ нему.—Конечно, любовь, если она активна и способна совершить перерожденіе, имѣетъ свой опредѣленный путь, путь снисхожденія и усвоенія совѣсти ближняго со всѣми ея немощами,

скорбями и тревогами. Этотъ путь любовь часто открываетъ сама, какъ естественный для нея, и тогда—нѣтъ такого за-таеннаго стога страданія, котораго не услышала бы пастырская совѣсть, и который не отозвался бы въ ней мучительнымъ воплемъ; нѣтъ движенія, которое прошло бы незамѣченнымъ, неощущеннымъ ею,—она чутка и отзывчива на всѣ движенія чужого сердца... Когда грѣшникъ блуждаетъ въ потемкахъ души, мучаясь ихъ безвыходностью, она умѣетъ сойти въ его мракъ и силой любви зажечь тамъ свѣтъ Христовъ, и сдѣлаетъ это она только потому, что сама перенеслась на время въ эти потемки и ощутила, какъ свой, тотъ ужасъ, который охватывалъ грѣшника; она сошла со свѣточемъ ею усвоеннаго Христа и имъ освѣтила темную душу. Когда предъ нею развертываются страданія жизни, она найдетъ утѣшеніе, чувствуя ихъ какъ свои; когда она соприкасается съ индифферентной, холодной душой, она воспламенитъ въ ней искру добра, такъ какъ переживая состояніе ея, она сумѣетъ найти эту искру тамъ, подъ наслоеніями міра, и силою любви разбить грѣховные покровы; когда предъ нею разыгрывается душевная драма борьбы съ искушеніями, она сумѣетъ войти въ нее союзникомъ добра и открыть путь къ побѣдѣ... Снисхожденіе пастыря не будетъ грубымъ прикосновеніемъ къ свѣжей ранѣ души,—сострадающая любовь сдѣлаетъ его такимъ же мягкимъ, облегчающимъ, хотя и не безъ страданій, какимъ бываетъ перевязка раны заботливой, нѣжной рукой. „Кто изнемогаетъ, спрашиваетъ Апостолъ, съ кѣмъ бы я не изнемогалъ? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся? (II Кор., II, 29). Я всѣмъ поработилъ себя, чтобы спасти хоть нѣкоторыхъ... Для всѣхъ я былъ всѣмъ“... Для пастыря нѣтъ нужды стремиться выработать изъ себя челоѣка податливаго, эластичнаго, легко приспособляющагося ко всякому положенію. Много, конечно, страданій выпадаетъ на долю пастырской совѣсти,—такъ много, какъ много любви въ ней и какъ много зла въ людяхъ, и самая любовь ея—любовь не только сострадающая, но и распинаемая, но и

страдающая подъ тяжестью грѣховъ своихъ чадъ. Это—чаша, о которой спрашивалъ Господь учениковъ своихъ, чаша, испитая Имъ, взявшимъ на себя людскія немощи (Мѳ. VIII, 17) и оставленная въ наслѣдіе своимъ преемникамъ-пастырямъ. „Я одинъ не могу нести народа сего, молился Моисей, умертви меня, если я достоинъ Твоей милости, чтобы мнѣ не видѣть моихъ страданій“ (Числ. 11, 14, 15),—къ такому состоянію великаго духомъ вождя евреевъ приближается часто и пастырская совѣсть. Апостолъ, наставляя ученика-пастыря, пишетъ ему: „соотражди благовѣствованію Христа“, — такъ необходимъ спутникъ пастырскаго служенія, какъ и всякаго добра — страданіе. Съ замѣчательной силой и потрясающей поэтичностью выразилось такое страданіе пастырскаго духа у пророка Іереміи: „Почто не убилъ мене, восклицаетъ онъ, въ ложеснахъ матере, и была бы мнѣ мати моя—гробъ мой и ложесна зачатія вѣчнаго... Вскую изыдохъ изъ ложеснъ, да вижду труды и болѣзни?.. (17—18). И рекохъ: не вспомяну имени Господня, ниже возглаголю къ тому во имя Его. И бысть въ сердцы моемъ, яко огонь горящъ, палящъ въ костѣхъ моихъ, и разслабѣхъ отвсюду и не могу носити (ст. 9 20 гл.)“. Такъ выражаетъ свои страданія великій пророкъ. Знаменательно, что въ нашей поэзіи мы находимъ сродные звуки, въ которыхъ вылилось то же скорбное убѣжденіе, очевидно имѣвшее жизненное основаніе, въ неразлучности добра и страданія, нравственно-просвѣтительнаго подвига и людской ненависти:

„Съ тѣхъ поръ, какъ вѣчный Судія
 Мнѣ далъ всевѣдѣнье пророка,
 Въ сердцахъ людей читаю я
 Страницы злобы и порока.
 Провозглашать я сталъ любви
 И правды чистыя ученье,—
 Въ меня всѣ ближніе мои
 Бросали бѣшено камня“...

Можно весьма удачно применить эти слова поэта къ дѣятельности пастыря, — и чтеніе сердець, и проповѣдь любви, и бѣшенная ненависть людей, — все это — черты пастырства, но существенная разница въ томъ, что лермонтовскій пророкъ „посыпалъ пепломъ главу и убѣждалъ въ пустыню“, а христіанскій пастырь среди страданій своего подвига носить „огнь горящъ“ „въ сердца своемъ“, онъ любитъ людей и не можетъ оставаться непоколебимымъ постороннимъ зрителемъ ихъ борьбы, паденій и возстаній; онъ не негодуетъ, но страдаетъ за нихъ и идетъ на свой плодотворный, свободный подвигъ не въ пустыню, а въ среду тѣхъ же, причиняющихъ ему страданіе, людей. И какими жалкими кажутся предъ этимъ пастиремъ, предъ его страданіемъ и любовью, тѣ со-работники его, которые подняли на себя пастырство и несутъ его не волею, но по нуждѣ, которыхъ привела къ нему инерція жизни и традиціи, которые такъ часто болѣзную только о своемъ спокойствіи. Слѣпые вожди, они не умѣли прозрѣть и въ моментъ благодатнаго просвѣщенія и лишній разъ доказали своею слѣпотой, что человекъ міра не можетъ идти на подвигъ любви, борьбы съ міромъ и страданія. — Но, хотя страданіе любви и является основнымъ тономъ пастырскаго настроенія, однако его нельзя представлять безпросвѣтной скорбью: въ любви и даже страдающей, въ сферѣ ея распространенія, въ ея стремленіяхъ и успѣхахъ лежитъ и источникъ высшей радости. Какой, на примѣръ, и радостной и скорбной вмѣстѣ любовью дышитъ обращеніе ап. Павла къ филиппійцамъ: „Братья мои, возлюбленные и возжелѣнные, радость и вѣнецъ мой, стойте въ Господѣ, возлюбленные (IV, 1)“... — такъ и дышитъ, такъ и чувствуется безграничная любовь Апостола; въ ней звучать, переплетаясь и сливаясь, и глубокое, сердечное страданіе, и тихая, свѣтлая радость, — вѣдь „братья“, въ которыхъ онъ жилъ своимъ сердцемъ, не ушли еще отъ зла міра, хотя и твердо шли ко Христу. „Женщина, говоритъ Спаситель, когда рождаетъ, терпитъ скорбь..., но когда родитъ младенца, уже не помнитъ

скорби отъ радости“ (Іоан., 16, 21); „дѣти мои, восклицаетъ Апостоль, для которыхъ я снова въ мукахъ рожденія, пока не изобразится въ васъ Христось (Гал. 4, 19)“; „для меня, утверждаетъ Іоаннъ, нѣтъ большей радости, какъ слышать, что дѣти мои ходятъ въ истинѣ (Ш, 4)“. „Тотъ увлекающій восторгъ, то забвеніе всего, кромѣ богопреданныхъ духовныхъ чадъ, та безконечная нѣжность, тотъ опасливый трепеть за души (Іоак. IV, 5), та неспособность на мигъ отдѣлиться душой отъ своей таинственной обручницы“,—вотъ характерныя черты пастырской радости.—Обобщая теперь сказанное о пастырской совѣсти по существу, мы охарактеризуемъ ее, какъ настроеніе любви, усвояющее себѣ разнообразныя состоянія пасомыхъ, и страдающее и утѣшающееся въ этомъ усвоеніи.

Ясно, что всѣ указанныя черты пастырской совѣсти могутъ имѣть мѣсто и свое значеніе только въ томъ случаѣ, когда пастырь не будетъ и „да“ и „нѣтъ“, но когда въ немъ будетъ безповоротное „да“ (2 Кор. 1, 19); когда онъ будетъ исповѣдникомъ своихъ вѣрованій, человѣкомъ идеи, твердымъ, непоколебимымъ, не знающимъ уступокъ и компромиссовъ, какъ не знаетъ ихъ судящая совѣсть. Въ немъ, въ его исповѣдническомъ духѣ, паства должна видѣть реализацію тѣхъ стремленій къ добру, относительно которыхъ такъ привыкли повторять люди: „суждены намъ благіе порывы, но свершить ничего не дано“; въ немъ должны находить свое подкрѣпленіе вѣра и надежда жизни. Изъ своего прихода онъ создастъ единый организмъ, питающійся и живущій тою же жизнью, какая переживается пастыремъ; для паствы онъ будетъ олицетвореніемъ судящей совѣсти и критеріемъ правды,—постояннымъ показателемъ несоотвѣтствія того, что есть, съ тѣмъ, что должно быть (въ нравствен. отношеніи); свѣчей, поставляемой на свѣщницѣ; молчаливымъ судьей и живымъ укоромъ; носителемъ правды — истины, изгнанной изъ большинства жизней; гостемъ нездѣшняго края, какой нуженъ для немощнаго, блуждающаго въ потѣмкахъ совѣсти, общества.—Конечно, такое положеніе пастыря обу-

словлено указанной нравственной наличностью пастырского духа: „пастырь вносить столько добра въ жизнь, сколько имѣть въ себѣ духовной жизни“. Это приводитъ насъ къ послѣдней чертѣ внутренней жизни пастыря, — постоянной работѣ надъ самимъ собою, надъ своимъ нравственнымъ состояніемъ. Если въ свое время лукавый рабъ могъ представить господину зарытый въ землю талантъ, не потерпѣвшій паденія своей цѣнности, то теперь это едвали возможно даже относительно капитала, который несомнѣнно теряетъ, если остается неподвижнымъ. Нравственная же наличность всегда обнаруживаетъ болѣе яркую тенденцію исчезновенія при неупражненіи. Совѣсть—не мертвый капиталъ, но живая сила, для которой нѣтъ состоянія неупотребленія и неподвижности; ей всегда представляется одна альтернатива—или движеніе впередъ,—совершенствованіе, или—назадъ, паденіе. И для пастыря, слѣдовательно, необходимо постоянное напряженіе духовныхъ силъ, неутомимое бодрствованіе и внутренняя работа въ цѣляхъ движенія впередъ. Въ своихъ посланіяхъ къ Тимоѳею, апостоль Павелъ подчеркиваетъ необходимость аскетическаго направленія личной жизни. „Упражняй себя въ благочестіи, пишетъ онъ (I, 4, 7), занимайся чтеніемъ (13), вникай въ себя и въ ученіе, занимайся симъ постоянно, ибо, такъ поступая, и себя спасешь, и слушающихъ тебя (16). Напоминаю тебѣ возгрѣвать даръ Божій, данный чрезъ мое рукоположеніе (II, 1, 6). Итакъ, укрѣпляйся, сынъ мой, въ благодати Христомъ Іисусомъ (2, 1)“. — Такимъ образомъ, послѣдними чертами пастырской совѣсти является исповѣдническая твердость и постоянное внутрѣдѣланіе.

Н. Озерецковскій.

Изъ записокъ приходскаго священника.

Тяжела и многосложна миссія приходскаго священника... Не мало нужно приложить труда и самопожертвованія для того, чтобы всѣ обязанности свои пастырь могъ выполнить аккуратно и неопустительно. Не говоря уже о случаяхъ приходской жизни, выходящихъ изъ ряда вонъ, какъ наприм. повѣтрія (эпидемическія болѣзни), засухи, неурожаи и голодъ, когда пастырю въ полномъ смыслѣ этого слова нужно бываетъ „положить душу свою за други своя“ и въ обыкновенное время сколько представляется случаевъ къ тому, чтобы трудъ пастыря былъ сопряженъ съ лишеніями и самопожертвованіемъ...

...Поздняя осень. Льетъ ливня дождь почти цѣлую недѣлю. По деревнямъ и селамъ стоитъ грязь невылазная. Приходитъ прихожанинъ и заявляетъ, что нужно похоронить жену. Отказа быть не можетъ; идешь, слепая по колѣно въ грязи, хоронить, возвращается домой весь измученный, промокшій, усталый. Не успѣлъ переодѣться, переѣмнить кое-что изъ одежды,—новое требованіе: нужно напутствовать умирающаго и при томъ неотложно, такъ какъ больной очень ненадеженъ. Ѣдешь. На дорогѣ захватываетъ ночь, темная такая, что ни зги не видать, того и гляди, что опрокинешься и искалчишь себя.

Но ничего, съѣздивъ благополучно, опять нужно переодѣться, согрѣться, напившись чайку, а тамъ пора бы уставшимъ костямъ и на покой. Творишь вечернюю молитву и въ пріятномъ сознаніи исполненнаго долга, располагаешься на покой.

Скоро смыкаются уставшія вѣжды и засыпаешь крѣпкимъ бодрящимъ сномъ. Но не на долго. Раздается стукъ въ дверь, будятъ и просятъ поскорѣе окрестить больного ребенка. Дѣлать нечего, поспѣшно встаешь и исполняешь свой долгъ. Уже далеко за полночь. Послѣ столь тревожно проведеннаго дня и начала ночи какой уже можетъ быть сонъ?.. Вплоть

до утра маешься для того, чтобы снова приняться за трудъ,— весь разбитый, съ разстроенными нервами.

Съ разсвѣтомъ встаешь и, сотворивъ утреннее правило, да выпивъ стаканъ чаю, спѣшишь въ школу на молитву. Послѣ молитвы даешь уроки по Закону Божию. Здѣсь иногда только и отведешь душу, среди молодыхъ, ничѣмъ не озабоченныхъ жизней, радуясь успѣхамъ подростающаго поколѣнія и утѣшая себя сознаниемъ, что труды твои не пропадаютъ даромъ.

Таковъ въ большинствѣ случаевъ бываетъ трудовой день приходскаго священника. Тяжелы обязанности его, больно тяжелы, такъ какъ не только день, но и ночь, предназначенная обыкновеннымъ смертнымъ для отдыха, не можетъ быть предоставлена въ распоряженіе приходскаго священника и каждый часъ, даже каждую минуту могутъ потребовать его для исполненія той или другой требы. Помимо прямыхъ и непосредственныхъ обязанностей, каждому пастырю приходится исполнять массу побочныхъ, соприкосновенныхъ съ его служебнымъ положеніемъ, требованій, предъявляемыхъ къ нему и правительствомъ и современнымъ обществомъ.

Совершается, наприимѣръ, какая нибудь важная государственная реформа. Простому человѣку, привыкшему къ вѣковому порядку вещей и нисколько не подготовленному къ извѣстному нововведенію, въ высшей степени трудно отрѣшиться отъ традиціоннаго взгляда на вещь. Между тѣмъ священнику присылается манифестъ о немедленномъ объявленіи извѣстной реформы въ церкви. Священникъ читаетъ манифестъ, но простой человѣкъ не можетъ ориентироваться въ его содержаніи и часто придаетъ словамъ манифеста такое толкованіе, о которомъ никому и въ умъ не приходило. Приходскій пастырь, ревнующій о благѣ своихъ пасомыхъ, долженъ приложить не мало труда и энергіи для выясненія истиннаго смысла манифеста.

Священникъ также долженъ по первому требованію удовлетворять предписаніямъ разнаго рода правительственныхъ учреждений. А для этого каждый священникъ непременно долженъ

быть статистикомъ, этнографомъ, топографомъ, метеорологомъ, историографомъ, археологомъ и др. Такъ, на примѣръ, ежегодно каждый священникъ долженъ представлять статистическія свѣдѣнія о числѣ родившихся, брачующихся и умершихъ. Ежемѣсячно онъ обязанъ, подъ опасеніемъ штрафа, сообщать мѣстной полиціи свѣдѣнія о родившихся и умершихъ отъ заразительныхъ болѣзней. Затѣмъ разновременно отъ него могутъ потребовать свѣдѣнія о направленіи вѣтровъ, средней температуры зимы и лѣта, количества выпадающей влаги и пр.... Устраивается ли гдѣ нибудь музей, священникамъ рассылаются циркуляры о доставленіи необходимыхъ вещей и предметовъ исторической старины.

Въ настоящее время особое вниманіе высшаго духовнаго управленія обращено на церковно-приходскія школы. Высочайше утвержденнымъ „положеніемъ о церковно-приходскихъ школахъ“, главная обязанность какъ организаціи, такъ и веденія учебно-воспитательнаго дѣла въ этихъ школахъ возложена на духовенство. Какъ извѣстно, средствъ и пригодныхъ учителей для этого дѣла нѣтъ, и священникъ долженъ или же изыскивать мѣстныя средства, или же открыть ее на свои средства, а за отсутствіемъ пригоднаго учителя, онъ долженъ быть попечителемъ, распорядителемъ, законоучителемъ и учителемъ школы.

Но и этого всего мало. То общество, среди котораго приходится вращаться приходскому пастырю, предъявляетъ ему самыя разнообразныя и зачастую противорѣчивыя требованія, а между тѣмъ игнорировать ихъ священникъ не только не можетъ, но даже въ извѣстной степени долженъ приноравливаться къ нимъ.

Такъ, чтобы быть популярнымъ въ сельскомъ приходѣ и заслужить расположеніе своихъ прихожанъ, необходимо приноравливаться къ условіямъ мѣста и времени, вызываемымъ бытомъ сѣраго люда. Простой человѣкъ, на примѣръ, привыкъ вставать очень рано. Поэтому, желая заслужить любовь и

расположеніе своихъ деревенскихъ прихожанъ, священникъ долженъ служить пораньше. Но часто случается, что въ томъ же приходѣ проживаютъ лица изъ такъ называемаго интеллигентнаго класса. Подобныя лица зачастую любятъ вести жизнь „барскую“, а потому привыкли вставать поздно. И вотъ отъ этихъ прихожанъ могутъ поступать къ священнику заявленія, что они при всемъ своемъ желаніи не могутъ посѣщать храмъ Божій вслѣдствіе слишкомъ ранняго совершенія богослуженія. Выходить, что священнику нужно ухищряться избирать для совершенія богослуженія золотую середину—служить не слишкомъ рано и не поздно.

Народъ любитъ, чтобы священникъ имѣлъ съ нимъ полнѣйшее общеніе, чтобы онъ былъ чуждъ излишняго чванства, гордости и стоялъ какъ можно ближе къ нему. А для этого пастырь не долженъ жить жизнію замкнутою, а напротивъ доступъ къ нему для прихожанъ долженъ быть открытъ во всякое время. Священникъ не долженъ сердиться, если прихожанинъ прійдетъ посоветоваться съ нимъ по какому либо дѣлу и долженъ терпѣливо выслушать его, хотя бы и не располагалъ для этого свободнымъ временемъ. Если же пастырь подъ благовиднымъ предлогомъ уклонится отъ собесѣдованія съ нимъ, то легко можетъ заслужить эпитетъ „попа гордаго и необщительнаго“. Для поддержанія же общительности и доступности священникъ не долженъ отказываться отъ приглашенія раздѣлить въ домѣ прихожанина трапезу, гдѣ можетъ вести душеполезныя разговоры, избѣгая излишества въ пищѣ и питьѣ.

Прихожане повздорили между собою. На судъ и правду они отправляются къ священнику. Послѣдній долженъ всегда принять ихъ и по возможности примирить враждующихъ. Нерѣдко случается, что ему нѣтъ и одной минуты свободнаго времени, тѣмъ не менѣе онъ долженъ въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ возиться надъ рѣшеніемъ вопроса: кто правъ, кто виноватъ и быть умиротворителемъ враждующихъ...

И въ этомъ родѣ приходскому священнику предъявляется масса требованій...

Словомъ, нѣтъ въ мірѣ ни одного учрежденія, не говоря уже лица, къ которому бы предъявлялось столько всевозможныхъ требованій, и на которомъ лежало бы столько обязанностей, какъ на каждомъ пастырѣ. Но какъ ни трудны и многосложны обязанности пастыря, исполненіе ихъ имѣетъ много отраднaго. Сладко, очень сладко бываетъ на душѣ при сознаніи исполненнаго долга, — одно только удручаетъ тружениковъ-пастырей, — это забота о завтрашнемъ днѣ, жалкое нищенское существованіе и необеспеченность семьи. Удручаетъ духовенство наше сознаніе, что для своего существованія приходится побираться Христовымъ именемъ и протягивать руку за подаваніемъ. Какое тяжелое и безотрадное положеніе!.. И эта необеспеченность приходскаго духовенства тѣмъ тяжелѣе переносится, что и паства проникнута сознаніемъ всей матеріальной необеспеченности и зависимости пастырей отъ пасомыхъ. Благодаря этому, каждый шагъ, каждое благое намѣреніе и дѣйствіе пастыря истолковывается непременно въ дурную сторону излюбленнаго вымогательства. Уже одна поговорка, что „попы деруть и съ живого и съ мертваго“ — это такое пятно, которое слѣдовало бы смыть, изъяснивъ обезпеченіе духовенства изъ круга обязанностей прихожанъ, такъ какъ это ведетъ къ весьма дурнымъ не желательнымъ послѣдствіямъ.

Настоящія строки написаны подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ пережитаго и основаны на одномъ изъ многихъ подобнаго рода фактовъ.

Приходитъ къ священнику желающій вступить въ бракъ, не имѣя никакихъ документовъ, приходитъ разъ, — другой, третій и каждый разъ ему приходится объяснять, что безъ предбрачнаго свидѣтельства онъ не можетъ быть повѣнчанъ. Но брачущійся, вмѣсто хлопотъ о доставкѣ необходимаго документа, прежде всего пускается на сдѣлку, что онъ запла-

тить священнику дороже, лишь бы его повѣнчали безъ требуемаго документа. А когда это ни къ чему ни привело, онъ, уходя изъ дома священника, сказалъ:

— Какъ жаль, что я человѣкъ бѣдный, и не могу дать столько денегъ, чтобы „попъ“ повѣнчалъ меня, а теперь придется еще ходить за тридевять земель за документами.

Развѣ онъ могъ бы бросить подобнаго рода обвиненіе въ томъ случаѣ, если бы священникъ, получая опредѣленное вознагражденіе за совершеніе обязательныхъ требъ отъ казны, долженъ былъ бы повѣнчать его даромъ?

И вотъ что обиднѣе всего! Всѣ сознаютъ, что духовенство великая сила въ государствѣ, что весьма важны заслуги его въ прошломъ и кто знаетъ—сколько еще придется обращаться къ нему за содѣйствіемъ въ будущемъ, а между тѣмъ обезпеченіе этой могучей силы почему-то все откладывается и откладывается. На все хватаетъ средствъ въ государственномъ казначействѣ, нѣтъ только ихъ на улучшеніе быта приходскаго духовенства. А если бы, наконецъ, оно было обезпечено опредѣленными средствами, какъ тогда было бы у cadaго пастыря легко и свѣтло на душѣ. Всѣ невзгоды и тревоженія житейской суеты были бы забыты, всѣ заботы о завтрашнемъ днѣ были бы отодвинуты на задній планъ, а всѣ силы и способности свои каждый труженникъ на нивѣ Господней всецѣло могъ бы посвятить во благо церкви и русскаго народа.

Будемъ уповать на то, что слова Всемиловѣйшаго Манифеста отъ 26 сего феврала, возвѣщающаго: *„продолжать дѣятельное проведеніе въ жизнь мѣропріятій, направленныхъ къ улучшенію имущественнаго положенія православнаго сельскаго духовенства“*, будутъ въ близкомъ будущемъ приведены въ исполненіе и многимъ труждающимся и обремененнымъ вздохнется свободнѣе и много благодарныхъ сердець откликнется на это новое благое дѣяніе Возлюбленнаго Монарха

Нашего съ пожеланіемъ здоровія, благоденствія и долгоденствія Государю нашему на многіе и многіе годы!...

Свящ. С. Брояжовскій.

Сиротская десятина.

„Въ Смол. Еп. Вѣд.“ подь этимъ заглавіемъ помѣщенъ проектъ, какъ можно оказать вдовамъ и сиротамъ духовенства существенную помощь.

Въ каждомъ селѣ слѣдуетъ выдѣлить изъ церковной земли десятину для вдовъ и сиротъ полосками ли въ каждомъ причтовомъ полѣ, или особнякомъ, гдѣ какъ удобно. Средствами мѣстнаго попечительства на выдѣленной землѣ устроить небольшой домикъ, въ который вдова, лишившись своего мужа, и должна перейти, продавъ свой домъ, по оцѣнкѣ его благочиннымъ или членами благочинническаго совѣта, члену причта, вновь поступившему на мѣсто ея мужа, конечно, при взаимномъ соглашеніи, такъ чтобы не было обидно ни вдовѣ, ни поступившему.

Сиротская десятина съ домикомъ должна выдѣляться и устроиться и въ такомъ селѣ, гдѣ нѣтъ вдовъ и сиротъ. Аренда съ этой земли и домика, пока не будетъ вдовы и сиротъ, должна идти въ попечительство о бѣдныхъ духовнаго званія.

При такого рода помощи вдовы духовенства не теряютъ того, что для нихъ дорого. А дорого для нихъ то, чѣмъ они жили десятки лѣтъ. Дорогъ родной храмъ, дороги могилки родныхъ; дорожатъ вдовы и своими прихожанами-крестьянами, которыхъ они хорошо знаютъ и которые никогда не прочь оказать имъ посильную помощь.

Главнымъ же образомъ, вѣрится, что этой мѣрой можно устранить тѣ печальныя, непріятныя отношенія, которыя иногда возникаютъ у вновь поступившаго священника со вдовами.

Поступаетъ молодой священникъ. Около церкви въ своемъ селѣ онъ находитъ домъ вдовы своего предшественника, ко-

торый въ большинствѣ случаевъ онъ не можетъ купить, такъ какъ вдовѣ „некуда дѣться“. Долго мается поступившій, устраиваясь гдѣ-нибудь въ концѣ усадьбы, или втискиваясь въ середину наличныхъ построекъ духовенства и стѣсня ихъ и себя.

Сколько на этой почвѣ, что „некуда дѣться“ священнику, а также и вдовѣ, возникаетъ недоразумѣній, доходящихъ иногда до жалобъ благочинному. Для священника создается совсѣмъ безвыходное положеніе. Приходится временно селиться за версгу и далѣе отъ церкви, а не то, не найдя квартиры, онъ совсѣмъ уходитъ изъ села, и прихожане остаются нѣсколько мѣсяцевъ безъ священника. А вдовѣ трудно бываетъ поддерживать оставшуюся отъ мужа большую постройку.

А между тѣмъ, развѣ не естественно священнику желать жить вблизи храма, въ который ему приходится ходить и днемъ и ночью, и развѣ хуже будетъ вдовамъ и сиротамъ, когда онѣ перейдутъ въ сиротскіе домики, продавъ свои постройки вновь поступившему члену причта, за которымъ ихъ добро, во всякомъ случаѣ, не пропадетъ. При такомъ порядкѣ устраняется часто безвыходное положеніе членовъ наличнаго причта и улучшается положеніе вдовъ.

Можетъ быть, трудно будетъ разставаться съ своимъ домомъ только тѣмъ вдовамъ, которыя не будутъ имѣть нужды, или заштатнымъ членамъ причта, которые въ этомъ отношеніи тоже должны быть на положеніи вдовъ,—и также разставаться съ своими насиженными мѣстами,—но должны же они примириться съ этимъ, ибо эта уступка необходима для служащихъ, а слѣдовательно и для церкви.

Сиротскіе домики, можно надѣяться, будутъ благоустроены, такъ какъ у священниковъ будутъ сильныя побужденія заботиться о нихъ: долго ли, или нѣтъ, а имъ или ихъ семьямъ придется переселиться въ нихъ и доживать въ нихъ дни, а усадебка при нихъ и полевая земля значительно скрасятъ вдовью и сиротскую долю.

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Д. Семинаріи, Архимандритъ Θεодосій.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 20 мая 1903 г.

Предсѣдатель Комитета, проф. Академіи, прот. *І. Корольковъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLIV.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 21.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1903 года, мая 25-го.

Содержаніе: Нѣсколько словъ о русскомъ паломничествѣ.—Мѣры и сред-
ства вліянія духовенства на нравственную и общественную жизнь
народа (продолженіе).—Изъ записокъ приходскаго священника (про-
долженіе).—Наблюденія и замѣтки сельскаго священника.

Нѣсколько словъ о русскомъ паломничествѣ.

Одна изъ отличительныхъ чертъ русскаго простаго на-
рода—любовь къ паломничеству. Съ наступленіемъ весны со
всѣхъ концовъ Россіи начинается оживленное движеніе то
небольшихъ, то довольно значительныхъ группъ богомольцевъ-
паломниковъ къ центрамъ русской религіозной жизни, доро-
гимъ русскому человѣку нетлѣнными моцями святыхъ угод-
никовъ Божіихъ и молитвенниковъ земли русской, а также
славными историческими и религіозными воспоминаніями.
Ежегодно сотни тысячъ русскихъ простыхъ, но искреннихъ
въ своей вѣрѣ богомольцевъ наполняютъ дорогія для русскаго
сердца лавры—Кіево-Печерскую, Троицко-Сергіеву и Почаев-
скую. Претерпѣвая всѣ невзгоды далекаго путешествія, идутъ
эти люди, томимые духовной жаждой, неудержимо влекомые

порывами своего вѣрующаго сердца, къ ракамъ святыхъ угодниковъ; сюда приносятъ они свою молитвенную благодарность за свои удачи и радости, тутъ изливаютъ они свои скорби и печали.

Никто не станетъ отрицать глубокаго значенія русскаго паломничества. Въ обителяхъ у ракъ святыхъ угодниковъ, оживляется и углубляется вѣра русскаго народа, здѣсь она черпаетъ источникъ чистыхъ и дорогихъ воспоминаній, съ восторгомъ передаваемыхъ изъ рода въ родъ. Не менѣе важно и патріотическое значеніе паломничества. Пришедшіе изъ самыхъ отдаленныхъ и противоположныхъ концовъ Руси русскіе паломники-богомольцы у ракъ святыхъ живо чувствуютъ свое народное единство, единство чувствъ и вѣры; рассказы о святыхъ и славныхъ своимъ историческимъ прошлымъ мѣстахъ Руси оживляютъ предъ умственнымъ взоромъ ихъ цѣлыя страницы славнаго или печальнаго прошлаго русской исторіи,— и эти воспоминанія согрѣваютъ русскія сердца теплою любовью къ обогрѣнной кровью прѣдковъ и къ освященной жизни и дѣлами святыхъ матушкѣ-Россіи. Лавры — Кіево-Печерская, Троицко-Сергіева — да вѣдь это живыя страницы русской исторіи, неизгладимо начертанныя трудами и кровію нашихъ прѣдковъ, непонятныя развѣ только иноземцу! Есть скептики, готовые во всемъ русскомъ видѣть дурное, объясняющіе потому и самое русское паломничество яко-бы склонностію русскихъ людей къ бродяжничеству. Пусть эти скептики пойдутъ во святыя лавры, пусть они присмотрятся къ одухотвореннымъ вѣрою и любовію лицамъ паломниковъ-богомольцевъ, пусть прислушаются къ ихъ разговорамъ, разубѣдятъ о терпѣливо переносимыхъ ими невзгодахъ, — и они откажутся отъ своего неправильнаго взгляда на русское паломничество. Они убѣдятся, что не инстинктъ бродяжничества, а святая вѣра и духовная жажда приводятъ этихъ людей за тысячи верстъ къ излюбленнымъ народомъ и дорогимъ ему святымъ мѣстамъ.

Нужно лишь позаботиться о томъ, чтобы паломничество русскаго простаго народа приносило ему какъ можно больше пользы и удовлетворяло той духовной жадбѣ, какою онъ влечется къ святымъ мѣстамъ. Католики, напр., давно сознали пользу паломничества и принимаютъ всѣ средства къ тому, чтобы паломничество служило къ возбужденію и оживленію религіознаго чувства и одушевленія. Мы уже не говоримъ о паломничествахъ въ Римъ, къ которымъ располагаютъ и побуждаютъ католическіе священники и готовятъ къ нимъ христіанъ. Въ Римѣ папа является предъ паломниками во всемъ блескѣ своего первосвященства, а богослуженіе совершается во всей пышности римскаго ритуала. И у насъ въ Россіи въ мѣстахъ, священныхъ для католиковъ, католическими священниками принимаются всѣ мѣры къ тому, чтобы паломники уходили оттуда, на долгое время запасшись религіознымъ одушевленіемъ. Въ Ченстоховѣ, напр., поклонниковъ встрѣчаютъ руководители и ксендзы; послѣдніе произносятъ предъ ними одушевленные рѣчи и проповѣди, руководятъ паломниками и проч.

Между тѣмъ русскіе паломники предоставлены почти всецѣло самимъ себѣ и часто оказываются въ довольно неприглядномъ положеніи. Прійдя изъ-за тысячи верстъ къ мѣстамъ, гдѣ покоятся мощи святыхъ, гдѣ находятся святыни и историческіе памятники, паломники часто находятся въ полномъ невѣдѣніи, куда направиться, какимъ святынямъ поклониться, какіе историческіе памятники осмотрѣть. Ихъ руководителемъ дѣлается каждый встрѣчный, и они идутъ туда, куда онъ укажетъ. Хорошо, если между паломниками найдется „бывалый“ человекъ, не въ первый разъ посѣщающій святыя мѣста,—тогда, подъ руководствомъ такого человека, паломники, по крайней мѣрѣ, посѣтятъ тѣ святыни, какимъ они пришли поклониться. Но бываютъ случаи, напр., въ Кіевѣ, что паломники-богомольцы почти все время своего пребыванія проводятъ около какой-либо мѣстной церкви и вовсе не посѣщаютъ тѣхъ святынь, какимъ они пришли поклониться.

Если же, въ лучшемъ случаѣ, паломникамъ и удастся поклониться святынямъ и осмотрѣть историческіе памятники той или другой мѣстности, то все же изъ этого поклоненія и осмотра они выносятъ значительно меньше пользы, чѣмъ должно, и получаютъ весьма смутное впечатлѣніе. Часто намъ приходилось съ грустью слышать въ толпѣ богомольцевъ самыя невѣроятныя объясненія тѣхъ или другихъ историческихъ памятниковъ, даваемые *случайными* руководителями паломниковъ. Конечно, историческаго знанія отъ такихъ руководителей невозможно требовать, недостатокъ его восполняется съ избыткомъ фантазіей и самымъ беззастѣнчивымъ вымысломъ. Какая же польза можетъ быть отъ такихъ объясненій? Грустно думать, что сотни тысячъ паломниковъ безъ всякой для себя пользы, въ полномъ непониманіи проходятъ мимо живыхъ и глубоко-поучительныхъ страницъ русской исторіи. А русскія святыни: сколько должны онѣ говорить не только сердцу, но и уму русскаго человѣка; а между тѣмъ этотъ русскій человѣкъ, за тысячи верстъ пришедшій поклониться дорогимъ ему святынямъ, уходитъ отъ нихъ лишь съ согрѣтымъ вѣрующимъ сердцемъ, но большею частью безъ знанія даже того, чѣмъ славны эти святыни, когда и какъ жили тѣ святыя, ракамъ которыхъ онъ поклонялся. Никто не даетъ паломникамъ-богомольцамъ необходимыхъ объясненій или даются объясненія слишкомъ краткія и неудовлетворительныя.

Необходимо прийти на помощь нашимъ паломникамъ изъ простаго народа, необходимо позаботиться о томъ, чтобы паломничество дѣйствительно приносило ту пользу русскому народу, какую оно можетъ приносить, если будетъ удовлетворять потребностямъ вѣрующаго сердца и запросамъ ума любознательнаго простолюдина. Кое-что въ этомъ отношеніи могутъ сдѣлать священники тѣхъ мѣстностей, откуда паломники направляются въ путь. Для этой цѣли значительную пользу могло бы принести предварительное подготовленіе священниками прихожанъ, отправляющихся въ далекій и малоизвѣстный или и совсѣмъ неизвѣстный путь. Весьма желательно,

чтобы приходскій священникъ ежегодно весною предъ началомъ паломничества въ церкви знакомилъ въ общедоступныхъ бесѣдахъ желающихъ изъ своихъ прихожанъ съ главными религіозными центрами, куда преимущественно направляется русское паломничество, съ святынями и памятниками, какіе тамъ находятся. Руководствомъ для самаго священника можетъ служить или личное знакомство съ мѣстами, посѣщаемыми паломниками, или существующія описанія русскихъ святынь. При этомъ не лишнимъ было бы указывать и наиболѣе удобное направленіе путешествія, указать на предстояція богомольцамъ трудности и на средства уменьшить ихъ и проч.; особенно же предупреждать паломниковъ отъ довѣрчивости встрѣчнымъ людямъ и различнымъ „темнымъ личностямъ“, которыя, по свидѣтельству очевидцевъ, часто или на пути, или въ мѣстахъ поклоненія пристають къ паломникамъ-протестадамъ, „начинаютъ заговаривать съ паломниками противъ религіи и монастырей, или же стараются обмануть паломниковъ, продавая имъ разныя ничего не стоящія бездѣлушки за чисто золотыя или серебряныя“ (Холмско-Варш. Вѣстн. 1903 г., № 8). Не мѣшаетъ при этомъ понуто коснуться и предметовъ суевѣрнаго почитанія паломниковъ, которые у разныхъ эксплуататоровъ часто покупаютъ ничего не стоящія вещи за священныя и полезныя въ случаѣ нездоровья, несчастья и проч. Но, разумѣется, преимущественное вниманіе въ дѣлѣ помощи паломникамъ и руководства ими должно быть обращено тамъ, куда стекаются массы богомольцевъ. Здѣсь непремѣнно должны быть особые руководители паломниковъ, на обязанности которыхъ лежало бы не только указывать святыни и историческіе памятники, но и давать обстоятельныя объясненія. Такія объясненія могли бы быть превосходнымъ образовательнымъ и воспитательнымъ средствомъ для нашего простого народа. Мы не беремъ указывать, на чьей обязанности лежитъ это дѣло, но полагаемъ, что въ данномъ случаѣ могли бы прійти на помощь паломникамъ-богомольцамъ частью монахи тѣхъ монастырей и свя-

щенники тѣхъ церквей, гдѣ покоятся святыни, частью члены „религіозно-просвѣтительныхъ обществъ“, если таковыя существуютъ въ тѣхъ мѣстахъ, куда стекаются богомольцы. Грамотнымъ паломникамъ не мѣшало бы раздавать хорошо и обстоятельно составленныя брошюры съ описаніемъ святынь и назидательными рассказами. Умъ и сердце паломника-богомольца особенно воспримчивы къ назиданію, особенно жаждутъ духовной пищи—и грѣхъ отказать ему въ этой пищѣ. Намъ приходилось неоднократно наблюдать, съ какимъ глубокимъ вниманіемъ отдѣльныя группы паломниковъ слушали чтеніе какого-либо листка назидательнаго содержанія, если такой листокъ случайно попадалъ въ руки грамотѣя изъ паломниковъ. Превосходнѣйшимъ образцомъ такихъ брошюрокъ или листковъ могутъ служить „Троицко - Сергіевы Листки“. Желательно также, чтобы въ тѣхъ церквахъ, куда стекаются паломники, чаще раздавалось живое и убѣдительное слово проповѣди. Повторяемъ, никогда сердце крестьянина-паломника, да и всякаго богомольца не бываетъ столь воспримчивымъ, какъ тогда, когда онъ стоитъ у ракъ святыхъ, когда отрѣшенный отъ всякихъ житейскихъ заботъ, всецѣло живетъ интересами духовной жизни.

Дайте же русскому богомольцу - паломнику духовную пищу, кто можетъ и долженъ!

Одинъ изъ паломниковъ.

¹⁾ См. № 20 за 1903 годъ.

Мѣры и средства вліянія духовенства на нравственную и общественную жизнь народа ¹⁾.

Подъему народной нравственности духовенство можетъ содѣйствовать усиленіемъ церковной дисциплины и образованіемъ среди прихожанъ религіозно-нравственныхъ союзовъ.

Вопросъ о церковной дисциплинѣ въ настоящее время вопросъ новый, или вѣрнѣе забытый и нынѣ возобновляемый.

¹⁾ См. № 20 за 1903 годъ.

Подъ именемъ церковной дисциплины (въ узкомъ смыслѣ этого слова) нужно разумѣть тѣ мѣры и средства дисциплинарнаго характера, какими можетъ поддерживаться нравственность въ средѣ православныхъ христіанъ. Основаніе церковной дисциплины положено было самимъ Господомъ Іисусомъ Христомъ въ дарованномъ Имъ апостоламъ правѣ вязать и рѣшить (Мѣ. XVIII, 18), а характерный случай ея примѣненія можно видѣть въ отлученіи коринѣскаго кровосмѣсника, преданнаго сатанѣ во изможденіе плоти, да духъ спасется (1 Кор. V, 5). Необходимость церковной дисциплины вытекаетъ изъ самаго понятія Церкви, какъ богоучрежденнаго союза людей, призваннаго содѣйствовать каждому отдѣльному члену въ его стремленіи ко спасенію. Какъ во всякомъ союзѣ людей, въ ней могутъ быть не только достойные члены, но и члены грѣшныя, требующіе особыхъ мѣръ вразумленія. Дисциплинарная власть Церкви въ первые вѣка христіанства была свято сохраняема пастырями Церкви, измѣняясь соотвѣтственно духу и запросу времени, нравственному состоянію пасомыхъ. Съ теченіемъ времени церковная дисциплина стала все болѣе падать, при чемъ на Западѣ она пала въ томъ отношеніи, что приняла внѣшній принудительный характеръ, сдѣлалась орудіемъ для достиженія честолюбивыхъ папскихъ притязаній. Въ нашемъ обществѣ и народѣ настоящихъ дней понятіе о дисциплинарной власти Церкви почти совершенно изгладилось: всего лучше это доказываетъ то впечатлѣніе на общество, какое произвело отлученіе графа Толстого отъ Церкви. Не говоря уже о тѣхъ глумленіяхъ, какія вызвало посланіе Св. Синода среди лицъ враждебныхъ Церкви, даже среди нѣкоторыхъ вполнѣ православныхъ людей оно породило какъ-бы нѣкоторое недоумѣніе и недовольство, объясняемое несомнѣнно тѣмъ, что въ обществѣ совершенно почти забыто и изгладилось понятіе о дисциплинарной власти Церкви. Въ дисциплинарныхъ мѣрахъ заключается важное средство, могущее помочь пастырю Церкви пасти ввѣренное ему стадо и „если не всегда и не всѣ изъ

этихъ средствъ употребляются, то виною этому не народъ, не паства, а пастырская беспечность или бездѣйствіе власти“¹⁾. Въ настоящее время дисциплинарныя церковныя мѣры употребляются въ самыхъ слабыхъ размѣрахъ: между тѣмъ „власть вязать и рѣшать осталась у пастыря неотъемлемою и онъ, какъ поставленный Церковію правитель духовнаго стада и блюститель чистоты вѣреннаго ему паствы, призванъ пользоваться ею и въ силу ея можетъ налагать запрещеніе на тѣхъ изъ пасомыхъ, которые оказываются виновными предъ Богомъ и Церковію“²⁾. Дисциплина въ Церкви христіанской не могла быть и не была на всемъ пространствѣ церковной исторіи совершенно неподвижною безъ количественныхъ и безъ качественныхъ измѣненій, какъ нѣчто однажды навсегда данное для храненія въ одномъ и томъ же видѣ и объемѣ: въ числѣ ея постоянныхъ свойствъ было то, что не иначе можно назвать, какъ ея развитіе³⁾. Церковная дисциплина не есть нѣчто неизмѣнное: она можетъ усовершенствоваться соотвѣтственно временнымъ условіямъ, нравственнымъ особенностямъ жизни пасомыхъ, поэтому и трудно указать такія мѣры, которыя могли бы быть всегда во всѣхъ случаяхъ одинаково пригодными: мѣры могутъ быть положительнаго характера: назначеніе согрѣшающимъ въ качествѣ эпитиміи усиленной молитвы и поста, посѣщенія богослуженія, усиленной благотворительности,—такъ и отрицательнаго: лишеніе церковныхъ благословеній и благотвореній, отлученіе отъ причастія. Если когда, то въ наше время вопросъ о церковной дисциплинѣ требуетъ особаго вниманія, по причинѣ упадка вѣры и нравственности: поднятіе и усиленіе ея дѣло настоятельной необходимости, но дѣло это вмѣстѣ съ тѣмъ требуетъ и особой осторожности, такъ какъ въ настоящее время нѣтъ той сы-

¹⁾ О значеніи церковной дисциплины въ народной жизни. Священникъ І. Фудель. Миссіонер. Обзор. 1900 г., 31 стр.

²⁾ Служеніе священника въ качествѣ духовн. рук. В. Пѣвницкій 101.

³⁾ Вопросы объ измѣняемости церковной дисциплины. В. Кириарисова. Богословскій вѣстникъ 1897 г., Іюль.

новней покорности Церкви, какая была въ первенствующей Церкви: вопросъ о церковной дисциплинѣ требуетъ какъ теоретическаго обсужденія, такъ какъ литература по этому вопросу далеко не исчерпываетъ вопроса въ его историческомъ развитіи,—такъ особенно практическаго. Жизненно практическій вопросъ могутъ рѣшить только тѣ, кто уже поработалъ на нивѣ Христовой, знаетъ сердце и жизнь современнаго человѣка, пользовался дисциплинарными мѣрами въ своей пастырской практикѣ. Вопросъ требуетъ болѣе широкой постановки, чѣмъ какъ его иногда ставятъ. Церковную дисциплину нѣкоторые (свящ. Фудель) рассматриваютъ въ примѣненіи къ народной жизни въ виду нравственнаго кризиса, переживаемаго деревней; между тѣмъ и городъ или интеллигенція переживаетъ тоже нравственный кризисъ, посерьезнѣе, чѣмъ простой народъ: возрожденіе церковной дисциплины здѣсь не менѣе желательно, чѣмъ въ деревнѣ среди простого народа.

„Какъ бы ни былъ усерденъ пастырь въ дѣлѣ исправленія порочныхъ, какою бы ни обладалъ опытностію въ умѣннѣ дѣйствовать на нихъ, единичными силами онъ не можетъ дѣлать все то, что здѣсь требуется и можетъ быть полезно. Нужно прилекать къ содѣйствію въ достиженіи добрыхъ цѣлей, преслѣдуемыхъ пастыремъ, близкія общественныя силы и при ихъ посредствѣ стараться останавливать разливъ зла нравственнаго, губящаго слабыхъ, и поднимать изъ тины грѣховной погрязающихъ въ ней“ ¹⁾. Было бы слишкомъ одностороннимъ думать, что только одно духовенство призвано бороться съ нравственными недугами — борьба эта есть нравственный долгъ каждаго христіанина; по слову Апостола, „обративый грѣшника отъ заблужденія пути его спасетъ душу отъ смерти и покрыетъ множество грѣховъ“ (Іак. V, 20). Къ несчастію, у насъ въ обществѣ преобладаетъ односторонній взглядъ на нравственность: большинство думаетъ такъ, что каждый воленъ жить и дѣйствовать такъ, какъ ему угодно,

¹⁾ Служеніе священника. 598 стр.

лишь бы въ этой жизни не было ничего причиняющаго вредъ ближнему; вмѣшиваться же въ чужую жизнь со словомъ обличенія или наученія, считается не современнымъ: это оскорбленіе свободы личности, посягательство на его внутренній міръ.

Для того, чтобы пастырскія мѣры не были единичными, желательно образованіе братствъ и союзовъ для борьбы съ пороками и заблужденіями, для содѣйствія подъему нравственности въ обществѣ и народѣ. Такіе союзы могутъ возникать и помимо духовенства, по инициативѣ лицъ свѣтскихъ; но и православные пастыри не могутъ оставаться равнодушными къ этимъ обществамъ: образованіемъ и развитіемъ ихъ дѣятельности духовенство облегчитъ свой трудъ въ дѣлѣ уврачеванія нравственныхъ недуговъ паствы. Такіе союзы могутъ имѣть самыя разнообразныя, болѣе или менѣе спеціальныя нравственныя цѣли; задачи ихъ будутъ опредѣляться тѣмъ, какіе пороки особенно развиты въ той или другой мѣстности; такими цѣлями могутъ быть: борьба съ развратомъ, съ сквернословіемъ, особенно развитымъ въ городахъ, съ нехристіанскимъ провозженіемъ праздниковъ, борьба съ пьянствомъ.

—

Православіе и самодержавіе составляютъ два устоя, на которыхъ создавалась мощь и сила русскаго государства: тѣсная связь ихъ устанавливается уже съ первыхъ временъ христіанства на Руси и, постепенно укрѣпляясь, сохраняется до настоящаго времени. Взаимодѣйствіе Церкви и государства у насъ было всегда самое простое и естественное, выразившееся во взаимной ихъ поддержкѣ и содѣйствіи другъ другу. Русское духовенство всегда было однимъ изъ энергичныхъ помощниковъ правительства. Между государственною властью и народомъ духовенство занимало мѣсто нравственнаго добровольнаго посредника: привязанность нашего народа къ самодержавной власти объясняется не только историческими обстоятельствами, народнымъ характеромъ, но, до нѣкоторой степени, и вліяніемъ духовенства.

Русскій народъ привязанъ къ верховной власти не за страхъ, но за совѣсть, но въ послѣднее время въ этой области начали проявляться тревожные симптомы, на которые нельзя не обратить вниманія. Чего можетъ достигнуть злобная пропаганда—это показали недавно бывшіе безпорядки въ Харьковской и Полтавской губерніи. Борьба съ социальными бреднями, охраненіе отъ ихъ народа лежитъ, само собою понятно, прежде всего на самомъ правительствѣ, но это не значитъ, что духовенство можетъ оставаться равнодушнымъ къ этому вопросу: на членахъ его, какъ и на всякомъ истинномъ гражданинѣ своего отечества, лежитъ нравственный долгъ, внушаемый ему самимъ Словомъ Божиимъ поддерживать правительство и бороться съ его врагами. Пропаганда распространяется среди народа—людей несвѣдущихъ, малоопытныхъ; духовенство, такъ близко поставленное къ народу, является по отношенію къ нему ангеломъ-хранителемъ отъ неприванныхъ радѣтелей блага народнаго. Духовенство въ церковной проповѣди должно выяснять значеніе богодарованной царской власти, права и обязанности каждаго члена общества по отношенію къ верховной власти, значеніе, какое имѣла и имѣетъ эта власть въ исторіи русской. Духовенство должно стоять по отношенію къ народной жизни такъ близко, чтобы всѣ волнующія его мысли, всѣ событія въ его жизни были извѣстны пастырямъ; это дастъ возможность ему знать и о тѣхъ броженіяхъ, какія совершаются въ народѣ и не рѣдко ведутъ къ самымъ печальнымъ событіямъ. „Печальныя событія крестьянскихъ безпорядковъ, бывшія въ восточной Малороссіи, пишетъ преосвященный Антоній въ извѣстномъ посланіи къ духовенству Волынской Епархіи, наводятъ насъ на грустныя мысли о томъ, что во многихъ малороссійскихъ приходахъ подорвано сыновнее довѣріе мірянъ къ своимъ пастырямъ и при томъ, повидимому, такъ сильно, что священники иногда даже не знаютъ о начнающихся въ приходѣ бурныхъ волненіяхъ“. Священникъ, особенно въ деревнѣ, единственное лицо, къ которому народъ можетъ обра-

таться за разъясненіемъ волнующихъ его вопросовъ, лицо, къ которому народъ все же пытается довѣріе. Кто же, кромѣ него, можетъ и долженъ уберечь народъ отъ распространенія въ немъ ложныхъ надеждъ, преступныхъ замысловъ, указаніемъ ихъ незаконности и гибельныхъ слѣдствій? Духовенство оказывало большую пользу въ дѣлѣ успокоенія крестьянъ, особенно въ 60-е годы, послѣ освободительной реформы; то же оно призвано дѣлать и теперь, а это возможно только при томъ условіи, если оно приобрететъ довѣріе и расположеніе къ себѣ народа.

В. Пестряковъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ См. 20 № „Рук. для сельск. паст.“.

²⁾ „Рук. для сельск. паст.“ № 15 1903 г. стр. 417.

Изъ записокъ приходскаго священника ¹⁾.

Въ 15 № „Руков. для сельск. паст.“ свящ. о. Θ. Титовъ, высказывая „нѣсколько словъ по поводу предстоящей реформы села“, въ концѣ своей статьи говоритъ: „весьма желательно было-бы, чтобы наше духовенство было привлечено къ обсужденію нуждъ деревни, когда законодательство о сельскомъ состояніи будетъ разрабатываться и согласоваться съ мѣстными особенностями въ губернскихъ совѣщаніяхъ, при ближайшемъ участіи достойнѣйшихъ дѣятелей, довѣриемъ общественнымъ облеченныхъ“. Желательно также, по словамъ автора той же статьи, чтобы и „духовенство подало свой голосъ объ этихъ нуждахъ путемъ печатнаго слова, при посредствѣ такихъ, напр., органовъ, какъ „Руков. для сельскихъ пастырей“ ²⁾.

Охотно удовлетворяемъ этому заслуживающему полнѣйшаго вниманія желанію и, по мѣрѣ возможности, отвѣтимъ на тѣ вопросы, которые выдвинуты комитетами о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Первый изъ этихъ важ-

¹⁾ См. 20 № „Рук. для сельск. паст.“.

²⁾ „Рук. для сельск. паст.“ № 15 1903 г. стр. 417.

ныхъ вопросовъ—это вопросъ о *празднованіи воскресныхъ и другихъ праздничныхъ дней сельскимъ населеніемъ*¹⁾. При рѣшеніи этого общаго вопроса возпикають слѣдующія частныя подраздѣленія: 1) дѣйствительно ли празднованіе христіанскихъ праздниковъ нашимъ сельскимъ населеніемъ разорительно для хозяйства? 2) Какое значеніе имѣють христіанскіе праздники для религіозно-нравственной жизни сельскаго населенія? 3) Само это сельское населеніе желаетъ ли сокращенія праздничныхъ дней, чувствуетъ ли и сознаетъ ли оно дѣйствительную нужду въ этомъ?

Прежде чѣмъ отвѣчать на эти вопросы, слѣдуетъ сказать нѣсколько общихъ замѣчаній объ отношеніи интеллигенціи и народа къ провозженію времени въ святочные дни. Это имѣетъ тѣсную связь съ разрѣшеніемъ вопроса о воскресныхъ и праздничныхъ дняхъ, такъ какъ наша интеллигенція, принимавшая, главнымъ образомъ, участіе въ рѣшеніи вопросовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, желаетъ навязать народу свой взглядъ на праздничное время, вопреки церковно-каноническимъ постановленіямъ и практикѣ добраго стараго времени, ведущей свое начало отъ первыхъ вѣковъ христіанства.

Большая часть интеллигенціи, индифферентно относясь къ дѣламъ вѣры, также пренебрежительно относится и къ святости воскреснаго и праздничнаго дня. Мы знаемъ многихъ, именующихъ себя интеллигентами, которые вовсе не полагають никакого различія между днями будними и праздничными. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, если при разрѣшеніи вопроса о празднованіи воскреснаго и праздничнаго дня, наши интеллигенты всегда склонны, чтобы по возможности сократить число праздничныхъ дней, выходя изъ того ложнаго убѣжденія, что чѣмъ больше праздниковъ у насъ, тѣмъ больше соблазна для народа, тѣмъ больше прогульнаго времени, а всякій прогульный день неминуемо отражается на

¹⁾ Ibid. стр. 410.

экономическомъ благосостояніи народа, лишая его заработка, столь необходимаго для его существованія. Идя дальше въ этомъ направленіи, нѣкоторые радѣтели о благѣ народномъ приходятъ къ тому заключенію, что чѣмъ болѣе праздничныхъ и прогульныхъ дней, тѣмъ народъ дѣлается лѣнивѣе, а лѣнность есть мать всѣхъ пороковъ.

Такимъ образомъ изъ сказаннаго видно, что наши интеллигенты, обращая исключительное вниманіе на одну только чувственную, матеріальную сторону жизни человѣка, совершенно упускаютъ изъ вида другую—духовную. А въ послѣднемъ отношеніи праздники для искренно-вѣрующей души имѣютъ громадное значеніе.

Прежде всего нашъ народъ смотритъ на святочные дни, какъ на дни, не принадлежащіе человѣку, а „дни Божьи“, посвященные высшему служенію Богу и ближнимъ. И въ этомъ отношеніи воскресные и праздничные дни рѣзко отличаются отъ дней обыкновенныхъ буднихъ. Въ воскресенье и праздникъ совершается съ утра торжественное богослуженіе, къ которому приглашаются всѣ члены каждой приходской общины. И вотъ въ то время, какъ рѣдкіе изъ членовъ интеллигентнаго класса побываютъ въ своемъ приходскомъ храмѣ, почти всѣ члены изъ простонародной семьи считаютъ для себя священнымъ долгомъ побывать въ воскресный или праздничный день въ храмѣ за общественнымъ богослуженіемъ. А если сократить праздничные дни, тогда сократится для вѣрующихъ душъ время для удовлетворенія своимъ религіознымъ потребностямъ, которое онѣ находятъ въ храмѣ. Если простой человѣкъ въ иной праздникъ не побываетъ въ храмѣ, то ему все кажется, что онъ потерялъ такъ много, что не можетъ вознаградить потерянное за цѣлую седмицу буднихъ дней. Въ храмѣ трудящійся изъ-за куска насущнаго хлѣба людъ отдыхаетъ и физически и нравственно; здѣсь только онъ отводитъ свою душу и набирается силъ для дальнѣйшей борьбы за существованіе. А если сократить число праздничныхъ дней и заставить народъ работать сверхъ силъ, можетъ ли это принести

ему пользу? Весьма сомнительно. Да, наконецъ, кто можетъ заставитьъ нашего простолюдина работать въ тѣ дни, въ которые онъ, по своему личному убѣжденію, не хочетъ работать? Могутъ только на фабрикахъ и заводахъ; но вѣдь тамъ и теперь производятся работы въ такое время, въ какое въ другомъ мѣстѣ простой человѣкъ никогда не станетъ оскорблять святости праздничнаго времени недозволеннымъ дѣломъ. Это и нужно имѣть въ виду при настоящей реформѣ села.

Вѣдь и въ настоящее время праздники въ церкви православной раздѣляются на великіе, средніе и малые. Въ первые изъ двухъ церковнымъ уставомъ совсѣмъ не разрѣшается никакая работа, а въ праздники малые и даже нѣкоторые средніе Церковь не стѣсняетъ свободы вѣрующихъ, предоставляя образъ дѣйствій въ эти дни свободному произволению каждаго вѣрующаго. А спросите-ка деревенскаго человѣка: станетъ-ли онъ работать даже въ самую страдную пору въ такіе небольшіе праздники, какъ Рождество І. Крестителя (24 іюня), явленіе Казанской иконы Божіей Матери (8 іюля), Иліинъ день (20 іюля) и т. п? Едва-ли. Быть можетъ найдутся и такіе, которые бы стали работать въ означенные дни, но это ужъ народъ передовой, цивилизованный, вкусившій отъ плодовъ ложной культуры, позаимствованной гдѣ-то въ городѣ или на отхожихъ промыслахъ, въ родѣ фабрикъ и заводовъ. А коренной сельскій людъ свято чтитъ подобные дни.

Изъ послѣдняго обстоятельства не трудно усмотрѣть, что сельское населеніе вовсе не желаетъ сокращенія праздничныхъ дней, которые вносятъ въ скучную и однообразную деревенскую жизнь много ограда и разнообразія, поднимаютъ духъ населенія, вселяя много надеждъ на лучшее будущее. Будучи изо-дня въ день заняты заботой о насущномъ кускѣ хлѣба, деревенскій человѣкъ только въ праздникъ сознаетъ, что и онъ свободно-разумное существо, могущее располагать временемъ вполне осмысленно, и съ пользою для души и тѣла. Поэтому не столько нужно заботиться о сокращеніи праздниковъ, сколько о томъ, чтобы праздникъ былъ *обста-*

вленъ надлежащимъ образомъ. Мало одного названія *праздникъ*, а нужно позаботиться о томъ, чтобы онъ на самомъ дѣлѣ былъ именно такимъ. Нужно устранить всѣ соблазны, могущіе подрывать и религіозно-нравственное и экономическое положеніе деревенскаго люда. Нужно побольше придать воскреснымъ и праздничнымъ днямъ *святости*, а не грѣховнаго препровожденія времени. Нужно позаботиться, кому о семъ вѣдать надлежитъ, чтобы въ праздники все время у деревенскаго люда посвящалось, главнымъ образомъ, на служеніе Богу и ближнимъ, а не мамонѣ.

Бываетъ же и даже поощряется по селамъ и деревнямъ совершенно иное времяпрепровожденіе. Раздается зvonъ къ заутрени и какъ бы по данному сигналу открывается базаръ. Торговья площади въ большинствѣ случаевъ примыкаютъ къ самымъ храмамъ. Начинается базарная суета, шумъ, гамъ и перебранка торжниковъ и покупателей, и все это—въ то время, когда въ храмѣ совершается церковная служба. И этотъ шумъ бываетъ настолько великъ, что слышенъ, въ особенности въ лѣтнее время, въ храмѣ и такимъ образомъ одна часть православныхъ развлекается на базарной площади, а другая отвлекается и лишается молитвеннаго настроенія, благодаря той же базарной суетѣ. Благодаря такому положенію вещей, сколько народа лишается благодатнаго воздѣйствія службъ церковныхъ! Конечно, соблазнъ отъ большого количества праздниковъ будетъ великъ, если къ праздничному времени приноровлены у насъ и базарные дни и крупныя ярмарки въ году.

Но вотъ служба церковная кончается. Къ услугамъ народа является новый соблазнъ—винныя лавки открываются. Какъ тутъ устоять сѣрому люду отъ искушенія, когда оно даже въ праздникъ отъ него не устраняется? Трудно, очень трудно! И нѣтъ ничего удивительнаго, что по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ по деревнямъ и селамъ, подобно тому, какъ и по городамъ, пьянство всего болѣе развито. Открытая праздничная продажа питей и свободное время способствуютъ

развитію пьянства среди народа. Ничего подобнаго не было бы, если бы казенныя винныя лавки въ воскресные и праздничные дни были бы закрыты въ теченіе цѣлаго дня.

Въ 4 часа пополудни раздается звонъ церковный къ вечернѣ и виѣбогослужебному собесѣдованію, а въ это время по улицамъ села рыскаютъ сельскіе старосты и десятскіе, сгоняя народъ на сходку. Благодаря этому и просвѣтительное значеніе виѣбогослужебныхъ чтеній не достигаетъ своей цѣли, такъ какъ народъ повалилъ на сходку, а въ мѣстѣ, предназначенномъ для виѣбогослужебнаго собесѣдованія, присутствуетъ всего десятокъ-другой посѣтителей.

Такимъ образомъ не количество праздниковъ вліяетъ на религіозно-нравственную и экономическую сторону жизни народной, а неправильное провозженіе времени въ эти дни. Устраните всѣ поводы, служащіе соблазномъ для народа, и праздничное время, кромѣ благодѣтельныхъ послѣдствій, не будетъ имѣть иныхъ на народъ. Если, напримѣръ, въ городахъ можно ограничить торговлю по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ извѣстнымъ временемъ, неужели нельзя того-же сдѣлать по деревнямъ и селамъ? Тамъ, безъ всякаго ущерба въ матеріальномъ отношеніи, слѣдовало-бы совершенно закрыть воскресную и праздничную торговлю. Самъ народъ этого желаетъ и проситъ и не онъ виноватъ, если его благимъ желаніямъ и просьбамъ никто не хочетъ придти на встрѣчу. Какъ хорошо сдѣлали бы комитеты о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, если бы, вмѣсто сокращенія количества праздничныхъ дней, вступили съ ходатайствомъ къ тѣмъ лицамъ, кому о семъ вѣдать надлежитъ, чтобы въ воскресные и праздничные дни не было вовсе ни торговли, ни базаровъ, ни ярмарокъ? Этимъ дѣломъ комитеты принесли бы громадную пользу деревенскому люду и это было бы столь важной реформой села, какая со временемъ могла бы быть занесена въ лѣтописи исторіи. Вѣдь возможно было это сдѣлать нѣмцамъ и англичанамъ, неужели того же

нельзя достигнуть въ православномъ русскомъ государствѣ? Примѣръ на лицо. Въ нашемъ отечествѣ проживаютъ евреи, исповѣдующіе ветхозавѣтную религію,—народъ въ высшей степени предпримчивый и коммерческій, а между тѣмъ, какъ свято они чтутъ свою субботу и другіе еврейскіе праздники, нисколько въ то же время не страдая въ матеріальномъ отношеніи, а, напротивъ, ихъ экономическое положеніе далеко превосходитъ таковое же деревенскихъ поселянъ. Отсюда выводъ прямой, что прекращеніе торговли по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ нисколько не можетъ вліять на народъ въ экономическомъ отношеніи, а въ религіозно-нравственномъ должно принести громадную пользу.

Еще большую пользу, и въ томъ и въ другомъ отношеніи, принесло бы народу совершенное закрытіе торговли спиртными напѣтками въ праздничное время. Раньше было сказано, что народъ болѣе всего пьетъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Поэтому и нужно устранить въ эти дни всѣ поводы, служащіе къ обѣднѣнію народа въ матеріальномъ отношеніи и паденію въ нравственномъ. А это теперь весьма удобно и возможно сдѣлать, благодаря тому, что продажа питей находится не въ частныхъ, а въ казенныхъ рукахъ. Казна отъ этого не обѣднѣетъ, а народъ сохранитъ много трудовыхъ грошей, пропитыхъ скуки ради.

Для отвлеченія народа отъ мѣстъ злчныхъ и сокращенія пьянства устраиваются народныя, такъ называемыя, виѣбогослужебныя собесѣдованія или же чтенія. Безспорно, что открытіе и веденіе ихъ могло бы имѣть самыя благія послѣдствія, въ особенности, если они ведутся не для празднаго препровожденія времени, а имѣли бы живой интересъ и характеръ воспитательный. Нельзя сказать, чтобы и народъ относился къ подобнаго рода чтеніямъ безучастно, но успѣшному ходу ихъ много мѣшаетъ, какъ замѣчено выше, назначеніе сходовъ въ праздничные дни. Поэтому весьма желательно, чтобы при реформѣ села на устраненіе причинъ, мѣшающихъ

просвѣдительнымъ мѣрамъ истинныхъ радѣтелей о благѣ народномъ было обращено самое серьезное вниманіе.

Свящ. С. Брояковскій.

(Продолженіе будетъ).

Наблюдения и замѣтки сельскаго священника.

Прихожу съ молитвою въ домъ богатаго крестьянина. Когда я, по прочтеніи молитвы, хотѣлъ было уже уходить, смотрю — хозяйка, несетъ какой-то ящикъ и говоритъ: „я вамъ, батюшка, покажу что-то“. Оказалось, что въ ящикѣ — воздухи: ходили по селу монашки и предлагаютъ купить воздухи для церкви. Какъ сама хозяйка, такъ и другія бывшія въ домѣ женщины съ любопытствомъ смотрѣли на разложенные воздухи, рѣзко бросавшіеся въ глаза своимъ яркимъ цвѣтомъ и блестящимъ шитьемъ, и спросили меня, купить ли ихъ для нашей церкви? Я сказалъ, что усердіе ихъ похвально, но покупать не совѣтую. Дѣло въ томъ, что въ нашей церкви слишкомъ уже много воздуховъ, больше пожертвованныхъ, такъ что я не давно часть ихъ даже отдалъ для вновь строящейся вблизи церкви: — для чего же еще покупать? Въ прошломъ году, когда поступило пожертвованіе воздуховъ, я сказалъ въ церкви, *чтобы прихожане всегда, когда желаютъ что-либо пожертвовать въ храмъ, спрашивали меня, нужно ли известное пожертвованіе, не будетъ ли оно лишнее? не нужны ли что другое?* И вотъ потому-то теперь хозяйка и спросила, иначе почти напрасно истрачены были бы трудовыя деньги.

Нужно руководить прихожанъ даже и въ такомъ дѣлѣ, какъ пожертвованіи на храмъ, такъ какъ нашихъ крестьянъ многіе эксплуатируютъ на релігіозной почвѣ. Какую, напр., борьбу приходится вести хотя бы съ эксплоатаціей *аѳонскихъ монаховъ*, которые своими трогательными письмами заставляютъ простодушныхъ людей жертвовать иногда довольно большія суммы! Жители сель поражаются, какъ аѳонскіе мо-

нахи, живущіе за далекими морями, знаютъ ихъ адресъ. А дѣло объясняется очень просто, какъ передаютъ паломники, бывшіе въ Іерусалимѣ и на Аѳонѣ: *батюшки тамошніе*, т. е. монахи, *подробно обо всемъ спрашиваютъ паломниковъ и записываютъ адреса ихъ богатыхъ односельчанъ, а потомъ и пишутъ послѣднимъ письма*. Да и сами эти паломники, по возвращеніи домой, *ведутъ переписку съ монахами*, дѣлаютъ сборы и отсылаютъ ихъ на Аѳонъ,—конечно, съ удержаніемъ кое-чего въ свою пользу.—Вотъ какимъ образомъ узнаютъ аѳонскіе монахи адреса обитателей даже самыхъ глухихъ захолустій нашихъ.—Нельзя, правда, сказать, чтобы борьба съ этимъ зломъ была совершенно безрезультатною: въ нашемъ, по крайней мѣрѣ, округѣ теперь стали посылать на Аѳонъ гораздо меньше пожертвованій, но все же еще посылаютъ черезъ посредство паломниковъ. Нужно послѣднимъ внушать, что они не доброе дѣло дѣлаютъ, а, напротивъ, обманываются сами и другихъ вводятъ въ обманъ. Многіе изъ такихъ радѣтелей Аѳона глубоко убѣждены въ правотѣ своего дѣла. Да и самому въ этомъ случаѣ приходится испытывать непріятное, такъ сказать раздвоеніе: съ одной стороны, видишь, что *не желательное* это дѣло—отнимать средства подчасъ у очень бѣдныхъ людей и жертвовать не на обители, а въ карманы людей легкой наживы, о чемъ много разъ объявлялось Св. Синодомъ во всеобщее свѣдѣніе и въ предупрежденіе. Съ другой стороны, невольно думается, честно ли убивать *религіозный пылъ* у здѣшнихъ сборщиковъ и самихъ жертвователей: вѣдь они это дѣлаютъ *для Бога, для спасенія души?* Да не погрѣшаемъ ли мы и противъ св. угодниковъ аѳонскихъ, въ обители которыхъ не совѣтуемъ посылать пожертвованія?—Обыкновенно успокоиваешь себя тѣмъ, что вѣдь не напрасно же, не безъ причины наше высшее духовное начальство много разъ предписывало намъ ограничивать сборщиковъ на Аѳонѣ и вразумлять прихожанъ. Уже для одного того, чтобы не смущать насъ, духовныхъ, аѳонцамъ пора бы прекратить свои *нашествія* на Россію.

Для искорененія этого зла, слѣдовало бы принять болѣе энергичныя мѣры, а именно: *всѣ денежныя посылки, направленные на Аѳонъ не чрезъ Св. Синодъ нашъ, конфисковать и возвращать ихъ отправителямъ.* У насъ своихъ нуждъ не оберешься. Равнымъ образомъ, и свѣтскому начальству нужно бы обратить вниманіе на это дѣло. Жаль тѣхъ немалыхъ капиталовъ, которыхъ мы, русскіе, лишаемся, тогда какъ сами очень и очень бѣдны. Я часто во время виѣбогослужебныхъ собесѣдованій напоминаю прихожанамъ, чтобы они не посылали на Аѳонъ, а лучше бы жертвовали эти деньги на своихъ вдовъ и сиротъ, которыя всегда найдутся. Но трудно переубѣдить. Слѣдуетъ также внушать прихожанамъ, чтобы они, особенно женщины, не слушали разныхъ проходимцевъ, сборщиковъ, продавцевъ мнимыхъ святынь. Великое это зло, и нужно всячески бороться съ нимъ, прежде всего, намъ—духовенству. Не понятно, почему свѣтское начальство держится во всѣхъ подобныхъ случаяхъ какъ-то совершенно въ сторонѣ. Ходятъ какія-то темныя личности, обираютъ простодушныхъ людей, и никому нѣтъ дѣла, тогда какъ *начальства* очень много! Можетъ быть, когда будетъ введено предполагаемое въ Высочайшемъ Манифестѣ измѣненіе въ мѣстномъ управленіи, такія ненормальности отойдутъ въ область преданій. Пока же что, духовенству нужно придти правительству на помощь въ упорядоченіи жизни сельскихъ обывателей. Жаль, что духовенство, какъ объ этомъ писалось въ № 9 мѣ „Церковнаго Вѣстника“ за текущій годъ, въ статьѣ: „О хлѣбѣ насущномъ“, не принимало участія въ комитетахъ *Особаго Совѣщанія* по вопросамъ сельско-хозяйственной промышленности: его почему-то совсѣмъ не приглашали на эти совѣщанія. Но оно можетъ подать свой голосъ въ этомъ дѣлѣ путемъ печати.

А вотъ въ дѣлѣ снабженія прихожанъ хорошими, правительнаго письма, иконами нужно намъ, духовнымъ, принимать живѣйшее участіе.

Часто приходится видѣть въ домахъ прихожанъ иконы или безобразно написанныя, или слишкомъ дорого купленныя, по незнанію цѣны, или же такія, которыя носятъ характеръ совсѣмъ не православныхъ, а католическихъ иконъ, какъ, напр., икона *Сердца Иисуса, Погребеніе Божіей Матери* и т. п. Хотя и былъ указъ Св. Синода, чтобы не изготавлялись иконы съ изображеніемъ обнаженныхъ святыхъ, но и такихъ иконъ много встрѣчается въ селахъ. *Слѣдовало бы духовенству принять самое близкое участіе въ дѣлѣ снабженія прихожанъ хорошими и недорогими иконами.* Въ этомъ отношеніи особенно полезно было бы открыть склады иконъ для продажи ихъ если не при всякой церкви, то хотя нѣсколько на извѣстный районъ. Вѣдь простой народъ не знаетъ, какая икона хороша, а какая не соотвѣтствуетъ своему назначенію. Часто къ священникамъ обращаются за рѣшеніемъ вопроса, *идится-ли* извѣстная икона,—но обращаются уже послѣ того, какъ икона куплена—иногда на послѣдніе скудные гроши. И вотъ положеніе: сказать, что икона *не идетъ*, языкъ не поворачивается—бѣднякъ затратился, икона уже поставлена на божницѣ; да и что теперь сдѣлать съ этою иконою, куда ее подѣть?—сжечь?—жалъ!—но и дозволить молиться предъ нею не подобаешь.—Хорошо было бы сдѣлать такъ: *взять нѣсколько неправильныхъ иконъ, показать ихъ въ церкви и сказать, чтобы подобныхъ иконъ не покупали.* Но, конечно, такимъ путемъ цѣль не будетъ вполне достигнута, если мы, духовенство, не возьмемъ этого дѣла подъ свой контроль, т. е., если не будетъ у насъ особыхъ складовъ.

Здѣсь кстати нужно сказать, что среди крестьянъ часто встрѣчаются лица, которыя имѣютъ таланты къ рисованію. Приходить ко мнѣ разъ молодой парень и просить дать ему изъ церкви нѣсколько иконъ для образца, такъ какъ онъ рисуетъ. Я разрѣшилъ, и онъ прекрасно скопировалъ.—Жалъ, что у насъ нѣтъ школъ рисованія, доступныхъ для народа, тогда бы подобныя лица болѣе или менѣе основательно обучились иконописанію.

Не худо было бы намъ принять участіе и въ открытіи ремесленныхъ школъ. Хотя, собственно говоря, это и не наше дѣло, но, въ то же время, оно и наше. Мы заботимся о томъ, чтобы наши прихожане были грамотны. Но этого мало,—нашъ долгъ заботиться, насколько отъ насъ зависитъ, чтобы поднять и матеріальное благосостояніе прихожанъ. Это, между прочимъ, будетъ и намъ полезно: если прихожане будутъ имѣть достатокъ, то и намъ лучше будетъ, не говоря уже о самихъ прихожанахъ. А ремесленные школы—одно изъ главныхъ средствъ къ поднятію благосостоянія народа.

На мысль объ открытіи ремесленныхъ школъ навело меня слѣдующее обстоятельство. Вижу, въ одной хатѣ шьетъ портной—молодой парень. На вопросъ мой: умѣетъ ли онъ шить? парень отвѣчалъ, что хотя учится уже 5-ю зиму, но шить не умѣетъ, потому что хозяинъ не показываетъ, какъ надобно кроить. Это въ обычаѣ у всѣхъ хозяевъ, чтобы ихъ подмастерья не выучились ремеслу и не отбивали бы потомъ работу у нихъ. Если бы были ремесленные школы, этого, конечно, не было бы. Чтобы поставить *на правый путь* хозяевъ-ремесленниковъ, я, когда бываю въ домахъ и вижу портныхъ или сапожниковъ, всегда говорю, что *не хорошо, грѣшно предъ Богомъ дѣлаютъ они, не обучая своихъ подмастерьевъ, какъ должно*. Также нужно говорить, чтобы они не обращались жестоко съ подмастерьями, хотя—должно правду сказать—сельскіе хозяева не обращаются такъ жестоко, какъ это практикуется въ городахъ.—*Подмастерьямъ же можно посоветовать усерднѣе работать, усерднѣе учиться* и т. п.—Однимъ словомъ, регулировать отношеніе какъ хозяевъ, такъ и рабочихъ—это наша обязанность: объ этомъ заботились и св. апостолы, что видно изъ ихъ посланій.

Я знаю одного священника. Его очень тяготило то, что онъ ничего не дѣлаетъ для поднятія матеріальнаго благосостоянія своихъ прихожанъ, *все беретъ только съ нихъ, а самъ имъ ничего не даетъ*, не отплачиваетъ за то, что получаетъ. И вотъ онъ остановился на мысли—*поучить прихожанъ ра-*

ціональному веденію пчеловодства. Выписаль нѣсколько книжекъ по пчеловодству и сталъ давать читать крестьянамъ. Нѣкоторые заинтересовались, и сами начали покупать такія книжки. Но послѣдніе годы были не благопріятны для пчеловодства, а тутъ большія семьи пораздѣлились—некому заниматься пчеловодствомъ. Да и средствъ мало у крестьянъ, чтобы, напр., перейти къ рамочной системѣ, не говоря уже о *рутинѣ*, которую не скоро уничтожишь. Вотъ намъ, духовнымъ, и нужно бороться со всѣмъ этимъ: въ данномъ случаѣ народъ, собственно, не виноватъ, а виновны тѣ, кто могъ бы ихъ научить, да не учитъ.

Свящ. В. Дроздовъ.

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Д. Семинаріи, Архимандритъ Θεодосій.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 27 мая 1903 г.

Предсѣдатель Комитета, проф. Академіи, прот. *І. Корольковъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLIV.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 22.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1903 года, іюня 1-го.

Содержаніе: Соціальное христіанство на западѣ.—Мѣры и средства вліянія духовенства на нравственную и общественную жизнь народа (окончаніе).—Богослужебныя одежды священно-церковно-служителей.—О записыванія въ метрическія книги незаконнорожденныхъ.

Соціальное христіанство на западѣ.

Въ религіозной жизни современнаго запада наблюдается необыкновенный ростъ т. н. „соціального христіанства“, представляющаго собою весьма оригинальный опытъ новаго объясненія міровой жизни и исторіи христіанства, а также знаменательную для нашего времени попытку сближенія началъ социализма съ христіанскими принципами жизни. Мы хотѣли бы познакомить нашихъ читателей съ этимъ своеобразнымъ религіознымъ движеніемъ, потому что оно, будучи характерно для той стадіи духовнаго развитія, на которой стоитъ современное намъ западно-европейское общество, проливаетъ нѣкоторый свѣтъ и на протестантизмъ нашей интеллигенціи, обнаруживающей стремленіе къ широкому распространенію своихъ противохристіанскихъ религіозныхъ взглядовъ въ образованномъ

обществѣ и даже простомъ народѣ. Не то это означаетъ, что наша интеллигенція пересаживаетъ на русскую почву чужеземное растеніе, но лишь то, что оба движенія параллельны другъ другу, имѣютъ много общаго въ своемъ основномъ направленіи и съ теченіемъ времени, пожалуй, могутъ слиться.

Теоретическія воззрѣнія „соціального христіанства“ являются результатомъ настойчиваго примѣненія къ изслѣдованію вопросовъ богословскихъ и церковноисторическихъ строго научнаго, экспериментальнаго метода, превосходство котораго заключается въ томъ, что онъ построаетъ знаніе на точныхъ данныхъ, заимствованныхъ изъ непосредственнаго наблюденія и провѣряемыхъ опытомъ. Насколько приложимъ этотъ методъ къ изученію христіанства, можно видѣть изъ слѣдующихъ разсужденій проф. Леенгардта ¹⁾, ученики котораго сильно заняты разработкою вопросовъ „соціального христіанства“.

Не слѣдуетъ смѣшивать, говоритъ Леенгардтъ, христіанство, какъ оно представляется всеобщему наблюденію, съ тѣмъ христіанствомъ, которое проявляется, какъ сила нравственнаго возрожденія въ небольшомъ количествѣ избранныхъ вѣрующихъ. Первое—есть христіанство историческое, второе—*фактъ христіанскій*. Первое—есть собраніе догмъ, доктринъ, заповѣдей, обрядовъ, священныхъ традицій,—короче: собраніе истинъ, которыя можно поставить въ параллель со всякими другими мнѣніями о томъ же предметѣ. Второе есть рядъ явленій, зависящихъ отъ личной жизни и дѣятельности человѣка, отъ его нравственной природы и отношеній ко внѣшнему міру. Съ христіанствомъ историческимъ точная наука находится въ неизбѣжномъ разладѣ, конфликтѣ. Съ фактомъ же христіанскимъ такого разлада у науки нѣтъ, потому что этотъ фактъ, это явленіе специфическаго порядка подлежитъ нашему наблюденію и контролю, какъ и всякое другое явленіе, и слѣдовательно—о немъ возможна точная наука, которая одна имѣ-

¹⁾ „Христіанство и экспериментальный методъ“, Revue chrétienne 1903, Avril.

еть право высказывать сужденія обо всемъ томъ, что въ историческомъ христіанствѣ не подлежитъ непосредственному контролю всякой другой науки. Если бы не было факта христіанскаго, т. е. если бы не было людей, у которыхъ можно наблюдать нѣчто специфически-христіанское, то не могло бы существовать и науки о христіанствѣ, которое оставалось бы внѣ научнаго наблюденія, какъ всѣ исторически-извѣстныя религіозныя доктрины. Но этотъ фактъ есть, есть и опыты, его подтверждающіе, поэтому онъ можетъ быть изслѣдуемъ экспериментальнымъ методомъ. Послѣдній вотъ что прежде всего устанавливаетъ относительно христіанства. Извѣстная группа явленій, независимо отъ всѣхъ второстепенныхъ особенностей, всегда сохраняетъ характеръ специфически христіанскій, отличающій ихъ отъ всякихъ другихъ явленій. И этотъ характеръ нисколько не зависитъ отъ разнообразныхъ условій интеллектуальныхъ, соціальныхъ, національныхъ, антропологическихъ; онъ можетъ быть контролируемъ не только свидѣтельствомъ и опытомъ милліоновъ христіанъ, но и тою возрождающею силою, которой обнаруженіемъ служатъ это свидѣтельство и этотъ опытъ. И замѣчательно, что специфическая особенность христіанскаго факта имѣетъ самое непосредственное отношеніе къ существеннымъ проявленіямъ человѣческаго духа, именно къ проявленіямъ его нравственной силы, подчиняющейся закону: „ты долженъ“. Послѣднему фактъ христіанскій даетъ ясность, опредѣленность и особенную силу реализаціи, обнаруженія. Отсюда,—изучая фактъ христіанскій, мы изучаемъ человѣка не только въ явленіи, какъ онъ есть, но и въ идеалѣ, какимъ онъ долженъ быть въ будущемъ согласно процессу развитія, который вызвалъ его нѣкогда изъ животнаго міра и сдѣлалъ совершенно новою тварью.

Такое примѣненіе экспериментальнаго метода къ изученію христіанства вводитъ послѣднее въ число существенныхъ двигателей человѣческой жизни и ставитъ его рядомъ съ наукой и социализмомъ. „Новые христіане“ запада и задались головокружительною задачею соединить въ одно цѣлое науку, начало

которой сомнѣніе, социализмъ, проповѣдующій справедливость, и христіанскую религію, существо коей—вѣра,—способствовать образованію одного изъ тѣхъ великихъ религіозныхъ синтезовъ, которые обыкновенно надолго успокаиваютъ умъ и сердце и открываютъ самые широкіе горизонты духовной жизни человѣка. Науку они понимаютъ лишь въ смыслѣ научнаго, экспериментальнаго метода, а социализмъ въ смыслѣ тѣхъ громаднхъ экономическихъ усилій, которыя направлены къ обезпеченію каждому человѣку достаточныхъ матеріальныхъ средствъ и независимости, необходимыхъ для развитія въ немъ человѣческихъ свойствъ. Религія же христіанская заключается, по ихъ мнѣнію, въ одной вѣрѣ. Вѣра есть такой актъ духовной жизни, который открываетъ человѣку Бога черезъ непосредственное внутреннее созерцаніе, составляющее принадлежность только человѣческаго духа. Вѣра находитъ Бога въ природѣ и исторіи—посредствомъ научнаго изслѣдованія ихъ, въ обществѣ—посредствомъ подчиненія установленнымъ законамъ, въ Иисусѣ Христѣ—черезъ духовнонравственное возрожденіе. Въ общеніи съ Сыномъ человѣческимъ опытное познаніе Бога является достаточнымъ для того, чтобы возвысить насъ надъ областью вѣроятностей и открыть намъ сферу полной увѣренности. Такимъ образомъ, истинно слово, что „праведникъ отъ вѣры живъ будетъ“, и отъ нея одной, независимо отъ формулъ, ее объясняющихъ, или учреждений, ее распространяющихъ. Синтезъ этихъ трехъ факторовъ человѣческой жизни есть дѣло недалекаго будущаго, потому что основныя начала его уже выяснились и сдѣлались убѣжденіями „новыхъ христіанъ“.

На землѣ, проповѣдуютъ послѣдніе, абсолютно господствуютъ Богъ. Центръ Его господства—въ Иисусѣ Христѣ, черезъ общеніе съ Коимъ мы приходимъ къ убѣжденію, что Богъ есть нашъ Отецъ, а мы всѣ братья. Это положеніе далеко отъ утвержденія, что Богъ есть всемогущій Творецъ, создавшій міръ въ шесть дней, какъ обычно представляютъ Его. Послѣдняго рода представленіе—метафизическаго характера, опытъ же намъ только то показываетъ, что господство Божіе менѣе обнару-

живается въ твореніи совершеннаго міра изъ ничего, чѣмъ въ постепенномъ „проникновеніи“ несовершеннаго міра. Отсюда, если оставаться вѣрнымъ индуктивному началу, если идти отъ того, что есть, къ понятію о Богѣ, то становится ясно, что дѣйствительность не даетъ намъ данныхъ для того утвержденія, что Богъ есть существо всемогущее. „Мессіанство (такъ называетъ Моно социальное христіанство, ср. Іоан. 1, 41) сознательное не вѣруетъ болѣе въ Бога всемогущаго, Который направляетъ исторію по Своему желанію, Который могъ бы мгновенно измѣнить землю, но Который тѣмъ не менѣе сохраняетъ *statu quo*. Нашъ Богъ есть Богъ, опредѣляющій Себя черезъ состояніе вещей, бытіе которыхъ попускаетъ (несовершенный міръ, Иисусъ распятый, евангеліе клерикализованное), и совершающій, вопреки увеличивающимся препятствіямъ, великое дѣло искупленія міра. Библейскій Богъ не есть метафизическое существо, „свойства“ котораго только усугубляютъ Его отвѣтственность предъ такимъ міромъ, какъ нашъ. Это не хладнокровный резонеръ, который творитъ міръ мгновенно и какъ бы играя, въ нѣсколько часовъ (и для собственной славы), міръ, который будетъ... можетъ быть—счастливый, а можетъ быть и несчастный. Это не Творецъ, взвѣсившій оба положенія альтернативы и пришедшій къ такому заключенію: зло имѣетъ предпочтеніе предъ небытіемъ и тварь по собственной волѣ злая выше твари невольной доброй“.

Съ такимъ понятіемъ о Богѣ-Творцѣ современная теодицея якобы не можетъ разрѣшить диллемы: „или грѣхъ не есть грѣхъ, или Богъ не есть Богъ, потому что Онъ не отвѣтственъ за него“. Перваго мы не можемъ признать, говорятъ „новые христіане“, потому что искупленіе (отъ грѣха) есть самое существо библейскаго откровенія, основаніе христіанской надежды, постепенное осуществленіе Царства Божія на землѣ. Библия отъ первой страницы (исторія грѣхопаденія) до послѣдней (повѣствованіе объ окончательной побѣдѣ Сына Божія надъ сатаной) представляетъ намъ живого Бога, какъ борца, постепенно подготовляющаго побѣду на полѣ брани, за которую

Онъ не отвѣтственъ. Окончательная побѣда надъ зломъ будетъ вмѣстѣ и окончаніемъ дѣлъ творенія; мы въ настоящее время находимся, такъ сказать, въ самомъ центрѣ творческой дѣятельности Божіей: мы присутствуемъ при образованіи человѣчества, мы находимся въ положеніи дитяти, которое бы, будучи во чревѣ матери, сознательно наблюдало процессъ собственной жизни. Само собою понятно отсюда, что составить себѣ вполнѣ правильное понятіе о Богѣ мы въ состояніи будемъ только послѣ окончанія міровой драмы,—именно драмы, потому что въ этой гипотезѣ о постепенномъ твореніи дѣло творенія отождествляется съ дѣломъ искупленія.

Но откуда на землѣ несовершенство, зло, грѣхъ? По мнѣнію „новыхъ христіанъ“, зло есть слѣдствіе „паденія“ домірнаго, есть актъ „твари первоначальной“, предшествовавшей всякой міровой эволюціи, подлежащей наблюденію.

Какова же задача человѣчества въ отношеніи къ совершающемуся дѣлу творенія и искупленія? На этотъ вопросъ Моно, одинъ изъ главныхъ представителей „соціального христіанства“, отвѣчаетъ такъ: „земля, гдѣ правда живетъ,—это евангеліе синоптиковъ; небо, гдѣ пѣтъ ни болѣзни, ни смерти,—это евангеліе церкви; возрожденіе, которое дѣлаетъ насъ активными силами для утвержденія царства Божія на землѣ и устройства „земного неба“ (синтезъ двухъ предыдущихъ евангелій),—это евангеліе „соціальныхъ христіанъ“. Такимъ образомъ, каждый человѣкъ прежде всего долженъ заботиться о собственномъ спасеніи, которое достигается черезъ вѣру въ Иисуса Христа. Кто вѣруетъ, тотъ имѣетъ жизнь вѣчную. Миръ, прощеніе, возрожденіе—все отъ вѣры Христовой. Но спасеніе личности вполнѣ достигнуто будетъ только тогда, когда все человѣчество найдетъ спасеніе въ лонѣ новаго міра. Поэтому мы должны всѣми мѣрами способствовать приближенію этого блаженнаго времени. Въ духѣ Христа надобно заботиться объ утвержденіи на землѣ всеобщаго братства на началахъ любви и справедливости. Должно признать, что милосердіе, какъ мы его понимаемъ и практикуемъ, не можетъ спасти міръ и разрѣшить

соціальный вопросъ; что первое проявленіе любви заключается въ томъ, чтобы искать и осуществлять справедливость, что въ настоящее время нѣтъ ни одной формы общественной жизни, которая бы вполне осуществляла принципъ справедливости; что безъ справедливости милосердіе есть великій слѣпецъ, который спрашиваетъ о своемъ пути, блуждая во тьмѣ ночной. Когда восторжествуетъ на землѣ правда, когда согласіе замѣнитъ борьбу за существованіе и всѣмъ людямъ предоставлено будетъ право собственности въ неизмѣримомъ капиталѣ человѣчества и право личной инициативы въ его дѣятельности, тогда люди получатъ возможность наслаждаться полнотою жизни и радости. они поймутъ, что эта вселенная не можетъ быть слѣпой, что вездѣ Духъ Божій, что все стремится къ порядку, къ красотѣ, свободѣ и добру. Словомъ, когда на землѣ осуществится братское единеніе между людьми, когда сыны человѣческіе сдѣлаются чадами Божиими, тогда начнется новый періодъ жизни, откроется царство Божіе. И все это должно совершиться *на землѣ*, которая такимъ образомъ сдѣлается небомъ (въ религіозномъ смыслѣ слова). „Гдѣ мы тогда будемъ—вы и я?—Мы будемъ *тамъ*“, т. е. воскреснемъ. „Ученіе о воскресеніи не удивляло бы насъ, еслибы мы умѣли объяснить нѣкоторыя пророческія черты настоящаго тѣла нашего“...

Н. Гр.

(Окончаніе будетъ).

¹⁾ См. № 21 с. г.

Мѣры и средства вліянія духовенства на нравственную и общественную жизнь народа ¹⁾.

Священникъ есть членъ гражданскаго общества, несущій на себѣ и обязанности гражданской жизни, раздѣляющій вмѣстѣ съ тѣмъ удобства этой жизни; остаться поэтому равнодушнымъ къ социальнымъ условіямъ и явленіямъ жизни онъ не можетъ.

Участіе духовенства въ событіяхъ общественной жизни требуетъ, однако, нѣкоторыхъ оговорокъ: участіе это не слѣ-

¹⁾ См. № 21 с. г.

дуетъ понимать такъ, будто духовенство должно стараться занять въ событіяхъ общественной жизни доминирующее и рѣшающее значеніе—какъ понимало, да и теперь понимаетъ, это участіе католическое духовенство. Русское православное духовенство всегда чуждо было такихъ претензій: оно никогда не забывало того, что царство Христово не отъ міра сего. Съ другой стороны, русское духовенство не пойдетъ и по той дорогѣ, какую указываютъ духовенству новѣйшіе социологи, напр., Штейнъ (см. его книгу „Соціальный вопросъ съ философской точки зрѣнія“). Такъ какъ, говоритъ онъ, религія съ небесными идеалами, съ супранатуральнымъ элементомъ отжила свой вѣкъ, то духовенство должно заняться настоящей жизнью, „указывая слушателямъ на необходимость постояннаго и сознательнаго роста человѣческаго единства, на необходимость выработки высшаго человѣческаго типа не потому, что такова воля небесныхъ силъ, а потому, что это есть необходимое требованіе соціальной науки“¹⁾. Такое пониманіе пастырскаго служенія было бы измѣной Христу, измѣной своему дѣлу. Нѣтъ, участіе духовенства и его отзывчивость на явленія общественной жизни должно быть инымъ,—именно *христіанскимъ*, такъ какъ христіанство своимъ всеобъемлющимъ идеаломъ можетъ освѣщать и проникать во всѣ сферы жизни. Освѣщать явленія современной жизни по духу Христова ученія, съ точки зрѣнія Его вѣковѣчныхъ идеаловъ, исправлять то, что въ нихъ есть мрачнаго, противнаго высокому христіанскому идеалу,—такова задача пастыря по отношенію къ явленіямъ общественной жизни. Жизнь не стоитъ, формы ея постоянно мѣняются, и эти формы могутъ принимать различное направленіе по отношенію къ христіанству; многіе не въ состояніи даже разобраться въ нихъ: естественно, что со стороны духовенства многіе ждуть разъясненія ихъ, и разъ не находятъ этого, то отчасти вправѣ будутъ упрекать духовенство, что оно слишкомъ замкнуто, чуждается интересовъ живой дѣйствительности; наоборотъ, вниманіемъ къ

¹⁾ Штейнъ. 625.

явленіямъ общественной жизни и ея запросамъ духовенство невольно привлекаетъ вниманіе общества, открываетъ себѣ возможность самаго широкаго вліянія. Трудно напередъ указать, какія явленія заслуживаютъ особеннаго вниманія со стороны пастыря: сама жизнь и собственная опытность подскажутъ ему, какія явленія требуютъ его авторитетнаго голоса; сюда могутъ быть отнесены: вопросы школы и воспитанія, благоустройство семьи, реформы въ различныхъ сферахъ жизни, выдающіяся преступленія, характеризующія общественную жизнь, общественныя бѣдствія; въ деревнѣ вниманіе священника могутъ привлекать такія явленія, какъ невѣжество, господство въ деревнѣ кулаковъ, деспотизмъ и жестокость въ семьѣ, кулачная расправа, сѣченіе розгами, разгуль и т. д. Вліяніе духовенства на общественную жизнь могло-бы, по мнѣнію нѣкоторыхъ, особенно развиться и усилиться чрезъ „возрожденіе прихода“, чрезъ „обновленіе православнаго церковно-общественнаго строя“; вопросъ объ этомъ настолько важенъ, такъ занимаетъ время отъ времени нашу періодическую печать, что на немъ необходимо остановиться и рассмотреть его болѣе обстоятельно. Знатокомъ этого вопроса въ настоящее время нужно считать г. Папкова, такъ какъ онъ всю жизнь посвятилъ на изученіе этого вопроса; въ іюньской книгѣ „Русскаго Вѣстника“ 1902 года имъ была напечатана статья подъ заглавіемъ: „Необходимость обновленія церковно-общественнаго строя“, представляющая конечные выводы его изслѣдованій примѣнительно къ настоящимъ условіямъ жизни народа. Погосты—приходы въ древней Руси имѣли правительственное значеніе: они являлись низшей земскою единицею, имѣвшей не только религіозно-церковныя отправления, но отправлявшей вмѣстѣ съ тѣмъ государственныя и общественныя подати и повинности: древне-русскій приходъ былъ ячейкой государственнаго и церковнаго организма, ячейкой территоріальной и юридической. Древне-русскому приходу принадлежали слѣдующія прерогативы: избраніе всѣми прихожанами своего духовнаго отца,

право вступленія общины съ послѣднимъ въ договоръ относительно содержанія, избраніе отъ себя представителя въ дѣлахъ церковно-приходскихъ. Община устраивала за счетъ добротныхъ подаяній больницы, воспитательные дома, дома для духовенства. Таковъ былъ древне-русскій приходъ. Подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ историческихъ условій приходъ началъ терять свою жизнеспособность: „ полное закрѣпощеніе крестьянъ и распространеніе среди нихъ раскола, а среди образованныхъ людей, отрѣшенныхъ отъ народа, невѣрія, скептицизма и сектантства подрывали значительно устои нашей церковности. Наша церковная община теряла свою жизнеспособность“ ¹⁾. Главная задача, которую долженъ преслѣдовать *возрожденный приходъ*—есть возстановленіе христіанской общительности между членами прихода, при чемъ сближеніе интеллигенціи съ духовенствомъ, произойдетъ, по мнѣнію Папкова, *не на почвѣ догматическихъ разсужденій (!?)*, а на почвѣ общаго добраго дѣла: учрежденіе приходскихъ собраній, воспитаніе дѣтей, развитіе приходской благотворительности, братское назиданіе, иногда и братскій судъ—вотъ тѣ функціи, какія могъ-бы отправлять возрожденный приходъ. Церковная община положила бы, наконецъ, предѣлъ развитію раскола, а во дни народныхъ бѣдствій развила-бы взаимопомощь. Таковы въ общихъ чертахъ взгляды Папкова на церковную общину и ея задачи: община—по нему—должна быть юридическою, территоріальною, а вмѣстѣ церковною единицею; цѣль ея—возрожденіе жизни церковной. Ратуя за приходъ, какъ юридическую и территоріальную единицу, Папковъ очевидно гоняется за формою, что и было ему справедливо указано въ „Московск. Вѣдомостяхъ“ въ статьѣ „Приходскій Вопросъ“ ²⁾.

Авторъ этой статьи пишетъ: „ хотя мы не отрицаемъ значенія формъ и учреждений, но не можемъ не относиться съ опасеніемъ ко всякому исключительному увлеченію ими

¹⁾ Необходимость обновленія православнаго церковно-обществ. строя. Папкова (отдѣльн. оттискъ) стр. 18.

²⁾ № 237. Церковный вопросъ.

и особенно въ томъ, что касается религіозной жизни народа, ибо вѣра въ формы именно есть выраженіе духа внѣрелигіознаго. Въ современной Россіи эта вѣра въ формы доходитъ до самаго крайняго преувеличенія и, конечно, не такимъ духомъ можно оживить нашу церковную жизнь“¹⁾. Что дѣйствительно Папковъ прежде всего гоняется за внѣшнюю сторону, юридическую, это видно изъ того, что онъ особенно много посвящаетъ вниманія вопросу о церковныхъ имуществвахъ и доходахъ; даже какъ будто такъ выходитъ, что стоитъ только допустить къ нимъ общину, какъ всѣ раны приходской жизни уврачуются. Не матеріальныя и экономическія причины, не юридическія права опредѣляютъ характеръ человѣка и направленіе его жизни и дѣятельности, не они же способны соединить людей во едино, въ прочный союзъ. Желая отстоять свою излюбленную идею, Папковъ нѣсколько идеализируетъ прошлое на счетъ настоящаго. Выборъ духовенства самимъ же приходомъ, что практиковалось въ старину, отчасти практикуется и теперь: пусть тотъ или другой приходъ проситъ епархіальную власть о назначеніи извѣстнаго имъ кандидата во священники—и разъ такое рекомендуемое лицо удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ, епархіальный архіерей можетъ не отказать исполнить его просьбу. И теперь бывають примѣры, что наши крестьяне просятъ назначить къ нимъ преемникомъ умершаго священника его сына, и такія просьбы, по мѣрѣ возможности, исполняются. Ясно, впрочемъ, что эта мѣра не можетъ быть общепринятой: настоящее время требуетъ пастырей образованныхъ, а община не всегда можетъ имѣть таковыхъ кандидатовъ; при выборномъ началѣ возможны злоупотребленія со стороны прихожанъ, подкупы виномъ и т. д. Наконецъ, приходъ никогда не лишается права выражать свое недовольство лицами духовными, и разъ претензіи законны, то конечно ихъ исполнять. Церковныя суммы и въ настоящее время находятся подъ контролемъ общины, въ лицѣ ея представителя—цер-

¹⁾ № 237. Церковный вопросъ.

ковнаго ктиторa. Сближеніе съ интеллигенціей на почвѣ добраго дѣла возможно и въ настоящее время въ различныхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ.

Вообще изъ всѣхъ благопожеланій г. Папкова относительно возрожденнаго прихода самымъ важнымъ является развитіе общительности между членами прихода,—а такое возрожденіе прихода возможно и въ настоящее время, при наличныхъ условіяхъ жизни. Образование въ приходѣ кружковъ съ религіозно-нравственными цѣлями, какъ на примѣръ, нравственныхъ союзовъ съ цѣлію борьбы съ пороками, миссіонерскихъ братствъ, попечительствъ о приходскихъ бѣдныхъ—возможность всѣхъ подобныхъ учрежденій зависитъ вполне отъ священника, отъ его личной инициативы и энергіи. И нѣтъ надобности хлопотать о возрожденіи прихода, о выборномъ началѣ для духовенства, о юридическихъ правахъ для приходской общины. Сближеніе и тѣсная связь прихожанъ, какъ между собою, такъ и съ пастыремъ, можетъ явиться на почвѣ одной какой-нибудь спеціальной цѣли, а затѣмъ задачи кружка, разъ онъ привьется въ приходѣ, могутъ быть расширяемы; такой кружокъ, особенно если онъ привлечетъ къ себѣ большинство членовъ прихода, постепенно развиваясь, захватитъ всѣ тѣ функціи, какія усволяетъ г. Папковъ возрожденному приходу. В. Дорощевъ, разбирая статью г. Папкова въ „Душеполезномъ чтеніи“ совершенно резонно обращаетъ его вниманіе на приходскія попечительства при православныхъ церквяхъ, высочайше утвержденныя въ 1884 году. „Если цѣли, поставленныя попечительствомъ, говоритъ Дорощевъ, совпадаютъ съ тѣми, которыя г. Папковъ ставитъ „возрожденному приходу“, если организація ихъ значительно совпадаетъ съ „проектомъ постановленія“ нашего автора,—почему же г. Папкову въ своихъ цѣляхъ не остановиться бы на установленной закономъ формѣ попечительствъ? Однако онъ ихъ въ своей статьѣ совершенно замалчиваетъ“.

1) Душеполезное чт. Октябрь 1902 г.

Приходскія попечительства заслуживаютъ со стороны духовенства самого серьезнаго вниманія. Попечительства эти являются прежде всего учрежденіями благотворительными: удовлетвореніе нуждъ тѣлесныхъ, облегченіе человѣческихъ страданій уже съ первыхъ временъ составляло одно изъ видныхъ отправленій церковной жизни: общеніе имѣній, общая касса давала для этого средства. Современная жизнь, съ ея поразительными контрастами богатства и бѣдности, нужда матеріальная, какую переживаютъ многіе изъ прихожанъ, указываютъ пастырямъ, призваннымъ пещись о благѣ ближнихъ, что помощь бѣднымъ должна быть для нихъ дѣломъ близкимъ, дорогимъ. Священникъ можетъ дѣйствовать здѣсь различно, или единолично помогая бѣднымъ, или своимъ словомъ и примѣромъ приглашая людей богатыхъ помочь бѣднякамъ, или же, наконецъ, устраивая организованную, общественную помощь, къ чему призываетъ его и законъ „Положеніемъ о приходскихъ попечительствахъ при православныхъ Церквахъ, Высочайше утвержденнымъ 2 Августа 1864 года“. Приходскія попечительства, какъ учрежденія благотворительныя, обладаютъ многими существенными преимуществами предъ благотворительностію частною: бѣдность и нищета въ наше время прогрессивно растутъ, какъ въ деревнѣ, такъ особенно въ городѣ, гдѣ классъ пролетаріевъ все больше увеличивается. Это такое бѣдствіе, съ которымъ единицамъ бороться невозможно: необходима общественная организованная помощь. Попечительства дѣлаютъ возможнымъ направлять благотворительность туда именно, гдѣ въ ней всего больше нуждаются: не мало есть людей, лишившихся по неблагопріятнымъ обстоятельствамъ всего достатка, и идти съ протянутою рукою стыдящихся, — нужно умѣть отгадывать, какъ говоритъ Амвросій Медиоланскій, краспѣющую отъ стыда бѣдность; знать о такихъ лицахъ, помочь имъ въ той или другой деликатной формѣ можетъ попечительный совѣтъ. Вызвать къ жизни приходскія попечительства, привлечь къ участию въ нихъ, по возможности, весь приходъ—все это въ

значительной степени зависит отъ священника, его личной энергии и труда. Приходскія попечительства, сближая отдѣльныхъ членовъ прихода какъ между собою, такъ и съ духовенствомъ, воспитывая въ нихъ чувство солидарности, вмѣстѣ съ тѣмъ готовятъ почву для образованія и другихъ кружковъ въ приходѣ съ религіозными цѣлями: на-ряду съ попечительствами, или изъ самыхъ попечительствъ могутъ возникать общества трезвости, религіозно-нравственные союзы, миссіонерскіе кружки; само собою понятно, что такіе кружки могутъ возникать и самостоятельно, но попечительства будутъ готовить для нихъ почву.

Вообще, обращая вниманіе на матеріальныя нужды своего прихода, облегчая по возможности тѣлесныя страданія ближняго, духовенство тѣмъ самымъ пріобрѣтетъ расположеніе народа, довѣріе его къ себѣ, тѣснѣе сблизится съ нимъ. Гдѣ и что можно сдѣлать въ этой области—это укажетъ пастырю самъ приходъ, близкое ознакомленіе съ его состояніемъ.

В. Пестряковъ.

¹⁾ Leunclavii. Ius Graeco-romanum. Francofurti. 1596, t. I, pag. 328.

Богослужебныя одежды священно-церковно-служителей.

Низшіе клирики древней византійской церкви, какъ то: кандиланты, депотаты, еклики, наблюдатели за церковными дверями и порядкомъ въ храмѣ (θεωροί), богоносцы (βασταγάρις), пѣвцы различныхъ возрастовъ, находившіеся въ штатахъ церковныхъ и набираемые изъ сиротъ-воспитательныхъ домовъ (τὰ ὀρφανὰ), чтецы и др., при исполненіи возложенныхъ на нихъ обязанностей въ храмѣ и во время религіозныхъ процессій виѣ его, надѣвали сверхъ иматія или гиматія, такъ называемый, *камисій* (καμίσιον) и краткую или малую *фелонь* (φελώνιον, φαινόλιον). Употребленіе перваго одѣянія было для многихъ изъ названныхъ нами лицъ церковнаго клира настолько обязательно и естественно, что они, какъ свидѣтельствуемъ Іоаннъ, епископъ китрскій, жившій около 1204 года, и именовались по этому богослужебному одѣянію не иначе, какъ *камисатами*—καμισάτοι¹⁾.

¹⁾ Leunclavii. Ius Graeco-romanum. Francofurti. 1596, t. I, pag. 328.

Камисій ¹⁾, какъ это можно судить по изображеніямъ святыхъ чтецовъ и вообще низшихъ клириковъ въ извѣстномъ лицевомъ Мѣсяцесловѣ византійскаго императора Василия II Македонянина († 1025) и на основаніи описанія одѣянія пѣвцовъ Софійскаго храма, сдѣланнаго очевидцемъ, нашимъ путешественникомъ въ Константинополь въ концѣ XIV вѣка діакономъ Игнатіемъ Смолняниновымъ, который сопутствовалъ туда русскому митрополиту Пимену, представлялъ изъ себя длинную широкую бѣлую или пурпурную одежду на подобіе рубашки, покрывавшую все тѣло носящаго ее отъ головы до пятъ и имѣвшую широкіе и длинные рукава, стягивавшіеся у самыхъ кистей руки ²⁾. „Пѣвци же стояху украшени чудно, пишетъ діаконовъ Игнатій, *ризы импѣяху, аки стихарии, широкии и долги, а вси опоясани, рукава же ризъ ихъ широкии и долги, ови камчати, ови шидны* (вариантъ: шидяны), наплечши съ златомъ и круживомъ. Старѣйшій ихъ бѣ красенъ, аки снѣгъ бѣлъ... На главахъ ихъ оскрилци (воскрыльцы остры ³⁾ со

¹⁾ *Камисій* низшихъ церковно-служителей византійской церкви, выродившійся непосредственно изъ греко-римской *tunica tolaris* или *τοδῆρης*, былъ не только принадлежностію священно-церковно-служителей, но входилъ въ гардеробъ многихъ придворныхъ сановниковъ, какъ напр., аневпатовъ, патрициевъ, остіаріевъ, кувкуляріевъ, протоспааріевъ, официаловъ, хартуларіевъ, нотаріевъ и др. (Mign. Patrol. curs. complet. t. 112, col. 1065—1068), именуясь иногда у нѣкоторыхъ изъ нихъ, напр., у еввуховъ-протоспааріевъ, примикіріевъ и магистровъ, *стихарями* (Ibid. col. 1065). Одни изъ этихъ придворныхъ чиновъ имѣли на себѣ поверхъ камисіи верхнія одежды, а другіе только камисіи, подпоясанный мечемъ.

²⁾ Описание древняго *камисіи*, какъ богослужебной одежды, имѣется у блаженнаго Иеронима въ его письмѣ къ Фабіолу „объ одеждѣ священнической“. Твор. блаж. Иеронима Стридонскаго. Кіевъ. 1879, ч. 2, стр. 180.

³⁾ Проф. Е. Е. Голубинскій. Эти „воскрыльцы“ считаетъ „острокопечными скуфьями“ (Истор. русской церкви т. I, пол. II, стр. 233). У Кодина эти „воскрыльцы“ называются „ἐπιρρεπταριζ“ (Mign. Patr. curs. complet. t. 127, col. 62, 77). Мѣсто это у Кодина весьма любопытно и заслуживаетъ быть приведеннымъ здѣсь цѣликомъ, такъ какъ оно дословно почти сходится съ рассказомъ объ одѣяніи пѣвцовъ діакона Игнатія Смолнянинова. „Οἱ δὲ ἀναγνώσται μέσον τοῦ τριχλίνου κατὰ πρόσωπον τοῦ βασιλέως, описываетъ онъ обѣдъ во дворцѣ въ канунъ Рождества

златомъ и съ бисеромъ и съ круживомъ“¹⁾. Но это *камисій* позднѣйшаго времени и, быть можетъ, парадный, надѣвавшійся въ исключительныхъ случаяхъ, какъ напр., при коронаціи императоровъ, какъ это было въ 1390 году при коронованіи императора Мануила, въ пріѣздъ нашихъ русскихъ путешественниковъ митрополита Пимена и діакона Игнатія, по въ большинствѣ случаевъ *камисій* былъ простою *льняною* нижнею одеждою безъ всякихъ украшеній, какъ это ясно можно видѣть и изъ лицеваго Мѣсяцеслова Василия II Македонянина²⁾ и изъ памятниковъ византійской придворной жизни. По Обряднику императора Константина, въ *камисіяхъ* приглашались пѣвцы и анагносты во дворецъ³⁾ на обѣдъ въ числѣ прочихъ гостей; это же одѣяніе въ подобныхъ случаяхъ

Христова, μετὰ τῶν ἱματίων καὶ ἐπιρῥιπταρίων αὐτῶν, φοροῦντες καὶ χαρίσια ἐπάνω τῶν ἱματίων· ὁ μὲντοι πρωτοψάλτης καὶ ὁ δευτέριχος λευκά... ὁ μαῖστωρ καὶ πάντες οἱ ψάλται πορφύρα“ (Ibid. p. 61).

¹⁾ Прав. Палест. Сборн. т. IV, в. III, стр. 14.

²⁾ *Albani*. Menologium Graecorum jussu Basilii imperatoris, Urbini 1737, pars I, pag. 67, 141, 210; pars II, p. 25, 131, 137, 140, 142, 180, 195; М. и В. *Успенскіе*. Лицевой Мѣсяцесловъ греческаго императора Василия II. Сентябрь м. СПб. 1902, стр. 35, 65 и др. Наиболѣе интересною миньятюрою для знакомства съ устройствомъ древняго камисія въ этомъ памятникѣ мы считаемъ миньятюру праздника воздвиженія Креста Господня. Такъ какъ на ней изображенъ несомнѣнно обрядъ воздвиженія креста, практиковавшійся въ Великой константинопольской церкви, то окружающіи патріарха, воздвизающаго крестъ на амвонѣ, лица — несомнѣнно клирики этой церкви и одѣты въ одежды, имъ присвоенныя. По Типикону Великой церкви, патріархъ воздвизаетъ крестъ, будучи поддерживаемъ двумя *екдиками*, которые были низшими клириками церкви и одѣвались въ *камисіи* и *фелони*. На ступенькахъ амвона стоятъ два діакона и поютъ во время воздвиженія креста: „Κόρυς ἐλέησον“ вмѣстѣ съ народомъ. На описываемой миньятюрѣ и оба эти діакона одѣты также въ камисіи и фелони. По чину, за патріархомъ долженъ находиться синкеллъ изъ рукоположенныхъ въ санъ діакона, который обязанъ стоять сзади патріарха, но имѣется-ли онъ въ этой миньятюрѣ на лицо сказать затруднительно (Реп. корол. Дрезден. библ. № 140 л. 142 об.). Одно несомнѣнно, что всѣ окружающіи патріарха лица изображены въ бѣлыхъ камисіяхъ и пурпурныхъ краткихъ фелоняхъ.

³⁾ Mign. Patrol. Curs. complet. t. 112, col. 1381.

имѣли на себѣ и діаконы ¹⁾). Доместики пѣвцовъ, появившіеся во дворець, чтобы вмѣстѣ съ пѣвцами дивнымъ пѣніемъ стихирь улаждать слухъ приглашенныхъ на обѣдъ, надѣвали на себя не только камисіи, но и фелони ²⁾ *благое цвѣта* (λευκῶν φελονίων или λευχημονοῦντας). Г. Кодинъ въ „De officiis“, описывая обряды императорскаго двора своего времени, говоритъ также о томъ, что пѣвцы во дворець императоровъ являлись за царскій столъ для исполненія своихъ обязанностей въ *камисіяхъ* поверхъ иматія и въ покрывалахъ на главахъ, при чемъ доместикъ и протосалтъ были одѣты въ *камисіи бѣлыя* (λευκὰ χαμίσια), а прочіе всѣ пѣвцы *въ камисіи багрянаго цвѣта* (πορφυρᾶ ³⁾). Несомнѣнно камисіи имѣютъ въ виду и литургическіе памятники южно-славянскаго происхожденія XVI вѣка. Въ „последованіи на поставленіе чѣтца и пѣвца и въсакого книжочіа или инни кои прѣмудрости“ говорится, что, по постриженіи епископомъ и клириками „въ сѣдалищи церковнѣ“, поставляемый въ это званіе „накъ приводитсе къ превъщенникоу іетъ и въземъ *льняною одѣждоу и одѣваетъ іего*“ ⁴⁾. Эта бѣлая льняная одежда въ другихъ чинахъ поставленія низшихъ клириковъ называется „τῆν τετοπωμένην στολήν“ ⁵⁾ — уставленнымъ одѣяніемъ“ ⁶⁾ или „прображенною одеждою“ ⁷⁾. Едва ли, впрочемъ, можно отрицать и то, что къ XVI вѣку „льняною одеждою“, или „льнѣицѣю“ южно-славянскіе чины называютъ уже и малую фелонь, въ

¹⁾ Ibid. col. 1401.

²⁾ Ibid. col. 1381—1384.

³⁾ Ibid. t. 127 col. 62—64, 77.

⁴⁾ Венеціанскіе Служебники 1538 и 1570 (Христ. Чтен. 1889 т. I, стр. 388); Рки. молдовлах. Треби. 1532 года библ. Солов. м. (нынѣ Казан. дух. Акад.) № 709 (1015) (П. Сырку. Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи въ XIV в. СПб. 1890, т. I, стр. 110; см. стр. 111).

⁵⁾ А. Дмитріевскій. Описан. литург. рки. т. II, Εὐχολόγια стр. 436, 642, 692; Goar. Εὐχολ. pag. 198 not.

⁶⁾ Христ. Чтен. 1889, т. I, стр. 382.

⁷⁾ П. Сырку. Къ исторіи исправл. кн. въ Болгаріи въ XIV в. т. I, стр. 110.

которую облекали въ это время не только низшихъ клириковъ, но даже и иподіаконовъ¹⁾.

Такъ какъ *камисій* былъ одеждою длинною и широкою, а обязанность низшихъ клириковъ Церкви состоитъ въ быстромъ выполненіи возлагаемыхъ на нихъ порученій при богослуженіяхъ, литаніяхъ и выходахъ, имѣющихъ церковно-религіозный характеръ, то для удобства въ движеніяхъ своихъ они всегда носили эти камисіи *подпоясанными*²⁾. Кандиданты Великой константинопольской церкви отправляли свою обязанность, какъ выражается Типиконъ, „*μετὰ χαρισίῳ λευκοῦ ἐζωσμένοι*“³⁾. Пѣвцы софійскаго храма при коронаціи императора Мануила въ 1390 году, по словамъ діакона Игнатія Смолнянинова, были „*все опоясани*“⁴⁾. Въ такомъ видѣ изображаются въ Менологіи императора Василія Македонянина клирики, окружающіе патріарха въ обрядѣ воздвиженія⁵⁾, во многихъ сценахъ погребеній святыхъ, въ перенесеніи ихъ мощей и въ литаніяхъ⁶⁾. Опоясывались камисіи тонкимъ шнуромъ, который въ памятникахъ литургическихъ южно-славянскаго богослуженія называется *пояскомъ*⁷⁾, а въ нашемъ архіерейскомъ Чиновникѣ „*стихарнымъ поясомъ*“⁸⁾.

Верхнею одеждою низшихъ клириковъ, въ которой они главнымъ образомъ отправляли свои обязанности, была *краткая фелонь* (*φελώνιον* или *φαινόλιον*). „Своеобразную форму древней клирической фелони, по словамъ академика Е. Е.

¹⁾ Тамъ же стр. 111.

²⁾ Придворные византійскіе чиновники, надѣвавшіе стихари и камисіи въ качествѣ нижней одежды, *подпоясывали* ихъ также особыми поясами, которые называются *τὰ βλατίδια*. (Mign. Patrol. curs. complet. t. 112, col. 492, 1093).

³⁾ Ркп. корол. Дрезден. библ. № 140 л. 5.

⁴⁾ Прав. Палест. сборн. т. IV, в. III, стр. 14.

⁵⁾ Albani. Menologium Graecorum pars I, pag. 67; pars II, pag. 137; М. и В. Успенскіе. Лицевой Мѣсяц. греческ. имп. Василія II, м. сентябрь, стр. 35.

⁶⁾ Ibid. pars II, p. 123, 137, 140; тамъ же стр. 35, 65.

⁷⁾ Христ. Чтен. 1889, ч. I, стр. 392, прим.

⁸⁾ Чиновн. арх. священнослуж. м. 1897, л. 130.

Голубинскаго, описать вразумительно довольно трудно. Кто видѣлъ католическія священническія ризы (точнѣе сказать, *казулу*, надѣваемую во время литургіи священникомъ, такъ какъ *pluviale* или *supergellicium* въ настоящее сравненіе идти не могутъ), тому мы просто скажемъ, что малая фелонь, какъ она является въ Менологіи, весьма похожа на эти ризы; кто не видалъ этихъ ризъ, тотъ пусть вообразить себѣ широкій мѣшокъ, пусть на днѣ его сдѣлаетъ такое отверстіе, чтобы въ него могла войти голова, пусть надѣнетъ его на себя въ это отверстіе, затѣмъ съ обѣихъ сторонъ, начиная отъ спуска съ плечъ, пусть разрѣжетъ его до низу; чрезъ это получится одежда, налѣтая на шею и висящая спереди и сзади въ видѣ двухъ отдѣльныхъ платовъ,—это приблизительно и будетъ малая фелонь въ томъ видѣ, какъ мы ее находимъ въ Менологіи императора Василия. О происхожденіи формы мы, заключаемъ нашъ историкъ, ничего не можемъ сказать¹⁾. Дѣйствительно, въ Менологіи императора Василия можно видѣть краткія фелони описанной проф. Голубинскимъ формы²⁾, по рядомъ съ этою формою малой фелони здѣсь же можно находить и другія, которыя весьма напоминаютъ современные намъ краткія фелони клириковъ или же священническія обычныя фелони, но въ значительно укороченномъ видѣ³⁾. Изображенія въ Менологіи имп. Василия II этихъ фелоней, устроившихся въ древности изъ тонкихъ матеріаловъ—льна (*ἐκ λινῶδ*⁴⁾), шелка

¹⁾ Истор. русской церкви т. I, полов. II, стр. 228—229.

²⁾ М. и В. Успенскіе. Лицевой Мѣсяц. имп. Василия II. м. сентябрь, стр. 35; Albani. Menologium Graecorum pars I, p. 141; pars II, p. 25. По всей вѣроятности, имѣя въ виду фелони этой формы, Свинець и считаетъ слова *φαίνωλιον* и *φαίνωλης* составными изъ *φαίνεσθαι* и *ὄλον* и означающими такую одежду, изъ подъ которой былъ видѣнъ весь чловѣкъ (I. Caspari Suiceri. *Tesaurus ecclesiasticus*, t. II, col. 1422).

³⁾ Тамъ же стр. 35, 65. Среди изображеній св. чтецовъ въ Менологіи мы находимъ подъ 16 января изображеніе чтеца *Данакта* даже въ длинной священнической фелони (Albani. *Menologium Graecorum* pars II, p. 113).

⁴⁾ Mign. *Patrol. curs. complet.* t. 155, col. 396.

(μεταξωτοῦ ¹) и, въ рѣдкихъ случаяхъ, изъ золотой парчи (χρυσοῦν ²), ясно показываютъ, что онѣ легко и свободно собирались на плечи надѣвавшихъ ихъ, въ видѣ красивыхъ складокъ, когда являлась необходимость имѣть руки свободными и открытыми, и легко спускались, если такой надобности не предвидѣлось, покрывая всю верхнюю часть тѣла до самаго пояса, а иногда даже и ниже. Такова, напр., краткая фелонь, надѣтая на діаконѣ ³), держащемъ при персяхъ евангеліе, а въ другой рукѣ кадило, въ миньютюрѣ, изображающей крестный ходъ по случаю землетрясенія, бывшаго въ Константинополѣ при Θεодосίῳ II 25 сентября мѣсяца 447 года: здѣсь лѣвая сторона фелони опущена, а правая лежитъ на плечѣ ⁴). „И облекоша царя, по словамъ діакона Игнатія Смолнянина, въ (священный) *фелонецъ малъ, до пояса, багрянъ* (еже есть ризлицы малы багряны точію до пояса), и иде царь на выходъ, свѣща въ руцѣ держа“ ⁵).

Цвѣтъ матерій, изъ которыхъ устроились эти фелони, былъ различный: преобладалъ цвѣтъ бѣлый, нерѣдко появлялся пурпуровый и изрѣдка черныи. Впрочемъ, въ Менологіи императора Василія Македонянина господствуетъ этотъ послѣдній цвѣтъ, но это зависитъ отъ фотографическаго аппарата, который не можетъ передавать иначе темные цвѣта.

Краткія или малыя фелони были необходимою принадлежностію низшихъ клириковъ, при исполненіи ими своихъ обязанностей въ храмѣ. „Не должно пѣть въ церкви другимъ какимъ либо пѣвцамъ, говоритъ 15 правило лаодикійскаго

¹) А. Дмитриевскій. Описан. литург. рки. т. I, ч. I, Толкѣа, стр. 166.

²) Mign. Patrol. curs. complet. t. 157, col. 108, 109.

³) По объясненію Іоанна, епископа кирскаго, въ отвѣтахъ на вопросы Константина, архіепископа диррахійскаго, Кавасилы, *носитъ евангеліе на лѣвѣйшѣхъ* и произноситъ при этомъ ектеніи *лежало на обязанности второго* (τοῦ δευτερεῦοντος τῶν διακόνων) *діакона* (Leuclavii. Ius Graecorum t. I, pag 327).

⁴) М. и В. Успенскіе. Лицевой Мѣсяцесловъ имп. Василія II, м. сентябрь, стр. 65; Albani. Menologium Graecorum pars I, p. 67.

⁵) Прав. Палест. сборн. т. IV, в. III, стр. 16.

собора, кромѣ пѣвцовъ клириковъ, восходящихъ на амвонъ и поющихъ въ фелоняхъ“ (ἀπὸ διεφθέραις ἤτοι φελωνίου). Таковой, впрочемъ, смыслъ этому правилу даютъ византійскій канонистъ XII вѣка Аристинъ¹⁾, правила нашего владимірскаго собора 1274 года²⁾ и наша славянская Кормчая³⁾. Что же касается другихъ толкователей, то въ „*διεφθέραις*“ они хотятъ видѣть указаніе на кожанныя книги, по которымъ пѣли на амвонѣ пѣвцы⁴⁾, но такое толкованіе, по нашему мнѣнію, не отвѣчаетъ дѣйствительному положенію вещей въ церковной богослужбной практикѣ. Указаній на то, чтобы пѣвцы пѣли по *кожаннымъ* книгамъ (а почему, въ самомъ дѣлѣ, они не могли пѣть по книгамъ, писаннымъ на папирусѣ, берестѣ и тому подобныхъ матеріалахъ?) въ литургическихъ и каноническихъ памятникахъ не имѣется, тогда какъ о краткихъ фелоняхъ чтецовъ и пѣвцовъ говорятъ эти памятники весьма часто и отмѣчаютъ обстоятельно, когда пѣвцы восходятъ на амвонъ въ одномъ камисіи безъ фелони⁵⁾, напр., послѣ совершенія чина крещенія оглашенныхъ и по приведеніи новопросвѣщенныхъ изъ крещальни въ храмъ и т. п. Такъ какъ краткая фелонъ въ памятникахъ иногда называется и *μαντιέю*⁶⁾, то низшіе клирики получаютъ поѣтому названіе, по

1) Πότλη καὶ Ῥάλλη. Σύγγραμμα τῶν θεῶν καὶ ἱερῶν κανόνων ἐν Ἀθήναις. 1853, τ. γ', σελ. 185.

2) Русск. истор. библ. т. VI, ст. 98—99, 91—92, 105.

3) „Безъ *малыхъ ризицъ* нѣчтоже на амвонѣ да не въздеть. Толкованіе. Не подобаетъ на амвонѣ взыти никомуже, ни пѣти, ни людемъ божественная словеса прочитати, аще священническаго постриженія на главѣ не имать, и благословенія отъ своего пастыря, по святымъ правиламъ, не будетъ пріялъ. *Аще же и пріялъ будетъ, обаче таковому нѣсть инако пѣти или чести на амвонѣ, аще не облечется въ малыя ризицы. Малыя же ризицы иаколются дифтера или фелонъ*“ (Кормч., изд. М. 1810, ч. I, л. 53).

4) Πότλη καὶ Ῥάλλη. Σύγγραμμα κανόνων τ. γ', σελ. 184—185; Сн. Дѣянія девяти помѣстныхъ соборовъ. Каз. 1878, стр. 51

5) Рки. Дрезд. корол. библ. № 140, л. 132 об., 133; Описан. литург. рки. т. I, ч. I, Τοπικά, стр. 134.

6) Leuclavii. Ius Graecoromanum t. I, pag. 328; Mign. Patrol. curs.

словамъ Іоанна, епископа китрскаго, „μανδουφοροῦντες“¹⁾. Въ краткихъ фелоняхъ появлялись за императорскимъ столомъ для исполненія своихъ обязанностей domestici пѣвцовъ, чтобы слухъ сотрапезниковъ императора услаждать пѣніемъ гимновъ и тропарей²⁾. Эти же фелони надѣвали на себя діаконы или архонты Великой церкви, при исполненіи своихъ обязанностей.³⁾ архидіаконъ Великой константинопольской церкви⁴⁾, епископы⁵⁾ и пресвитеры⁶⁾, какъ это видно изъ Менологіи императора Василія II, во время крестныхъ ходовъ или совершенія литаній, при погребеніяхъ и вообще тогда, когда большія фелони могли стѣснятъ въ движеніяхъ священнослужителей. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что іерархи, архимандриты, игумены, пресвитеры и діаконы-архонты, являвшіеся, по этикету, во дворецъ императоровъ на парадные обѣды имѣли на себѣ этого рода фелони⁷⁾, такъ какъ, въ виду своей легкости, они съ большимъ удобствомъ могли быть собираемы въ красивыя складки на плечи и дѣлали, такимъ образомъ, руки ихъ совершенно свободными. Фелони длинныя, устрояемыя изъ дорогихъ и тяжелыхъ матерій, покрывавшія все туловище чловѣка спереди и сзади отъ шеи до самыхъ пятокъ, надѣвались епископами и пресвитерами лишь въ тор-

complet. t. 127, col. 108, 109. Въ Обрядникѣ императора Константина Порфиророднаго такая же мантия называется хламидою (χλαμίδς) (Mign. Patrol. curs. complet. t. 112, col. 168, 437, 411), и ее императоръ надѣваетъ, при исполненіи обязанностей депотата.

¹⁾ Leuclavii. Ius Graecoromanum t. I, pag. 328.

²⁾ Mign. Patrol. curs. complet. t. 112 col. 1381, 1384.

³⁾ А. Дмитріевскій. Описан. литург. ркп. т. II, Εὐχολόγια, стр. 319.

⁴⁾ Mign. Patrol. curs. complet. t. 157, col. 84. Архонты и архидіаконъ носили фелони, по выраженію Кодина, „ὥς καὶ πρότερον κατὰ ἱερεὺς ἐφόρει, οὐ μὴν καὶ ἐπιτροχῆλιον, ἀλλ' ὠρίον“.

⁵⁾ Albani. Menologium Graecorum pars I, pag. 67, 102; pars II, pag. 17; М. и В. Успенскіе. Лицевой Мѣсяцесловъ имп. Василія II, м. сентябрь, стр. 65.

⁶⁾ Ibid. pars I, pag. 146, 192, 210; pars II, pag. 93, 128, 131, 140, 137; тамъ же стр. 65.

⁷⁾ Mign. Patrol. curs. complet. t. 112, col. 1381, 1401.

жественныхъ богослуженiяхъ въ храмахъ, гдѣ передвиженiя съ мѣста на мѣсто были небольшiя и гдѣ въ положенiи священнослужителей требовались солидная важность и степенность. Для того, чтобы иногда имѣть руки свободными для благословенiй, напр., Св. Даровъ, народа и т. п., передъ фелони поднимался на руки, а для большаго еще удобства въ дѣйствiяхъ, при помощи петель у подола, на золотыя или серебряныя пуговики или фибулы, пришивавшiяся къ самымъ фелонямъ съ боковъ ¹⁾). Такiя колоколо-образныя фелони священниковъ употребляются въ богослужебной практикѣ православнаго Востока и до настоящаго времени, тогда какъ у насъ, въ Россiи, съ XVI столѣтiя, въ видахъ удобства священнослужителей, эти фелони начинаютъ принимать укороченный или вырѣзанный спереди видъ.

Устанавливая полное тожество между большими священническими фелонями и малыми клириковъ по формѣ, материалу и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже по употребленiю въ практикѣ, мы тѣмъ самымъ хотимъ сказать, что обѣ онѣ имѣли своимъ прототипомъ одежду, которую надѣвали классическiе греки и римляне сверху, выходя изъ дома въ дождливую, ненастную и холодную погоду, и которая у нихъ носила наименованiя *poenula*, *casula*, *planeta* и *φαινόλης*. Въ виду такого назначенiя своего эта одежда устроилась изъ толстой шерстяной матерiи, а иногда даже и изъ кожи ²⁾).

Проф. А. Дмитрiевскiй.

¹⁾ Образцы древнихъ епископскихъ и священническихъ длинныхъ фелонiй можно видѣть у кардинала Албани въ его „Menologium Graecorum jussu Basilii imperatoris“ pars I, p. 90, 129, 158; pars II, pag. 19, 50, 75, 94, 165, 250 et c.; М. и В. Успенскiе. Лицевой Мѣсяцъ греч. императора Василия II, м. сентябрь, стр. 7, 10, 19, 31, 34, 50, 51, 56, 74. У насъ въ Россiи такой формы священническiя фелони употреблялись съ древнѣйшаго времени до XVI столѣтiя (Древн. россiйск. государства отд. I, стр. 149, 151). Фелонь ир. Сергiя Радонежскаго († 1392), считая изъ грубой ткани, похожей на крашенину, темно-орѣховаго цвѣта, имѣеть спереди три серебряныя вызолоченныя пуговики, на кон, во время священнодѣйствiй, поднимали петли подола фелони (тамъ же стр. 151).

²⁾ О происхожденiи фелони см. выше § 5, стр. 27, прим. 1.

О записываніи въ метрическія книги незаконно-рожденныхъ.

Черниговская духовная консисторія, выслушавъ рапортъ одного изъ священниковъ черниговской епархіи, въ которомъ онъ проситъ, въ виду измѣненія узаконеній относительно незаконнорожденныхъ дѣтей, разъяснить ему, какъ записывать этихъ послѣднихъ въ метрическихъ книгахъ и можно ли въ графѣ „званіе, имя, отчество и фамилія родителей“ показывать настоящаго отца, если на то будетъ согласіе или просьба его опредѣлила: Припимая во вниманіе, что, на основаніи Высочайше утвержденныхъ правилъ о внѣбрачныхъ дѣтяхъ, эти послѣднія уже не именуется незаконнорожденными, при совершеніи метрической о рожденіи внѣбрачныхъ дѣтей записи, дѣтямъ этимъ можетъ быть присвоено отчество и заявленіе объ усвоеніи ребенку отчества должно исходить отъ матери, консисторія опредѣляетъ: разъяснить духовенству черниговской епархіи, чтобы, при записи внѣбрачныхъ дѣтей въ метрическія книги, впредь не именовали ихъ незаконнорожденными ни въ графѣ о родившихся ни въ графѣ о родилицѣ и, въ случаѣ заявленнаго при крещеніи внѣбрачнаго ребенка желанія присвоить ему отчество, причты обязаны вписывать таковое въ пятой графѣ (напр. Иванъ, а ниже Петровичъ, Степановичъ и т. д.); подобное заявленіе должно исходить отъ матери родившагося и должно быть письменное, — оно прилагается къ метрической записи въ книгѣ, скрѣпленной консисторіей.

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Д. Семинаріи, Архимандритъ Θεодосій.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 7 іюня 1903 г.

Предсѣдатель Комитета, проф. Академіи, прот. *І. Корольковъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLIV.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 23.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Невской
духовной Семинаріи.

1903 года, іюня 8-го.

Содержаніе: О приходскихъ попечительствахъ (изъ записокъ священ-
ника).—Соціальное христіанство на западѣ (окончаніе).—Богослу-
жебныя одежды священно-церковно-служителей (продолженіе).

О приходскихъ попечительствахъ.

(изъ записокъ священника).

Въ печать не разъ уже проникалъ слухъ, что Св. Синодъ
намѣренъ приступить къ пересмотру правилъ о приходскихъ
попечительствахъ при православныхъ церквахъ, но правила
эти до сихъ поръ не пересмотрѣны и въ дѣлѣ организациі
попечительствъ приходится руководствоваться довольно уста-
рѣвшими, Высочайше утвержденными въ 22-ой день августа
1864 года правилами.

Считаемъ своевременнымъ высказать нѣсколько посиль-
ныхъ соображеній по данному вопросу.

Какъ извѣстно, главною цѣлью учрежденія попечительствъ было—поднять усердіе прихожанъ къ благоустройству своего храма, школы, улучшеніе участи бѣдныхъ и больныхъ и вообще забота о нравственно-религіозной жизни прихода. Для проведенія въ жизнь прихода этихъ благихъ цѣлей въ каждой общинѣ долженъ быть учрежденъ совѣтъ, состоящій изъ непремѣнныхъ членовъ: приходскаго священника, сельскаго и церковнаго старосты, волостного старшины и нѣсколькихъ почетнѣйшихъ прихожанъ. Ближайшимъ источникомъ денежныхъ и вообще матеріальныхъ средствъ для приходскихъ попечительствъ полагаются добровольныя пожертвованія отъ прихожанъ и отъ постороннихъ. Еслибы таковыхъ пожертвованій оказывалось недостаточнымъ для удовлетворенія всѣхъ потребностей, то попечительство, по совѣщаніи съ почетнѣйшими прихожанами, составляетъ предположеніе о назначеніи опредѣленнаго сбора съ прихожанъ, одновременно или постоянно. Такое предположеніе предлагается на обсужденіе общаго собранія прихожанъ, при чемъ собраніе прихожанъ признается правильнымъ, когда въ немъ было не менѣе одной десятой части лицъ, имѣющихъ право въ немъ участвовать, и о послѣдовавшемъ рѣшеніи составляется приговоръ. Приговоры объ установленіи сбора признаются правильными, хотя-бы въ собраніи было и менѣе вышеозначеннаго числа лицъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что при учрежденіи приходскихъ попечительствъ имѣлось въ виду, для лучшаго достиженія намѣченныхъ для нихъ цѣлей, дать имъ самостоятельную организацію, въ общемъ независимую отъ другихъ лицъ и учреждений. Однако, не смотря на 30-лѣтній срокъ со времени Высочайше утвержденныхъ правилъ о нихъ, мы, къ сожалѣнію, должны констатировать тотъ прискорбный фактъ, что попечительства не привидись надлежащимъ образомъ въ приходскихъ общинахъ и болѣе числятся на бумагѣ, чѣмъ проявляютъ свою дѣятельность въ дѣйствительности. Что бы это могло значить? Какія причины могли затормозить столь желательную и полезную дѣятельность приходскихъ попечительствъ?

Прежде всего мы должны замѣтить, что изданіе правилъ о церковно-приходскихъ попечительствахъ появилось слишкомъ рано, а именно—вскорѣ послѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Нашъ народъ, находившійся до того времени въ вѣковой кабалѣ и не прирыкшій къ сознательной жизни и полезной дѣятельности, не могъ сразу оцѣнить по достоинству тѣхъ благихъ цѣлей, которыя въ своемъ поступательномъ развитіи имѣли преслѣдовать попечительства. Сѣрый людъ съ явнымъ недоброжелательствомъ встрѣтилъ предложеніе объ учрежденіи чего-то небывалаго дотолѣ и, разъ вырвавшись на свободу, посмотрѣлъ на новое дѣло, какъ на нѣчто крайне нежелательное, могущее снова закабалить его. Въ особенности, что могло оттолкнуть народъ отъ попечительствъ—такъ это то, что для поддержанія существованія ихъ и провленія полезной дѣятельности нужны были средства, которыя долженъ былъ дать тотъ же народъ, во время барщины обнищавшій и не успѣвшій стать еще прочно на ноги. А разъ новое дѣло встрѣтило на первыхъ порахъ такую оппозицію, оно и со-временемъ туго прививалось къ приходской жизни крестьянскихъ обществъ, а съ теченіемъ времени успѣли охладѣть пылъ и жажда полезной дѣятельности и у инициаторовъ этого дѣла.

Не малымъ тормазомъ къ прочной организаціи попечительствъ послужилъ также тотъ пунктъ „положенія“, въ которомъ сказано, что они должны заботиться „объ изысканіи средствъ для производства нужныхъ исправленій въ церковныхъ строеніяхъ и возведенія новыхъ, взамѣнъ пришедшихъ въ упадокъ“ (5 пун. 1 пр.). Такъ какъ спеціальныхъ средствъ на этотъ предметъ не было въ распоряженіи духовенства, то нѣкоторые приходскіе священники воспользовались въ широкой степени предоставленнымъ имъ правомъ и исключительно тратили суммы попечительства на церковно-строительныя нужды. Понятно, что при такомъ образѣ дѣйствій другія симпатичныя цѣли, какъ-то: устройство пріютовъ, богадѣленъ,

больницъ, выдача ссудъ и помощь неимущимъ прихожанамъ, отодвигались на задній планъ, за недостаткомъ средствъ.

Далѣе. Пунктъ 8 „положенія“ гласитъ, что „приходскія попечительства, составляя общественныя учрежденія, пользуются покровительствомъ духовнаго и гражданскаго начальствъ“. Но такъ ли оно на дѣлѣ? Всегда ли постановленія и приговоры попечительствъ приводятся въ исполненіе гражданскимъ начальствомъ? Не встрѣчаютъ-ли они иногда разногласія съ узаконеніями крестьянскихъ учреждений? И это имѣетъ мѣсто въ практикѣ дѣятельности попечительствъ. Такъ, по смыслу 12 пунк. Высочайше утвержденнаго „положенія о приходскихъ попечительствахъ“, выходитъ, что „собраніе прихожанъ признается правильнымъ, когда въ ономъ было не менѣе $\frac{1}{10}$ части лицъ, имѣющихъ право въ нихъ участвовать“, при чемъ „приговоры объ установленіи сбора... признаются правильными, хотя бы въ собраніи было и менѣе означеннаго выше числа лицъ“, а между тѣмъ, по смыслу пун 4 ст. 54 общ. полож. для правильности приговора требуется участіе на сходѣ $\frac{2}{3}$ лицъ¹⁾, имѣющихъ право въ немъ участвовать. Въ силу такого противорѣчія очень часто случается, что приговоры попечительства не приводятся въ исполненіе сельскими властями, какъ незаконно составленные. А разъ эти приговоры не имѣютъ законной силы, то и само попечительство не можетъ надлежащимъ образомъ проявлять своей дѣятельности.

Халатное и пренебрежительное отношеніе сельскихъ властей къ постановленіямъ попечительствъ и ихъ дѣятельности станетъ еще болѣе понятнымъ, если мы обратимъ вниманіе на то, что эти власти совершенно не знакомы съ самымъ „положеніемъ“. Не говоря уже о волостныхъ старшинахъ и сельскихъ старостахъ, мировые посредники только слышали о существованіи попечительскихъ правилъ, а видѣть и читать ихъ имъ едва ли приходилось, такъ какъ Высочайше утвержденное

¹⁾ См. Сбор. узак. и прав. распор., отн. до крест. управл. и крест. учрежд. А. Скирова, М. 1883 года стр. 23.

30 лѣтъ тому назадъ „положеніе о приходскихъ попечительствахъ“ отошло въ область преданій и стало большою библиографическою рѣдкостью. Какъ же послѣ этого сами попечительства могутъ пользоваться „покровительствомъ гражданскаго начальства“, которое ничего не вѣдаетъ объ ихъ существованіи и дѣятельности?

А посему, въ виду предполагаемаго преобразования села, слѣдовало бы пересмотрѣть и „положеніе о приходскихъ попечительствахъ при православныхъ церквахъ“. Прежде всего, по нашему мнѣнію, необходимо исключить изъ правилъ 1 пун. § 8 объ исправленіи старыхъ и устройствѣ новыхъ причтовыхъ помѣщеній. Это дѣло требовало всегда крупныхъ за тратъ, на что шла большая часть попечительскихъ средствъ, при чемъ попечительства ставились въ весьма затруднительное положеніе, а нѣкоторые изъ нихъ, за недостаткомъ средствъ, должны были совершенно прекратить свое существованіе. Въ настоящее время это весьма удобно сдѣлать, въ виду того, что забота о причтовыхъ помѣщеніяхъ возложена на спеціальныя учрежденія при благочинническихъ совѣтахъ, подлежащихъ вѣдѣнію консисторіи. Второй пунктъ того же параграфа объ изысканіи средствъ къ содержанію духовенства также подлежитъ уничтоженію, въ виду того, что правительствомъ теперь принимаются заботы о назначеніи духовенству опредѣленнаго содержанія отъ казны. Лучше всего предоставить это дѣло доброму усердію прихожанъ. Не мѣшало бы согласить 12 пун. полож. съ 54 ст. узак. по крест. учрежд. о законности постановленій попечительствъ сообразно съ приговорами сельскихъ сходовъ. Весьма полезно было бы привлечь сельскія власти, какъ высшія, такъ и низшія, къ дѣятельному участию въ организаціи попечительствъ и приведеніи приговоровъ ихъ въ исполненіе. При этомъ обязать какъ волостныхъ старшинъ, такъ и сельскихъ старостъ, состоящихъ, на основаніи „положенія“, непремѣнными членами церковно-приходскихъ попечительствъ, принимать самое дѣятельное участіе въ совѣщаніяхъ попечительства, въ дѣлахъ касательно

церкви и прихода и всѣми зависящими отъ нихъ мѣрами и средствами содѣйствовать благотворной ихъ дѣятельности. Для ознакомленія означенныхъ органовъ сельскаго управленія съ родомъ дѣятельности попечительствъ слѣдуетъ новое „положеніе“ о нихъ обязательно внести въ сборникъ узаконеній, относящихся до крестьянскихъ учреждений, и вообще обширною публикаціею попечительскихъ правилъ въ различныхъ правительственныхъ органахъ печати, а равно изданіемъ отдѣльныхъ оттисковъ этихъ правилъ позаботиться о возможно большемъ распространеніи ихъ среди различныхъ классовъ общества.

Переходя далѣе къ рассмотрѣнію тѣхъ цѣлей, которыя въ настоящее время должны преслѣдовать попечительства, слѣдуетъ замѣтить, что, кромѣ заботъ о храмѣ, поддержанія существующихъ и открытія новыхъ церковно-приходскихъ школъ, эти учрежденія должны обратить особенное вниманіе на благоустройство приходовъ въ религіозно-нравственномъ отношеніи. Уничтоженіе обычаевъ дурныхъ, искорененіе суевѣрій, подавленіе излишнихъ народныхъ обрядностей, которыя разорительнымъ образомъ дѣйствуютъ на моральную и экономическую сторону народной жизни, и насажденіе добрыхъ началъ въ темномъ людѣ—вотъ тѣ благія цѣли, къ которымъ всемѣрно должно стремиться приходское попечительство. На борьбу съ пьянствомъ также слѣдуетъ обратить серьезное вниманіе. Устройство при попечительствѣ обществъ трезвости можетъ немало содѣйствовать искорененію этого зла. Такія общества на первыхъ порахъ могутъ составить сами члены церковно-приходскихъ попечительствъ. Они должны быть самыми дѣятельными помощниками приходскому священнику въ дѣлѣ ослабленія пьянства. Какъ выбранные изъ лицъ вполне благонамѣренныхъ и пользующихся уваженіемъ въ приходѣ, и при томъ какъ находящіеся въ непосредственныхъ и близкихъ отношеніяхъ къ остальнымъ прихожанамъ, они въ значительной степени могутъ способствовать подавленію этого развѣдающаго—и въ нравственномъ и матеріальномъ от-

ношенія народную среду—порока. Открытіе въѣбогослужебныхъ собесѣдованій и религіозно-нравственныхъ чтеній, само собою разумѣется, также должно входить въ число задачъ новыхъ попечительствъ.

Но особенное свое вниманіе эти органы приходской жизни должны обратить на благотворительныя цѣли. вспомошествованіе бѣднѣйшимъ семействамъ общины, призрѣніе безпріютныхъ и изувѣченныхъ, учрежденіе больницъ и богадѣленъ, пособіе потерпѣвшимъ отъ несчастныхъ случаевъ—пожаровъ, воровъ, грабителей, неурожаевъ и т. п.—все это хотя сложныя и трудныя, но за то въ высшей степени симпатичныя для народа задачи, разрѣшенію которыхъ всецѣло должно посвятить себя приходское попечительство.

Для достиженія этихъ цѣлей церковно-приходское попечительство должно имѣть подробный списокъ бѣдныхъ вдовъ и сиротъ своего прихода, а также безпріютныхъ и неспособныхъ къ труду: слѣпыхъ, калѣкъ, стариковъ и старухъ, чтобы выдавать имъ денежное пособіе для того, чтобы и эти обездоленные судьбою созданія знали, что они еще не всѣми забыты, а есть на свѣтѣ добрые люди, которые подаютъ имъ руку помощи. При попечительствахъ должна быть учреждена ссудо-вспомогательная касса для выдачи заимообразно денежныхъ пособій тѣмъ изъ своихъ односельцевъ, съ которыми случилось какое-нибудь несчастье, въ родѣ пожара, падежа рабочей скотины, воровства и т. п. Вотъ тутъ-то попечительство и окажетъ горемыкамъ значительную поддержку, ссудивъ ихъ за небольшой процентъ, а по усмотрѣнію и безъ процента, нужною суммою. Но кромѣ этихъ экстра-ординарныхъ случаевъ, бѣдный человекъ очень часто нуждается въ низко-процентномъ кредитѣ, а гдѣ его онъ можетъ найти, какъ не въ своемъ приходскомъ благотворительномъ учрежденіи? А бываетъ и такъ, что молодые и честные и трудолюбивые люди вступаютъ въ бракъ, но не имѣютъ положительно никакихъ средствъ для обзаведенія на первыхъ порахъ хозяйствомъ. Попечительство обязательно должно прійти

имъ на помощь и поставить молодыхъ супруговъ на ноги. Да мало-ли можетъ быть случаевъ въ приходѣ, когда благотворительная дѣятельность попечительства можетъ проявиться какъ нельзя болѣе кстати и привлечь на свою сторону симпатіи народа? Разнаго рода сектанты, въ родѣ штундистовъ, анабаптистовъ, молоканъ, оказываютъ сильное вліяніе на народъ и привлекаютъ его къ себѣ въ широкой степени развитою въ ихъ общинѣ взаимопомощью и благотвореніемъ. Въ противодѣйствіе этимъ иновѣрнымъ и иноземнымъ вліяніямъ на русскій народъ слѣдуетъ позаботиться учрежденіемъ своихъ приходскихъ благотворительныхъ обществъ при церковныхъ попечительствахъ.

Разумѣется, что для достиженія этихъ высокихъ цѣлей нужны и средства. А какъ мы знаемъ изъ прошлаго нѣкоторыхъ попечительствъ, они прекратили свою благотворную дѣятельность за отсутствіемъ ихъ.

Гдѣ же теперь взять эти средства?

Понятное дѣло, что ихъ прежде всего должна дать каждая приходская община. Нечего смущаться тѣмъ, что нѣкоторыя попечительства стараго типа закрылись по отсутствію средствъ, — то было время одно, а теперь другое. Раньше дѣятельность, какъ мы указали выше, была направлена въ одну сторону, а теперь слѣдуетъ повернуть её въ другую. При организаціи приходскихъ попечительствъ на новыхъ началахъ главною цѣлію руководителей этого дѣла должно быть возбужденіе довѣрія къ благимъ цѣлямъ попечительства. Разъ русскій народъ извѣстное дѣло оцѣнить по достоинству, онъ же самъ дастъ средства и для веденія этого дѣла.

Разумѣется, что первый починокъ, первое начало дѣлу попечительства должно принадлежать членамъ его. Небольшіе членскіе взносы, а затѣмъ кружка съ надписью: „на дѣла церковно-приходскаго попечительства о бѣдныхъ“ дадутъ первоначальныя средства новому дѣлу. Дальнѣйшее развитіе и преуспѣяніе попечительства въ матеріальномъ отношеніи будетъ исполнѣ зависеть отъ усердія членовъ его. Энергія, сознание

полезности дѣла и безкорыстное служеніе ему со стороны учредителей не могутъ быть напрасными. Членамъ попечительства нужно зорко только слѣдить за жизнью прихода и пользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ къ увеличенію средствъ ввѣреннаго имъ учрежденія. А въ жизни прихожанъ бываютъ иногда случаи, когда сама собою является потребность сдѣлать какое-нибудь доброе дѣло. Кому Богъ пошлетъ семейную радость, кому выгодную покупку или продажу на ярмаркѣ, кому хорошій урожай хлѣба, — къ тому долженъ явиться членъ попечительства съ кружкою его, всячески располагая къ пожертвованію. Со временемъ пожертвованія должны сами собою увеличиваться. Очень можетъ случиться, что какой-нибудь добрый христіанинъ, чувствуя приближеніе смерти, пожелаетъ передать въ попечительскую кассу что нибудь изъ своего движимаго или недвижимаго имущества. Иной при поминкахъ по своимъ роднымъ пожелаетъ пожертвовать нѣсколько копеекъ или что нибудь изъ вещей своихъ покойниковъ на попечительство.

Но помимо благотворительности, на помощь попечительству можетъ прийти и правительство. Какъ извѣстно, напри- мѣръ, въ каждомъ селѣ есть общественный запасный капиталъ, дающій обществу ежегодно дохода въ видѣ % отъ 300—800 рублей. Часть этихъ денегъ идетъ на жалованье должностнымъ лицамъ сельской администраціи, а часть на содержаніе школы. Возможны и бываютъ остатки отъ этихъ денегъ. Слѣдуетъ обязать сельскія власти, чтобы онѣ слѣдили за передачею этихъ остатковъ въ попечительскую кассу. Бываютъ также остатки денегъ при складываніи выкупныхъ платежей и другихъ мірскихъ сборовъ. Эти остатки также могутъ быть обращены туда-же. Штрафныя деньги слѣдовало бы тоже обратить на нужды попечительства.

Вотъ пока часть тѣхъ средствъ, которыми можетъ наполниться касса церковно-приходскаго попечительства. Пусть не думаетъ кто-нибудь, что этихъ средствъ мало. Изъ малаго составляется большое. Въ настоящее время гораздо легче при-

вести все это въ исполненіе. Грамотность распространяется среди темныхъ массъ, народъ самъ уже приходитъ къ сознанию неблаговидности нѣкоторыхъ своихъ обычаевъ, дѣйствій и поступковъ, весьма сочувственно относится ко всему тому, что направлено къ благимъ цѣлямъ, и только ищетъ въ этомъ дѣлѣ наставниковъ и руководителей.

Церковно-приходскія попечительства при новой своей организациіи должны прійти на помощь русскому человѣку.

Свящ. С. Брояковскій.

¹⁾ См. № 22 за 1903 годъ.

Соціальное христiанство на западѣ ¹⁾.

Выскажемъ нѣсколько замѣчаній относительно изложеннаго нами ученія „соціального христiанства“. Можетъ быть это ученіе и будетъ имѣть успѣхъ. Человѣкъ на западѣ до того изстрадался въ своихъ бесплодныхъ усиліяхъ отыскать внутренней смыслъ въ традиціонныхъ церковныхъ вѣрованіяхъ и учрежденіяхъ, что онъ можетъ съ радостью ухватиться за теорію, открывающую ему такіе широкіе горизонты. „Богъ ир-должаетъ совершать дѣло творенія и искупленія міра; мы—люди—призваны способствовать Богу въ этомъ дѣлѣ; торжество Сына человеческого, Мессіи, подчинено религіозной и соціальной дѣятельности Его учениковъ; нѣкогда земля наша должна превратиться въ то небо, о которомъ говоритъ церковь“,—какія это захватывающія духъ концепціи! „Вѣра въ Іисуса Христа даетъ человѣку полную свободу въ области научнаго изслѣдованія и соціальной дѣятельности, потому что царство Христово есть царство Духа, а законъ Духа есть созидающая, творческая сила жизни“,—какая заманчивая перспектива, обѣщающая необыкновенный полетъ мысли и всѣхъ одинаково возбуждающая къ дружной работѣ! Мы вполне вѣримъ искренности слѣдующихъ словъ Моно: „я утверждаю, что изъ всѣхъ современныхъ религіозныхъ доктринъ наша жизнерадостна по преимуществу. Ей всюду сопутствуютъ надежда и энтузіазмъ. Я не хочу приводить

¹⁾ См. № 22 за 1903 годъ.

здѣсь свидѣтельство, присланныхъ миѣ изъ Франціи и Италіи, изъ Швеціи и Бельгіи, изъ Голландіи и Англии, и изъ Соединенныхъ Штатовъ, но они рѣшительны. Пасторы, студенты, аристократки, бѣдняки, повѣренные по дѣламъ — всѣ громко заявляютъ: „Спасибо! Мы ожили. Вы опредѣлили тоску, которая насъ давила. Вы сообщили плоть нашимъ стремленіямъ“. И всѣхъ, конечно, должно радовать, что люди, извѣрившіеся въ смыслъ земной жизни, теперь вновь обрѣли вѣру, а въ ней источникъ живого одушевленія и свѣтлой надежды. Но насколько эта вѣра библейская? Мы ставимъ такъ вопросъ именно потому, что представители „соціального христіанства“ открыто заявляютъ, что стоять и желаютъ стоять исключительно на прочной библейской почвѣ.

Легко видѣть, что представленіе „соціальныхъ христіанъ“ о Богѣ, какъ Творцѣ, образующемъ міръ постепенно, въ продолженіе многихъ тысячелѣтій, которыя захватываютъ и наше время, и вмѣстѣ съ тѣмъ ведутъ непрерывную борьбу съ невѣдомо откуда появившимся въ мірѣ несовершенствомъ и зломъ, — борьбу, которой исходъ зависитъ отъ человѣка, — такое представленіе о Богѣ не имѣетъ ничего общаго съ подлинно библейскимъ міровоззрѣніемъ, будемъ ли мы говорить о послѣднемъ съ точки зрѣнія относящихся сюда библейскихъ текстовъ или же съ точки зрѣнія основнаго духа Библии, какъ того хотятъ „соц. хр.“. При такомъ представленіи о Богѣ библейскія понятія о твореніи и искупленіи одинаково извращаются, потому что Творецъ, зависящій отъ какого-то неизвѣстнаго начала, вмѣшавшагося въ дѣло творенія въ самомъ началѣ міровой жизни и разстроившаго его, не есть Богъ-Творецъ; равно какъ Искупитель, ведущій борьбу со зломъ, но *имѣющій* побѣдить его исключительно *при помощи* человѣчества, не есть Искупитель въ собственномъ смыслѣ, а только ратоборецъ. И то и другое Библия съ рѣшительностью, недопускающею никакихъ колебаній, опровергаетъ, проповѣдуя на каждой страницѣ, что несовершенство, зло, грѣхъ есть явленіе не изначальное въ исторіи нашего міра, но привзошедшее потомъ, черезъ паденіе первыхъ людей,

созданныхъ совершенными. Да и помимо этого, допустимъ на минуточку, что въ мысли Божіей было—создать міръ съ такою постепенностью, какая указывается „соц. христіанами“, принимающими всѣ выводы дарвинизма. Въ такомъ случаѣ какъ могло произойти разстройство этого великаго плана? Если это разстройство отъ Бога (а оно можетъ быть только отъ Бога, согласно воззрѣніямъ „соц. хр.“), то почему Богъ въ Своей творческой дѣятельности предпочелъ идти къ совершенству не прямо, а окольнымъ путемъ, черезъ несовершенство? Какая въ этомъ можетъ быть усматриваема цѣль? Это представляется весьма несообразнымъ не только съ Библіей, но и съ здравымъ смысломъ.

Далѣе, исторія домостроительства нашего искупленія началась со времени грѣхопаденія. Въ искупленіи участвуетъ и человѣчество, по слову Библии: *съмя жены сопретъ главу змія*. Центральный пунктъ въ исторіи домостроительства — явленіе въ міръ Іисуса Христа, Который не есть только *божественный человекъ*, какъ говорятъ „соц. хр.“, а истинный *Богочеловекъ*, не сообщившій только особое направленіе борьбѣ человѣчества со зломъ, но Самъ побѣдившій зло и совершившій дѣло искупленія человѣчества единолично. Вотъ библейское воззрѣніе, которое, очевидно, извращается „соц. христіанствомъ“. Правда, послѣ Христа мы, люди, призваны *содѣлать свое спасеніе* соотвѣтствующею духу Христова ученія жизнью—внутреннею, религіозно-нравственною, и внѣшнею, гражданскою. Но это не значитъ, что „торжество Мессіи *подчинено* дѣятельности Его учениковъ“. Библия не даетъ никакого намека на это.

Наконецъ, когда придетъ полнота новозавѣтныхъ временъ, наступитъ полное торжество царства Божія. Для этого царства создано будетъ новое небо и новая земля, на которыхъ будетъ обитать правда. Напрасно „соц. хр.“ выставляютъ въ своемъ ученіи этотъ пунктъ на первый планъ, обвиняя все современное христіанство („церковное“—по ихъ терминологіи) въ искаженіи его посредствомъ предпочтенія неба землѣ. Наша православная Церковь въ своемъ эсхатологическомъ

ученіи одинаково говоритъ какъ о нынѣшнихъ небесахъ, такъ и о землѣ, что они сгорятъ, но вмѣсто нихъ явятся новое небо и *новая земля*, и именно на эту *новую землю* сойдетъ съ неба новый Иерусалимъ, приготовленный какъ невѣста, украшенная для мужа Своего (Царство Божіе).

Такимъ образомъ, послѣдователи современнаго „гносиса“, хотя „изрядно въ естественныхъ вещахъ философствуютъ, но христіанскаго и алфавита не знаютъ“ (Слова св. Тихона Задонскаго).

Н. Гроссу.

¹⁾ См. № 23 с. г.

²⁾ А. Дмитриевскій. Описан. литург. ркп. т. II Εὐχολόγια, стр. 996; Goar. Εὐχολογ. pag. 104.

³⁾ Du Cange. Glossarium ad scriptores mediae et infimae Graecitatis col. 1449; Mign. Patrol. curs. complet. t. 112, col. 813, not. 47.

Богослужебныя одежды священно-церковно-служителей ¹⁾.

Такъ называемый *стихарь* (στιχάριον), какъ это видно изъ чиновъ хиротоній древнѣйшаго времени церковей греческой и нашей русской и даже изъ современнаго чина восточной церкви, не входитъ въ число церковныхъ облачений низшихъ клириковъ: о немъ впервые говорится лишь въ чинѣ хиротоніи въ иподіакона. Посвящаемый въ иподіакона, по этому чину, приводится въ *феноми* (φορῶν τοῦτον τὸ φαινόλιον) и, лишь по прочтеніи молитвъ и послѣ благословенія архіереемъ, одѣвается въ стихарь и подпоясывается поясомъ ²⁾. Но въ чинахъ посвященій низшихъ клириковъ, хотя объ этомъ одѣяніи говорится и неопредѣленно, тѣмъ не менѣе едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что *стихарь*, какъ церковная одежда низшихъ клириковъ, извѣстенъ былъ въ богослужебной практикѣ византійской церкви съ весьма ранняго времени. Слово στιχάριον въ значеніи одежды нижней, похожей по формѣ на тунику (tunica manicata или tunica alba) древне-римскаго гардероба и ποδήρης—древне-греческаго, употреблялось у классическихъ народовъ съ давняго время ³⁾.

¹⁾ См. № 23 с. г.

²⁾ А. Дмитріевскій. Описан. литург. ркп. т. II Εὐχολόγια, стр. 996; Goar. Εὐχολογ. pag. 104.

³⁾ Du Cange. Glossarium ad scriptores mediae et infimae Graecitatis col. 1449; Mign. Patrol. curs. complet. t. 112, col. 813, not. 47.

Съ такимъ значеніемъ это названіе встрѣчается и въ Обрядникѣ императора Константина Багрянороднаго VII, обозначая собою нижнюю одежду придворныхъ чиновъ, какъ напр., магистровъ (τὰ ἐχούτων μαγιστράτζ στιχάρια), евнуховъ, протоспаѳаріевъ, примикиріевъ и др. ¹⁾, которая у другихъ придворныхъ чиновниковъ ²⁾ (напр., у патриціевъ, анѳиатовъ и пр.), и даже у тѣхъ же самыхъ, напр., у протоспаѳаріевъ-оффиціаловъ, но въ другихъ мѣстахъ Обрядника носитъ другое болѣе употребительное наименованіе *хамісія* ³⁾. Употребленіе названій *στιχάριον* и *хамісіον*, какъ названій синонимическихъ, обозначающихъ одну и ту же одежду, мы находимъ не только въ упомянутомъ памятникѣ гражданскаго быта древней Византіи, но даже и въ литургическихъ памятникахъ ея древнѣйшаго времени. „Должно знать, говорится въ Типиконѣ Великой церкви XI вѣка, что на первой недѣлѣ, крестопоклонной и великой недѣлѣ domestikъ чтецовъ стоитъ на солеѣ въ стихарь (μετὰ στιχάριον καὶ φελωνίου) и фелони, давая мѣру, пря пѣнии тропаря, рукою“ ⁴⁾. Въ виду сказаннаго нами выше о томъ, что низшіе клирики въ древней византійской церкви стихарей не носили, не подлежитъ сомнѣнію, что въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ не о стихарѣ въ собственномъ смыслѣ, а о *камисіѣ*, который, какъ мы видѣли, вмѣстѣ съ фелонью былъ богослужебнымъ костюмомъ этого ранга клириковъ византійской церкви. Такое же отождествленіе стихаря и камисіи (τὸ καλούμενον *хамісіον*, ὅπερ κατὰ τύπον φαυολίου ἐστὶ μικροῦ ἢ στιχάριον ἐκ λινοῦ) мы находимъ и у Симеона Солунскаго ⁵⁾, который, въ свою очередь, допускаетъ повидимому отождествленіе двухъ этихъ одеждъ, весьма сходныхъ по формѣ, съ

¹⁾ Mign. Patrol. curs. complet. t. 112, col. 480, 492, 821, 1065, 1093. Βασιλικίον στιχάριον имѣла на себѣ и императрица при коронаціи. Ibid. col. 460.

²⁾ Ibid. col. 1065, 1068 и др.

³⁾ Ibid. col. 1068.

⁴⁾ Ркп. Дрезден. корол. библ. № 140. л. 124.

⁵⁾ Mign. Patrol. curs. complet. t. 155, col. 396.

третьею, уже ровно ничего не имѣющею общаго съ *малою фелонью низшихъ клириковъ* ¹⁾. Этимъ только можно объяснять тѣ факты, что и діаконъ Игнатій Смолняниновъ, присутствовавшій при императорской коронаціи, и Кюдинъ въ своемъ „De officiis“, повѣствуя о появленіи во дворцѣ императорскомъ въ канунъ Рождества Христова и въ самый праздникъ пѣвцовъ, говорятъ объ одномъ камисіи, какъ одеждѣ пѣвцовъ, и не упоминаютъ о фелоняхъ, по крайней мѣрѣ, начальниковъ хоровъ или первыхъ пѣвцовъ, какъ объ этомъ мы читаемъ въ Обрядникѣ императора Константина VII ²⁾. У Кюдина всѣ пѣвцы въ камисіяхъ, надѣтыхъ поверхъ иматіевъ, и въ покрывалахъ, съ тою, впрочемъ, разницею, что протосалтъ и domestici имѣли на себѣ камисіи бѣлыя (λευκά), а всѣ прочіе пурпурныя (πορφύρα) ³⁾. Очевидно, въ концѣ XIV вѣка малыя фелони вышли изъ повседнежнаго практическаго употребленія въ византійской церкви, удержавшись лишь въ чинѣ посвященій въ чтеца и пѣвца, а камисій все болѣе и болѣе приближался къ діаконскому стихарю, съ которымъ онѣ имѣлъ сходство и по формѣ.

Для знакомства съ древнѣйшею формою діаконскаго стихаря даетъ немало данныхъ хорошо извѣстный въ наукѣ Менологій императора Василия II Македонянина. Свв. діаконы Авива подъ 6 числомъ сентября мѣсяца, Аммонъ подъ первымъ числомъ того же мѣсяца, Севой подъ 13 ноября, Викентій подъ 22 января ⁴⁾ и др. изображены въ діаконскихъ стихаряхъ, которые представляютъ бѣлую тунику, облегающую все туловище, не доходящую, однако же, до пятъ, съ ко-

¹⁾ Ibid. col. 365, 368.

²⁾ Mign. Patrol. curs. complet. t. 112, col. 1381—1384 λαμπρός domesticus σὺν τῶν ψαλτῶν τε καὶ ὀρφανῶν ἀπάντων τοῦ συφραγίου λευχημονοῦντας καὶ περιβεβλημένους τὰ οἰκεῖα φελώνια.

³⁾ Ibid. t. 127, col. 62—64, 77.

⁴⁾ Card. Albani. Menologium jussu imperatoris Basilii, pars I, pag. 6, 21, 146, 185; М. и В. Успенскіе. Лицевой мѣсяцъ греч. имп. Василия II, сент. м., стр. 4, 19, 35, 65.

роткими рукавами. Изъ подъ стихаря, такимъ образомъ, видны рукава и подоль иматія, а отчасти и воротъ его, такъ какъ стихари имѣютъ довольно широкій разрѣзъ близъ воротника. Отличіе стихаря отъ камисіи состоитъ только въ длинѣ подола и рукавовъ, а отчасти въ меньшей полнотѣ покроя. Что касается украшеній діаконскихъ стихарей полосами въ нѣсколько рядовъ по подолу ¹⁾, отъ которыхъ нѣкоторые ученые хотять производить и самое слово стихарь (στίχος—полоса, строчка) ²⁾, то онѣ не были необходимою принадлежностію діаконскихъ стихарей древнѣйшаго времени. Въ томъ же Менологіи императора Василия II имѣются изображенія свв. діаконствъ въ стихаряхъ безъ всякихъ украшеній въ видѣ полосъ ³⁾ Несомнѣнно, слѣдовательно, что названіе стихарь правильно будетъ считать за синонимъ съ словомъ χιτών или латинскимъ tunica alba, tunica manicata; имъ указывалось не на случайныя этихъ одѣяній украшенія, которыя могли быть и не быть на стихаряхъ, а на ихъ длинную форму, облегающую все туловище чловѣка. Подтвержденіе такого пониманія термина στίχαιον даетъ намъ и Обрядникъ императора Константина VII, въ которомъ объ императорскомъ дивитисіѣ или саккосѣ говорится такъ: „στίχαιον διζητήσιον“ ⁴⁾, гдѣ στίχαιον, несомнѣнно, слово опредѣлительное, указывающее на покрой или форму дивитисія.

Отожествленію древняго камисія съ діаконскимъ стихаремъ содѣйствовало не одно сходство ихъ по формѣ, но, несомнѣнно, и то, что камисіи изъ одежды, сдѣланной по преимуществу изъ тонкой льняной матеріи бѣлаго цвѣта, стали мало-по-малу устрояться и изъ другихъ матерій болѣе тяже-

¹⁾ Ibid. col. pars I, pag. 6, 21, 146; pars II, pag. 129; тамъ же стр. 4.

²⁾ Проф. Е. Е. Голубинскій. Истор. русск. церкви т. I, полов. II, стр. 217.

³⁾ Albani. Menologium Graecorum jussu imperatoris Basilii II, pars I, pag. 21, 67; М. и В. Успенскіе. Лицевой мѣсяц. импер. Василия II, м сентябрь, стр. 19, 35, 65.

⁴⁾ Mign. Patrol. curs. complet. t. 112, col. 780.

лыхъ, и при томъ цвѣтовъ чернаго, пурпуроваго и др. Къ началу XV вѣка и на Востокъ, какъ видно изъ словъ Симеона Солунскаго, знали и хранили память о древнихъ богослужебныхъ облаченіяхъ низшихъ клириковъ, но строгаго различія между камисіемъ, стихаремъ и краткою фелонью уже не существовало, и не только въ представленіи людей этого времени, но и въ практическомъ употребленіи. Въ XV—XVI в. на православномъ Востокъ, хотя чины посвященій въ чтеца и пѣвца по прежнему не упоминали о стихарѣ и трактовали лишь о краткой фелони или „льняной одеждѣ“, или, какъ говорятъ южно-славянскіе чины, „льняницѣ“, но въ практику вторгся уже новый обычай—дозволять и низшимъ клирикамъ носить, при исполненіи ими своихъ обязанностей за богослуженіемъ, вмѣсто камисіевъ стихари, по устройству и матеріалу сходные съ діаконскими.

Наша русская богослужебная практика, слѣдуя во всемъ примѣру восточной византійской церкви, и въ этомъ отношеніи не представляла исключенія. Чины посвященій въ низшіе клирики нашихъ богослужебныхъ книгъ вплоть до изданія Чиновника архіерейскаго священнослуженія въ 1677 году и даже всѣ памятники историко-бытовые ¹⁾ единогласно свидѣтельствуютъ о томъ, что малая фелонь была оффиціальною одеждою низшихъ клириковъ, а стихарь принадлежалъ къ одѣжаніямъ иподіаконовъ и діаконовъ, но практика церковная намъ говоритъ уже нѣчто иное. Въ этой послѣдней слѣды употребленія у насъ при богослуженіи стихарей низшими клириками мы находимъ довольно рано, при чемъ не лишне отмѣтить и то, что византійскій камисій, если не видѣтъ неопредѣленнаго указанія на него въ постановленіяхъ владимірскаго

¹⁾ Акты истор. изд. арх. комиссіи т. I, № 101, стр. 144; Акты юридич. изд. той же ком. № 388, стр. 410; Сн. А. Дмитріевскаго. Богослуж. въ русской церкви въ XVI в. стр. 355—356; Христ. Чтен. 1889, ч. I, стр. 379—393.

собора 1274 года—въ выраженіи: „*бѣлыя ризы*“¹⁾),— какъ будто-бы у насъ вовсе не былъ извѣстенъ, или очень рано вышелъ изъ употребленія. Діаконъ Игнатій Смолнянинъ въ 1390 году не безъ удивленія описываетъ одѣяннѣ пѣвцовъ Софій Константинопольской, и одежды ихъ не называетъ прямо по имени, а выражается такъ: „*ризы имѣху, аки стихари, широци и долги*“. Въ первый разъ, сколько намъ извѣстно, говорится у насъ опредѣленно о стихарѣ низшихъ клириковъ въ чинѣ избранія и поставленія въ епископы 1423 года. „Митрополитъ же исходитъ изъ своен кельи, читаемъ мы въ чинѣ, „о малѣмъ знаменіи“, и идетъ къ церкви, *предъидушимъ предъ нимъ четъцемъ въ своихъ стихаряхъ*“²⁾. „Стихари изъ тонкова полотна“, съ „оплечьями“ и „перукавьями“ на нихъ изъ „бархатѣи цвѣтныя травчатые“, съ „источники изъ тасемъ, съ подиушкою изъ каршенины“, при совершеніи чина пещнаго дѣйства, который, какъ совершенно справедливо предполагаютъ нѣкоторые³⁾, совершался въ нашей русской церкви съ древнѣйшаго времени, надѣвали три мальчика-пѣвца, изображавшіе трехъ отроковъ въ пещи халдейской: Ананія, Азарія и Мисаила⁴⁾. То же самое мы видимъ

¹⁾ „Неосвящену ни пѣти, ни чисти на анбонѣ или божествѣнаго словесе людемъ почитати, аще священническаго постриженья на главѣ не имать, ни благословеннѣа отъ своего настыря, но святыиъ правиломъ не приіалъ боудеть: аще приіалъ боудеть, обаче же и таковоуму пѣсть швако, како пѣти или чисти на анбонѣ, аще не облечеться въ бѣлыя ризыца. Малыя же ризыца глаголетъся греческымъ языкомъ диффера или фелонь“. (Русск. истор. библ. т. VI, ст. 98—99).

²⁾ Русск. ист. библ. т. VI, ст. 449.

³⁾ Проф. Е. Е. Голубинскій. Истор. русск. церкви, т. I, пол. II, стр. 781, 327, 328; Сн. нашъ историко-археолог. этюдъ „Чинъ пещнаго дѣйства“. СПб. 1895, стр. 41—44.

⁴⁾ Н. Суворовъ. Описан. вологод. каедрал. Софійевск. собора М. 1863, стр. 136; прот. К. Никольскій. О службахъ русской церкви, бывшихъ въ прежнихъ печатныхъ богослужебныхъ книгахъ. СПб. 1885, стр. 191. Одѣвались эти отроки въ стихари и золоченыя шапки или вѣнцы, сдѣланные изъ заечины (Н. Суворовъ. Описан. вологод. кае. Соф. собора, стр. 136—137). Намъ думается, что мы не сдѣлаемъ большой натяжки, если сопоставимъ эти стихари и шапки или вѣнцы отроковъ съ одѣяннѣми и золотыми вѣнцами (χρυσῶν στεφάνων) пѣвцовъ, называвшихся въ Византіи „οά δῆμοται“ (Mign. Patrol. curs. complet. t. 112, col. 1076—1077).

и на четырехъ мальчикахъ, которыхъ сажали въ недѣлю ваѣй на колесницу съ нарядною вербою. „Таж патриархъ начинаетъ молебень, и по октенъе пойдуть къ празнику, читаемъ мы въ „Чиновникѣ“ времени патриарха Филарета Никитича ¹⁾, а идутъ в западныя двери, и *первое пойдутъ подъяки в стихаряхъ с вербою*, и по нихъ хоругви и дьякони и священники собразы, тажъ протопопы, и по нихъ дьяки пѣвчие и государевы и патриарховы и поють ирмосы строками“ ²⁾. О стихаряхъ для пѣвчихъ весьма часто говорится въ патриаршихъ выходахъ 1656 года. Такъ, во всеобщему бдѣнію въ канунъ праздника ваѣй подъяки провожали патриарха „въ красныхъ стихаряхъ“, на литургіи и во время чина хожденія на ослати въ тотъ же праздникъ они имѣли на себѣ „золотые стихари“, а въ праздникъ преполовенія одѣты были въ „стихари іосифовскіе камчатые“ ³⁾. Еще чаще въ стиха-

¹⁾ „Чиновникъ указ ѿ звону і ѿ чину въ постъ великин і въ пятдесятницу до недели всѣхъ святыхъ“, содержащійся въ ркп. библиотеки СПБ. духовной Академіи № 127, написанъ до кончины патриарха Филарета Никитича († 1633). Такъ, здѣсь замѣчено въ чинѣ православія: „Князю Георгию Владимірскому февраля въ 4 день, а образъ тогда имати ѿ патриарха, а в соборъ его *итт*. А празновати не велѣлъ в великій постъ симъ святымъ государь патриархъ (л. 27)“. Позднѣе прибавлено къ этимъ словамъ: „Филарет Никитичъ“. „После еомины недѣли с понедѣльника на овторникъ, читаемъ мы въ томъ же Чиновникѣ, государь патриархъ *приказалъ итти* (позднѣйшая поправка: *поеть*) навахиду болшую с митрополиты и со всѣми черными властью *по новомъ исповѣдникѣ по Ермогеню*, патриархѣ московскомъ і всеа Русіи, и по архимаритѣхъ и игуменѣхъ, и по всемъ освященномъ соборѣ, и по всѣхъ православныхъ христіанехъ *убиенныхъ и поженныхъ и в полонъ заведенныхъ отъ безбожныхъ Ляховъ и Литовъ*, и тамо изнуженныхъ и окверненыхъ и безчаканни нужнѣ скончавшихся. И велѣлъ государь патриархъ имъ пѣти болшую вѣчную память. А служитъ литургію самъ государь патриархъ с митрополиты и архиепископы і со архимариты и сыгумены и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, *да и впредъ такожъ соборомъ приказано по вся годы безпереводно безъ себя службу служити и вѣчную память болшую пѣти*“ (л. 104). Въ рукописи записи датируются 7137 и 7140, т. е. 1629 и 1630 годами.

²⁾ Ркп. библ. СПБ. дух. Акад. № 127, л. 49 об.

³⁾ Н. Дубровскій. Патриаршіе выходы стр. 8, 10, 12. Въ выходѣ 1656 г. говорится: и „повелѣ патриархъ подъяковъ уготованныхъ отвести

ряхъ появляются пѣвчіе-діаки, во время торжественныхъ богослуженій въ 1666 по 1674, и когда на Москвѣ гостили восточные патріархи—Макарій антиохійскій и Памсіій александрійскій. Въ это время пѣвчіе-діаки большіе и малые „стряпали въ стихаряхъ“ не только при богослуженіяхъ, при проходахъ патріарховъ въ храмъ изъ дома и обратно, но и во время торжественныхъ обѣдовъ въ дворцѣ царя и въ столовой у патріарха¹⁾. Подъ 1666 годомъ мы имѣемъ весьма опредѣленное указаніе, что въ великій четвертокъ причащались Св. Таинъ „*клирицы соборныя и апостольскія церкви въ стихаряхъ*“²⁾. По примѣру патріарховъ и русскіе митрополиты въ XVII столѣтіи также совершали торжественныя богослуженія съ клириками, одѣтыми въ стихари. „И подіаки съ облаченіемъ и съ лампадою и со свѣщами приходятъ въ выходную палату, читаемъ мы въ новгородскомъ Чиновникѣ начала XVII столѣтія, и *облачаются по обычаю* (Sic) въ полатѣ и, *облачаяся*, приходятъ предъ крестовую келью съ лампадою и со свѣщами“³⁾. Итакъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что стихари сдѣлались богослужебнымъ одѣяніемъ нашихъ клириковъ гораздо раньше изданія въ свѣтъ Чиновника архіерейскаго священнослуженія 1677 года, когда стихарь положено было возлагать и на низшихъ клириковъ, при ихъ посвященіяхъ. Стихарь, очевидно, во всѣхъ указанныхъ слу-

на вербу и отнустить преже себя предъ кресты“ (стр. 9). Подьяки-пѣвчіе были дѣтми, одѣтymi въ бѣлые стихари, о чемъ находимъ свидѣтельства у Адама Олеарія, неоднократно путешествовавшаго въ Россію (Чтен. Общ. Истор. и древн. при М. Универс. 1868 кн. II, отд. II, стр. 91) и у архидіакона Павла Алепскаго (Г. Муркосъ. Путеш. антиох. патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII, М. 1898, в. III, стр. 175). Последній говоритъ даже „о шести маленькыхъ анагностяхъ въ стихаряхъ“.

¹⁾ Дополн. къ актамъ истор. т. V, № 26, стр. 106, 111, 116, 118, 119, 113, 138, 143, 147, 148, 150. „Пѣвчіе дьяки патріарховы въ столѣтнми, патріарха Памсіія провожали подьяки въ стихаряхъ со свѣщами съ лампадою и съ пѣніемъ, якоже и въ церковь, къ литургіи и отъ литургіи и отъ всенощнаго“ (стр. 134).

²⁾ Дополн. къ Актамъ историч. т. V, № 26, стр. 105.

³⁾ А. Голубцовъ. Чиновникъ новгород. Соф. собора. М. 1899, стр. 1.

чаяхъ былъ ничѣмъ инымъ, какъ византійскимъ камисіемъ и замѣнилъ въ практикѣ малую фелонь.

Но стихари низшихъ клириковъ, однакоже, отличались отъ стихарей діаконскихъ, о чемъ ясно говорятъ старинныя описи архіерейскихъ ризницъ. „*Шесть стихарей подъяческихъ малыхъ*, читаемъ мы въ описи имущества, оставшагося по смерти смоленскаго митрополита Варлаама, штофу красного полушолкового, оплечья и нарукавники трицу красного, подложены крашениною лазоревою“¹⁾, или „*Шесть стихарей большихъ и среднихъ станицъ*, говорится въ описи архіерейской ризницы Софійскаго собора и имущества митрополита нозгородскаго Іова, желтой камки, на двухъ стихаряхъ оплечья и зарукавье изорбавъ золотной съ серебромъ, травы шелковые; подолники отласъ красной, подложены крашениною лазоревою; а на четырехъ стихаряхъ оплечье и зарукавье черленые, полосатые, простые“²⁾. Чтобы видѣть разницу въ стихаряхъ діаконскихъ въ параллель этимъ описаніямъ мы подставимъ описанія тѣхъ же описей и этихъ стихарей. „Стихарь изорбавъ золотной по черевчатой земли, описывается одинъ изъ стихарей діаконскихъ въ описи митрополита Іова, оплечье и зарукавье шито золотомъ и серебромъ, по черному бархату, около оплечья и зарукавья круживо серебряное кованое, ветхое; подолникъ участокъ золотной по серебряной земли, *крестъ тогоже участка*; подложенъ крашениною кирпичный цвѣтъ“³⁾. Въ той же описи о другомъ стихарѣ говорится: „Стихарь бархатъ золотной, по черевчатой землѣ травы серебрянныя да золотыя; оплечье и зарукавье шито золотомъ и серебромъ по черному бархату; *крестъ низанъ жемчюгомъ въ рядѣ межкимъ*; подолникъ отласъ красной, на немъ круживо серебряное да золотое съ городами, подложенъ крашениною свѣтлою“⁴⁾.

¹⁾ Описан. документ. и дѣль, хранящ. въ архивѣ Св. Правит. Синода т. I, прилож. ст. CLXXXIX.

²⁾ Тамъ же ст. LXIII.

³⁾ Тамъ же ст. LX.

⁴⁾ Тамъ же.

Изъ этихъ сопоставленій ясно видно, что если и существовала разница въ устройствѣ стихарей діаконскихъ и пѣвческихъ или причетническихъ, то эта разница состояла въ цѣнности матеріала и въ богатствѣ украшеній, что же касается формы или покроя, то они почти ничѣмъ не различились между собою. Устроить стихари изъ матерій различныхъ цвѣтовъ и непременно съ проймами у боковъ¹⁾ у насъ въ древней Руси вошло, можно сказать, *въ канонъ*, такъ что отступление въ этомъ отношеніи отъ принятаго обычая считалось ревнителями старины нарушеніемъ „чина“ церковнаго и даже „правиль церковныхъ“ и „закона“. „Да митрополитыжъ Матвѣй (казанскій) и Иона (крутицкій) и архиепископъ Иосифъ (рязанскій) патріарху (іерусалимскому Теофану) говорили, шшесть очевидецъ ихъ служенія въ 1619 году съ этимъ послѣднимъ, *ризы де на твоёмъ архимарите не по чину: оплечья у нихъ, ни подольниковъ нѣтъ, а у стихаря такоужъ оплечья нѣтъ, ни подпазушныхъ проймовъ, а у насъ въ правилехъ*²⁾ писано вашегожъ греческаго закона: стихарь есть истканная препряда, на небеси благодареніе Его с нами; *недошитое подпазушье*—ребреная язва, а *оплечие*—рана батожная. *Запятие* есть, имже бѣ связанъ: руцѣ бо Его напредъ связаша“... И патріархъ, по замѣчанію очевидца, сказалъ: „У насъ де

¹⁾ Стихари діаконскіе въ греческой церкви устроились узкими, облегавшими плотно все туловище, и съ узкими рукавами. См. изображен. у Goar. *Εὑχολογ.* pag. 126; В. Marriott. *Vestiarium christianum.* Plat. LIX.

²⁾ Здѣсь имѣется въ виду толкованіе на чинъ литургій, ошибочно приписываемое патріарху іерусалимскому (VII в.) Софронію. „Стихарь, говорится въ этомъ толкованіи, такъ называется потому, что въ немъ пребываетъ благодать Божія и изображаетъ собою плоть Христову, будучи бѣлъ, какъ и плоть человѣческая. Въ немъ есть и *разрѣзы* (*μασχάλας*) *подъ рукавами* въ знаменіе прободеннаго копіемъ ребра Христова. Обшивки (*λωρίδα*) на рукавахъ означаютъ узы рукъ Христовыхъ, въ которыхъ отвели Его къ Анніѣ и Каіафѣ, ибо не сзади, а спереди связали Его. *Оплечье* (*ἀνακολαφί)* стихаря служитъ вмѣсто пояса“ (Писан. отц. и учит. церкви, относящ. къ истолков. прав. богослуж. т. I, стр. 272).

такъ, какъ-де есть. А после архимандрить его сказаль: есть де и у насъ ризы по вашему же здѣланы, а тѣ-де здѣланы въскоре“¹⁾. Во второй половинѣ XVII столѣтія наблюдательный путешественникъ архидіаконъ Павелъ Алепскій немало дивится отмѣченному нами обычаю устроить стихари изъ различныхъ матерій, восторгается его практичностью и даже объщаетъ перенести его и въ церковь антиохійскую. „Стихари у нихъ (т. е. у русскихъ), пишетъ онъ, *имѣютъ четыре надставки изъ иной матеріи, чѣмъ та, изъ которой они сдѣланы, именно: рукава, четырехугольное плечье и подолъ внизу*. Стихари, такъ сшитые, очень красивы. Фелони у русскихъ священниковъ дѣлаются очень широкія, большія, низъ ихъ назади закругленъ какъ бы по циркулю, и онѣ имѣютъ плечья изъ особой матеріи и непременно широкую надбавку въ видѣ каймы внизу кругомъ края подола. У стихарей, надѣваемыхъ въ большіе праздники, рукава и заплечья, обыкновенно, бывають или унизанные жемчугомъ или густо вышитые золотомъ. Такимъ же образомъ украшаются и надставки на праздничныхъ фелоняхъ. Они щеголяютъ шитьемъ, украшеніями изъ жемчуга и драгоценныхъ каменьевъ и маленькими образками среди шитья на этихъ надставкахъ, приводящихъ умъ въ удивленіе. Точно также и саккосы патріарха непременно должны имѣть надставки къ рукавамъ изъ другой матеріи или иконы, шитыя золотомъ или низанныя жемчугомъ и драгоценными каменьями, также бока и подолы должны быть изъ тяжелой матеріи съ письменами, шитыми золотомъ или съ крупными буквами изъ жемчуга. *Таковыя облаченія не только въ землѣ московитовъ, но и во всей странѣ казаковъ*. На всѣхъ облаченіяхъ *обязательно имѣется сзади крестъ изъ жемчуга или изъ массивной парчи*, а потому и мы сдѣлали также на всѣхъ своихъ облаченіяхъ кресты, чтобы не смѣялись надъ нами и надъ нашими обычаями. Прекрасная предусмотрительность! заключаетъ путе-

¹⁾ Чтен. общ. и истор. древн. при М. Универс. 1883, кн. II, отд. II, стр. 166.

шественникъ. Какъ часто остаются у насъ обрѣзки матеріи и готовые кафтаны, которыхъ не хватаетъ на цѣлый стихарь, фелонь или саккосъ. Если бы сшить изъ нихъ по упомянутому образцу, какъ я поступилъ со своими стихарями и надставить рукава, оплечья и подола изъ другой матеріи, то хватило бы и было бы красивѣе, какъ вы это увидите, если доживемъ¹⁾.

Проф. А. Дмитріевскій.

²⁾ Г. А. Муркосъ. Путешеств. антиох. патр. Макарія въ Россію въ половинѣ XVII ст. в. III, стр. 201—202.

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Θεодосій.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 8 іюня 1902 г.

Предсѣдатель Комитета, проф. Академіи, прот. *І. Корольковъ.*

Кіевъ Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLIV.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 24.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1903 года, іюня 15-го.

Содержаніе: Наше „крестцовое“ духовенство.—Богослужебныя одежды священно-церковно-служителей (окончаніе).—Къ вопросу о способахъ обличенія несправды раскольнической.—Племянникъ (разсказъ).

Наше „крестцовое“ духовенство.

Однимъ изъ типичныхъ явленій въ жизни духовенства въ періодъ ея раздѣленія на двѣ митрополіи (1461—1589) являются такъ называемые „перехожіе и крестцовые попы“. Вслѣдствіе избытка духовенства и неравномѣрнаго раздѣленія приходовъ нѣкоторые священники оставляли свои приходы и переходили съ мѣста на мѣсто, нанимаясь служить на болѣе или менѣе продолжительные сроки въ тѣхъ храмахъ, гдѣ не было приходскихъ священниковъ; нерѣдко такіе священники, въ ожиданіи найма, становились въ большихъ городахъ, особенно въ Москвѣ, на перекресткахъ, откуда получилось названіе „крестцовыхъ“. Обиліе крестцовыхъ поповъ, людей часто сомнительной репутаціи, часто совсѣмъ не имѣвшихъ гра-

мочь и даже состоявшихъ подъ запрещеніемъ, не могло не производить въ обществѣ соблазна, подрыва пастырскаго авторитета; вотъ почему русскіе соборы не разъ обращали вниманіе на это печальное явленіе, стараясь по возможности сократить его. Уже Стоглавый соборъ приказалъ въ Москвѣ выстроить на крестцѣ избу для бродячихъ священниковъ, а для наблюденія за ними поставить поповскаго старосту. Таково это явленіе въ своемъ возникновеніи. Несмотря на различныя церковно-правительственныя распоряженія, направленные противъ бродячаго или крестцоваго духовенства, явленіе это, хотя и не въ столь широкихъ размѣрахъ, существовало и существуетъ до настоящаго времени подъ разными названіями: измѣнялась форма, но сущность дѣла оставалась все та же: крестцовое духовенство, подъ разными названіями (безмѣстный, заштатный, сверхштатный, „ранній“ батюшка) существуетъ и доселѣ.

Въ буквальномъ смыслѣ слова, въ настоящее время „крестцоваго“ духовенства, какъ цѣлаго класса, не существуетъ; въ настоящее время безприходныхъ священниковъ не много; совсѣмъ нѣтъ въ настоящее время и церквей, которыя долго оставались бы безъ причта. Въ настоящее время, если и можно говорить о крестцовомъ духовенствѣ, то только въ относительномъ смыслѣ; явленіе это болѣе или менѣе случайное, и потому оно не всегда замѣчается высшимъ епархіальнымъ начальствомъ, которое необходимо должно бороться съ этимъ явленіемъ. Скажутъ, пожалуй, что само же высшее и епархіальное начальство создаетъ безприходное или крестцовое духовенство въ лицѣ наблюдателей, миссіонеровъ, преподавателей духовно-учебныхъ заведеній и законоучителей свѣтскихъ школъ, хотя имѣющихъ санъ, но не имѣющихъ опредѣленныхъ приходовъ. Однако, обо всѣхъ этихъ лицахъ нужно сказать, что подъ понятіе крестцовыхъ поповъ они не подходятъ; во-первыхъ, они причисляются къ опредѣленнымъ приходскимъ или соборнымъ церквамъ, имѣютъ опредѣленное, близко къ пастырству стоящее дѣло и по вольному найму не

служать за другихъ. Подъ крестцовымъ духовенствомъ настоящаго времени мы разумѣемъ тѣхъ, главнымъ образомъ, городскихъ священниковъ, которые, не занимая опредѣленныхъ приходскихъ мѣстъ, за извѣстное вознагражденіе отправляютъ пастырскія обязанности за другихъ и этимъ кормятся. Такіе крестцовые священники создаются разными обстоятельствами ихъ личной и семейной жизни. Бываютъ случаи, что священникъ имѣетъ нѣсколько человѣкъ дѣтей, воспитывающихся въ одномъ и томъ же городѣ. Недостатокъ средствъ на постоянные разъѣзды къ дѣтямъ, на привозъ ихъ домой, желаніе видѣть постоянно дѣтей у себя передъ глазами, болѣе внимательно слѣдить за ихъ развитіемъ и воспитаніемъ, ведетъ иногда къ тому, что отцы—священники всѣми силами стремятся къ тому, чтобы какъ нибудь попасть въ городъ; но такъ какъ попасть на городской приходъ очень трудно, то иногда такія лица подаютъ въ отставку, за штатъ, и рѣшаются идти на болѣе или менѣе рискованныя и неопредѣленные доходы въ качествѣ помощниковъ городскихъ священниковъ. Само собою понятно, что такія лица и въ качествѣ вольно-наемныхъ стараются быть аккуратными и исполнительными, такъ какъ запрещеніе священно-служенія за то или другое нарушеніе церковныхъ постановленій для нихъ равносильно было бы лишенію куска хлѣба. Иногда въ разрядъ крестцовыхъ поступаютъ лица болѣзненные; недостатокъ средствъ на лѣченіе, трудности пастырскаго служенія въ деревнѣ, недостатокъ медицинской помощи и сравнительная ея дороговизна заставляють человѣка оставлять приходъ и идти въ городъ. Но самый значительный, по нашимъ наблюденіямъ, процентъ крестцовыхъ священниковъ выпадаетъ на долю лицъ, принявшихъ священство по недоразумѣнію, по недомыслію, безъ всякой охоты и призванія, безъ любви къ дѣлу пастырства, безъ любви къ деревенскому темному люду. Семинаристы, какъ ихъ ни берегутъ отъ всякихъ постороннихъ вліяній, все таки не могутъ остаться внѣ вліянія культурныхъ приманокъ жизни: внѣшній лоскъ, удобства жизни, любовь къ

комфорту.—все это по каплѣ, какъ ядъ, проникаетъ въ юную душу; а въ деревнѣ бѣдно, скучно, неприглядно, порою грязно. Пастырство въ деревнѣ ставитъ лицомъ къ лицу съ нуждой, порою съ безысходнымъ горемъ. Пастырство здѣсь есть почти постоянная непрестанная жертва; сюда, большею частію, нуженъ именно идеалистъ, способный пожертвовать своими вкусами, привычками, готовый душу свою положить за други своя. Безспорно, есть и такіе, и ихъ не мало; но не мало и такихъ, которые неохотно расстаются съ мыслию о прелестяхъ и удобствахъ городской жизни, съ неохотой идутъ въ деревню. Въ однихъ изъ послѣдней категоріи высшіе идеалы постепенно заслоняютъ внѣшнія неудобства жизни и ея неприглядность; затѣмъ вырабатывается привычка къ деревнѣ и привязанность. Другіе, въ которыхъ преобладаетъ внѣшній челоуѣкъ надъ духовнымъ, тѣло надъ духомъ, такъ и остаются въ деревнѣ неудовлетворенными, съ постоянной мечтой о городѣ, какъ конечной цѣли жизни. Изъ этого послѣдняго разряда, особенно изъ безсемейныхъ и вдовыхъ, которыхъ ничто не привязываетъ къ одному опредѣленному мѣсту, всего чаще и встрѣчаются крестцовые священники. Попадаютъ въ число крестцовыхъ и люди сомнительной репутаціи. Надъ священникомъ, предположимъ, ведется судебное дѣло, которое хотя и набрасываетъ тѣнь на подсудимое лицо, но явныхъ уликъ противъ него не даетъ; въ видѣ предупредительной, или, какъ выражаются юристы, провизорной мѣры, такому лицу могутъ предложить выйти за штатъ или отказаться отъ извѣстнаго прихода. Въмѣсто того, чтобы снова проситься на приходъ и подвергать себя возможнымъ неприятностямъ, нѣкоторые изъ такихъ лицъ предпочитаютъ сдѣлаться вольно-наемными. Таковъ контингентъ вольно-практикующихъ, или крестцовыхъ священниковъ въ наше время. Разумѣется, это нежелательное явленіе не имѣло бы мѣста, если-бы на него не было спроса. Спросъ этотъ создается разными обстоятельствами; на первомъ мѣстѣ по уважительности причинъ нужно поставить болѣзнь. Не желая безпокоить епархіальную власть просьбой о назначеніи испра-

вляющаго должность, въ то же время не желая оставлять прихода, иногда— семью безъ куска хлѣба, нѣкоторые священники частнымъ образомъ приглашаютъ къ себѣ свободныхъ отъ службы священниковъ и имъ поручаютъ свое дѣло. Срокъ такого замѣстительства зависитъ отъ разныхъ обстоятельствъ: продолжительности болѣзни, молчаливаго согласія на него прихожанъ, благосклонности благочиннаго, бдительности епархіальнаго начальства и т. д. Къ такимъ же причинамъ— болѣе уважительнымъ— относится, затѣмъ, обширность приходоу и обиліе требъ въ нѣкоторыхъ храмахъ. Приходъ, допустимъ, состоитъ изъ 5—6 тысячъ человѣкъ; удовлетворить всѣмъ одному священнику, особенно человѣку пожилому, не подѣ силу; открывать новый приходъ— на это нужны мѣстныя средства, нужны хлопоты передъ высшимъ начальствомъ; наконецъ, не всякій и согласится отказаться отъ половины своихъ доходовъ: если одинъ живетъ на хорошемъ приходѣ сносно, не знаетъ нужды, то двоимъ уже будетъ хуже. Въ другихъ приходоу, хотя и не многочисленныхъ, въ храмахъ приходится совершать множество требъ, нѣтъ десятки молебновъ; особенно это нужно сказать о тѣхъ церквахъ, гдѣ есть особенно чтимыя святыни, куда стекаются тысячи богомольцевъ. Одному человѣку нѣтъ силъ удовлетворить всѣхъ; вотъ тутъ и являюся на помощь безмѣстные или крестцовые священники; половины доходовъ они не потребуютъ, а согласятся на болѣе скромныя условія. По признанію одного священника, въ лѣтнее время, когда въ его церковь заходятъ каждый день тысячи богомольцевъ, ему подають на проскомидію каждый день отъ 500—1000 просфоръ. „За недѣлю, говоритъ онъ, измучишься такъ, что еле ходишь“. вмѣсто того, чтобы открыть у себя вакансію, онъ предпочитаетъ держать у себя крестцоваго священника на условіяхъ для себя болѣе выгодныхъ.

Прибѣгать къ помощи безмѣстныхъ нѣкоторыхъ священниковъ вынуждаетъ масса стороннихъ занятій: человѣкъ состоитъ предсѣдателемъ совѣта въ епархіальномъ училищѣ, законоучителемъ гимназіи, членомъ нѣсколькихъ ученыхъ и про-

свѣтительныхъ обществъ, а сверхъ сего имѣеть еще и приходъ. Исполненіе обязанностей въ послѣднемъ городскіе священники нерѣдко и поручаютъ стороннимъ лицамъ. Синодальнымъ постановленіемъ 1890 года (№ 5) опредѣлено: „на должности законоучителей въ гимназіяхъ впредь не опредѣлять лицъ, состоящихъ священниками при церквахъ приходскихъ или при церквахъ благотворительныхъ“; но на дѣлѣ правило это нерѣдко и доселѣ остается мертвой буквой закона, и въ тѣхъ гимназіяхъ, гдѣ нѣтъ домовыхъ церквей; законоучительство всего чаще ведутъ приходскіе священники. Такъ какъ въ гимназіяхъ дѣло проще и легче, „работа чище“, какъ говорятъ нѣкоторые, къ тому же гимназія даетъ право на пенсію, то нѣкоторые священники передаютъ приходы на руки неофициальныхъ помощниковъ, а сами посвящаютъ свое время на законоучительство.

Наконецъ, безмѣстныхъ, или крестцовыхъ священниковъ создаетъ въ наше время и аристократизмъ, который, какъ ни грустно въ этомъ сознаться, проникаетъ въ наше городское духовенство. Нѣкоторые его представители тяготятся своими обязанностями, особенно хожденіемъ по приходу; въ бель-этажи они еще пойдутъ съ молитвой или крестомъ, но идти въ городскіе подвалы, гдѣ ютится нужда, гдѣ, именно, нужно пастырское утѣшеніе, имъ не охота: туда они пошлютъ за половину заработка невзыскательнаго и нетребовательнаго крестцоваго. Лѣтомъ обычно всѣ богатые люди уѣзжаютъ по дачамъ; уѣзжаютъ за ними нерѣдко батюшки - аристократы оставляя приходы на руки своимъ случайнымъ, нанятымъ помощникамъ.

Ясно само собою, что наши крестцовые священники—явленіе грустное, которое говоритъ о многомъ и заставляетъ надъ многимъ задуматься. Прежде всего, здѣсь унижается само пастырское званіе; развѣ не униженіе, въ самомъ дѣлѣ, что люди равные по сану, являются—одинъ въ роли какъ-бы хозяина, а другой въ роли наемника? И какимъ тяжелымъ диссонансомъ звучитъ слово: „вольно-наемный“ въ приложеніи къ

пастырскому служенію, которое Златоустъ называетъ равночестнымъ ангельскому! Принципъ любви, готовность отдать душу за други своя—вотъ основа пастырскаго служенія; будетъ-ли она тамъ, гдѣ священникъ за плату отдаетъ свое дѣло другому; питаюсь отъ овецъ, не хочетъ пасти ихъ, а какъ наемникъ, бѣжитъ отъ овецъ къ другимъ дѣламъ и занятіямъ? Пастырство предполагаетъ тѣсное единеніе и общеніе между паствой и пасомыми; но развѣ можетъ оно быть тамъ, гдѣ пастырь бѣжитъ отъ дѣла, котораго не любитъ, которымъ тяготится и сдаетъ его другому?

Крестцовые, или вольнонаемные священники только гости въ извѣстномъ районѣ; знакомиться съ приходомъ, имъ порученнымъ, нѣтъ надобности и времени; все дѣло сводится къ формальному отправленію порученнаго дѣла, а это не можетъ не отзываться на стройности и порядкѣ богослуженія. Ясно, что заставляетъ человѣка исполнять обязанности за другого—желаніе заработка; отсюда приходится предлагать свой трудъ нѣсколькимъ людямъ. Намъ пришлось въ одномъ городѣ видѣть визитную карточку безмѣстнаго священника, разосланную всѣмъ приходскимъ священникамъ города; указывая адресъ, онъ предлагаетъ свой трудъ по отправленію пастырскихъ обязанностей. Въ одномъ приходѣ такой священникъ берется служить ежедневно литургію, въ другомъ провести не особенно богатаго человѣка на мѣсто вѣчнаго упокоенія, въ третьемъ занимается въ церковно-приходской школѣ. Чѣмъ больше человѣкъ наберетъ работы, тѣмъ больше онъ обезпеченъ. Для работы нужно беречь время и силы; отсюда—поспѣшность въ отправленіи богослуженія и требъ, произвольныя сокращенія; отсюда недовольство духовенствомъ прихожанъ.

Чѣмъ можно было-бы сократить число безприходныхъ священниковъ, занимающихся отправленіемъ пастырскихъ обязанностей по вольному найму? Прежде всего, строгимъ и настойчивымъ распоряженіемъ о томъ, чтобы передача священникомъ своихъ обязанностей другому на болѣе или менѣе про-

должительные сроки совершалась не иначе, какъ съ разрѣшенія епархіальной власти. Для такихъ случаевъ, гдѣ есть уважительныя причины, въ каждой епархіи могутъ быть два или три священника, особо извѣстныхъ епархіальной власти по своимъ качествамъ и свободныхъ отъ приходовъ; ихъ и можно назначать на время въ тѣ приходы, гдѣ священникъ почему либо не можетъ самъ отправлять свои обязанности.

Необходимо, далѣе, болѣе строгое исполненіе приведеннаго нами выше синодальнаго опредѣленія о занятіи законоучительскихъ мѣстъ. Сокращеніе постороннихъ занятій городскихъ священниковъ не можетъ не отразиться благопріятно на ихъ собственно-пастырской дѣятельности. Правда, будетъ маленькій ущербъ ихъ матеріальному благосостоянію, но въ общемъ незначительный; обезпеченіе городскихъ священниковъ не можетъ идти въ сравненіе съ обезпеченіемъ священниковъ деревенскихъ, а между тѣмъ послѣдніе живутъ же безъ постороннихъ занятій.

Необходимо, наконецъ, открытіе новыхъ приходовъ тамъ, гдѣ удовлетвореніе нуждъ прихода одному священнику не по силамъ; въ послѣднемъ случаѣ, впрочемъ, требуется нѣкоторая осторожность, такъ какъ можно наоткрывать такихъ приходовъ, отъ которыхъ, по недостатку средствъ къ жизни, будутъ бѣжать священники.

Насколько развито разсматриваемое нами явленіе среди *всего вообще* духовенства—судить не беремся,—намъ пришлось его наблюдать въ 4—5 епархіяхъ; пусть это будутъ единичныя явленія, но они все же заслуживаютъ вниманія.

В. Пестряковъ.
